

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

T. 18

№ 1

2026

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2026. Т. 18. № 1

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Калмыцкий научный центр

Российской академии наук, 2026

© Коллектив авторов, 2026

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

Главный редактор

канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционный совет:

- д-р филол. наук **А. Алимаа**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
- д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);
- д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р ист. наук **Ц. П. Ванчикова**, Институт монголоведения, тибетологии и буддологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р ист. наук **С. В. Джунджузов**, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);
- д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);
- д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
- д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);
- д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
- д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
- д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет (Великобритания, г. Кембридж);
- д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
- д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности Российского
государственного гуманитарного университета, Институт классического Востока и
античности НИУ «Высшая школа экономики», Институт востоковедения РАН (Россия,
г. Москва);
- д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редакционная коллегия:

- канд. филол. наук **А. Т. Баянова**, Калмыцкий научный центра РАН
(Россия, г. Элиста);
- канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Переводчик: Б. О. Номинханова

Верстка: А. Н. Когданов

Ответственный секретарь: И. Б. Манджиева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Council:

- A. Alimaa*, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature
of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- B. V. Bazarov*, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- A. Birtalan*, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
- I. V. Bulgutova*, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
- Ts. P. Vanchikova*, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- L. S. Dampilova*, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- S. V. Dzhundzhuzov*, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University
(Orenburg, Russia);
- C. Humphrey*, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- R. M. Khaninova*, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt*, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology
of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- L. V. Kuras*, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- V. N. Mushaev*, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
- D. N. Muzraeva*, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- K. V. Orlova*, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- A. M. Plekhanova*, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. Ts. Pyurbeev*, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
- A. D. Tsendina*, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor,
Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute
of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya*, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and
Anthropology RAS (Moscow, Russia).

Editorial Board:

- A. T. Bayanova*, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- G. M. Yarmarkina*, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Translator: B. O. Nominkhanova
Page layout: A. N. Kogdanov
Executive Secretary: I. B. Mandzhieva

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Рыгзынов Т. Ш., Батомункуев В. С., Бадараев Д. Д., Бадонов А. М.</i> Социально-экономическая трансформация в первой половине XX в. как основа современного развития Автономного района Внутренняя Монголия КНР	8
<i>Родионов В. А.</i> Буддийское образование в Монголии: от массового явления к особому выбору	29

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Плеханова А. М., Ширанов А. А.</i> Российская экономическая экспансия в Монголии в 1911–1917 гг.: этапы, механизмы и результаты	43
<i>Лыгденова В. В., Дашинамжилов О. Б.</i> Исторические условия и специфика демографического перехода у бурят Читинской области в 1959–1989 гг.	56

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Джагрунов С. В.</i> Бёё-хан, дерево удун и птичка уули: культурно-лингвистический аспект этногонического мифа цоросов	68
<i>Смирнова А. А.</i> «Рассеивая мрак неведения»: лампадка зула в буддийской традиции монгольских народов	87
<i>Терентьев В. И.</i> Многодетность монголов как этнографический факт ...	99

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Базаров А. А., Батомункуева С. Р.</i> Нартанский Кангьюр как объект археографического исследования и культового почитания в Бурятии	113
<i>Ванчикова Ц. П.</i> Об исследователях Тибета конца XIX – начала XX в. и их дневниках	125
<i>Михайлова Е. А.</i> Письма Р. А. Иванова Н. Ф. Финдейзену (1911–1914): к истории изучения традиционной бурятской музыкальной культуры	141

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Норманская Ю. В., Догадушкин Д. М., Куканова В. В.</i> Происхождение монофтонгов первого слога в дахэцзяском диалекте баоаньском языке: экспериментально-фонетический и сравнительно-исторический анализ	155
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ханинова Р. М.</i> Поэтика рассказов Джангра Насунова 1970-х гг.	177
--	-----

ЭКСПЕДИЦИИ

<i>Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Базаров А. Б., Бреславский А. С., Гомбожапов А. Д., Намжилова В. О., Цыренов Ч. Ц., Энхчимэг Цэндмаа.</i> Великий чайный путь в историко-культурном наследии и современности южных провинций КНР: об итогах междисциплинарной экспедиции в апреле 2026 г.	190
--	-----

CONTENTS

GENERAL HISTORY

<i>Rygzynov T. Sh., Batomunkuev V. S., Badaraev D. D., Badonov A. M.</i> Socio-Economic Transformations in the first half of the 20 th Century as the Foundation of the Modern Development of the Inner Mongolia Autonomous Region, PRC	8
<i>Rodionov V. A.</i> Buddhist Education in Mongolia: from a Mass Phenomenon to a Special Choice.	29

NATIONAL HISTORY

<i>Plekhanova A. M., Shirapov A. A.</i> Russian Economic Expansion in Mongolia in 1911–1917: Stages, Mechanisms, and Results	43
<i>Lygdenova V. V., Dashinamzhilov O. B.</i> The Buryats of Chita Region: Demographic Development in 1959–1989	56

ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY

<i>Dzhagrunov S. V.</i> Böö-Khan, Udun Tree and Uuli Bird: Ethnogenic Myth of the Tsoros from Cultural and Linguistic Perspectives	68
<i>Smirnova A. A.</i> “Dispelling the Darkness of Ignorance”: The Zul Lamp in the Buddhist Tradition of Mongolic Peoples	87
<i>Terentyev V. I.</i> The Large Family of Mongolians as an Ethnographic Fact	99

SOURCE STUDIES

<i>Bazarov A. A., Batomunkueva S. R.</i> Nartan Kangyur as an Object of Archaeological Research and Cult Practice in Buryatia	113
<i>Vanchikova Ts. P.</i> About the Researchers of Tibet of the end of the 19 th – beginning 20 th Centuries and their Diaries.	125
<i>Mikhailova E. A.</i> Letters from R. A. Ivanov to N. F. Findeisen (1911–1914): on the History of the Study of Traditional Buryat Musical Culture	141

LINGUISTICS

<i>Normanskaya J. V., Dogadushkin D. M., Kukanova V. V.</i> The Origin of First-Syllable Monophthongs in the Dahejia dialect of Baonan Language: An Experimental-Phonetic and Comparative-Historical Analysis	155
---	-----

LITERARY STUDIES

<i>Khaninova R. M.</i> The Poetics of Dzhangar Nasunov’s Stories, created in the 1970s	177
--	-----

EXPEDITION

<i>Bazarov B. V., Badaraev D. D., Bazarov A. B., Breslavsky A. S., Gombozhapov A. D., Namzhilova V. O., Tsyrenov Ch. Ts., Enkhchimeg Tsendmaa.</i> The Great Tea Road in the Historical, Cultural Heritage and Present-Day of the Southern Provinces of China: Results of an Interdisciplinary Expedition in April 2026	190
---	-----

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 18, Is. 1, pp. 8–28, 2026
DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-8-28

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 913.1/913.8

Социально-экономическая трансформация в первой половине XX в. как основа современного развития Автономного района Внутренняя Монголия КНР

*Тумун Ширавович Рыгзынов¹,
Валентин Сергеевич Батомункуев²,
Дамдин Доржиевич Бадараев³,
Алексей Маланович Бадонов⁴*

Socio-Economic Transformations in the First Half of the 20th Century as the Foundation of the Modern Development of the Inner Mongolia Autonomous Region, PRC

*Tumun Sh. Rygzynov¹,
Valentin S. Batomunkuev²,
Damdin D. Badaraev³,
Alexey M. Badonov⁴*

¹ Байкальский институт природопользования СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Baikal Institute of Nature Management of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат географических наук, научный сотрудник

Cand. Sc. (Geography), Research Associate

 0000-0003-3783-8985. E-mail: tumun[at]binm.ru

² Байкальский институт природопользования СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Baikal Institute of Nature Management of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник

Cand. Sc. (Geography), Leading Research Associate

 0000-0001-9477-0652. E-mail: bvalentins[at]yandex.ru

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

доктор социологических наук, директор, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (Sociology), Director, Leading Research Associate

 0000-0001-8173-7175. E-mail: damdin80[at]mail.ru

⁴ Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат социологических наук, доцент

Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

 0000-0002-9669-9893. E-mail: badonov[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Рыгзынов Т. Ш., Батомункуев В. С., Бадарев Д. Д., Бадонов А. М., 2026

© Rygzynov T. Sh., Batomunkuev V. S., Badaraev D. D., Badonov A. M., 2026

Аннотация. *Введение.* Территория Внутренней Монголии в первой половине XX в. оказалась в самой гуще политических и экономических событий, претерпела целый ряд административно-территориальных преобразований, социально-экономические эффекты от которых наблюдаются до сих пор, что, безусловно, представляет высокий научный интерес для междисциплинарных исследований. Современная Внутренняя Монголия — это территория с уникальными этнокультурными, природно-ресурсными характеристиками, промышленным и сельскохозяйственным потенциалом. Основа такой уникальности складывалась под влиянием множества внешних и внутренних факторов в первой половине XX в. *Цель* данной статьи — анализ этих факторов как предпосылок современного экономико-географического положения Автономного района Внутренняя Монголия. *Материалы и методы.* В статье проанализированы исторические текстовые и картографические материалы, в которых содержатся новые данные о явлениях и процессах, происходивших во Внутренней Монголии в первой половине XX в., о формировании хозяйственного уклада территории и исторических предпосылках современного социально-экономического развития территорий и возникновения проектов новых глобальных (крупных) инфраструктурных проектов. Междисциплинарный подход на основе синтеза научных знаний является актуальным для решения поставленных научных задач в изучении данного региона. Комбинирование географических, исторических методов и источниковедческого анализа позволило раскрыть особенности территориальной структуры хозяйства и связей между ее подсистемами. *Результаты.* К числу внешних и внутренних факторов, оказавших влияние на развитие Внутренней Монголии в первой половине XX в., необходимо отнести трансформацию природы и общества на фоне динамичных внутренних и внешних политических процессов, реализацию крупных инфраструктурных проектов и активное хозяйственное освоение территории, изменение административных границ, формирование новых административно-территориальных образований с сопутствующими миграционными и этнокультурными процессами.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственных заданий Байкальского института природопользования СО РАН (номер госрегистрации: 12602117027-6) и Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (номер госрегистрации: 125091010220-3).

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, Автономный район Внутренняя Монголия КНР, Китайско-Восточная железная дорога, социально-экономические трансформации

Для цитирования: Рыгзынов Т. Ш., Батомункуев В. С., Бадарев Д. Д., Бадонов А. М. Социально-экономические трансформации в первой половине XX в. как основа современного развития Автономного района Внутренняя Монголия КНР // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 8–28. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-8-28

Abstract. Introduction. In the first half of the 20th century, the territory of Inner Mongolia found itself in the thick of political and economic events and underwent a series of administrative-territorial transformations. The socio-economic effects of these transformations are still observable today, which undoubtedly represents high scientific interest for interdisciplinary research. Modern Inner Mongolia is a territory with unique ethno-cultural and natural-resource combinations, as well as industrial and agricultural features. The foundations of this were shaped by a multitude of external and internal factors in the first half of the 20th century. The goal of this article is an analysis of these factors as the prerequisites for the current economic-geographical position of the Inner Mongolia Autonomous Region. *Materials and methods.* The analysis of historical textual and cartographic materials that include new data on the processes that took place in Inner Mongolia in the first half of the 20th century are analysed in the article, on the formation of the territory's economic structure, and on the historical prerequisites for the modern socio-economic development of the region and the emergence of new large-scale (global) infrastructure projects. An interdisciplinary approach based on the synthesis of scientific knowledge is relevant for addressing the research objectives in the study of this region. The combination of geographical and historical methods with source analysis has made it possible to reveal the features of the territorial economic structure and the relationships between its subsystems. *Results.* Among the external and internal factors that influenced the development of Inner Mongolia in the first half of the 20th century, it is necessary to include the transformation of nature and society against the backdrop of dynamic internal and external political processes, the implementation of major infrastructure projects and the active economic development of the territory, changes in administrative boundaries, and the formation of new administrative-territorial entities accompanied by related migration and ethno-cultural processes.

Keywords: Inner Mongolia, Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China (IMAR), Chinese Eastern Railway (CER), socio-economic transformations

Acknowledgements. The research was funded under state assignments: Baikal Institute of Nature Management, SB RAS (No. 126021117027-6); Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS (No. 125091010220-3).

For citation: Rygzynov T. Sh., Batomunkuev V. S., Badaraev D. D., Badonov A. M. Socio-Economic Transformations in the first half of the 20th Century as the Foundation of the Modern Development of the Inner Mongolia Autonomous Region, PRC. *Mongolian Studies (Elista)*. 2026. Vol. 18. Is. 1. Pp. 8–28. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-8-28

1. Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения исторических предпосылок современного социально-экономического развития Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ) Китайской Народной Республики (КНР). Особую значимость приобретает анализ трансформационных процессов в первой половине XX в., оказавших долговременное влияние на территориальную организацию хозяйства и административно-территориальное устройство региона.

В силу высокой актуальности изучения исторических предпосылок современного развития Внутренней Монголии целью настоящего исследования стало выявление пространственно-временной динамики ее административно-территориальных и социально-экономических трансформаций под влиянием внутренних и внешних факторов в первой половине XX в. Анализ проводится на основе сопоставления разновременных текстовых и картографических источников.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи исследования: проанализировать текстовые и картографические материалы как источники исторической информации об административно-территориальном устройстве маньчжуро-монгольского региона; выявить внешние геополитические факторы и внутренние политико-административные процессы, определившие трансформацию региона в первой половине XX в.; изучить изменения административно-территориального деления Внутренней Монголии, включая динамику границ, номенклатуру топонимов и взаимоотношения между этническими и социальными группами; оценить влияние инфраструктурных проектов — прежде всего строительства железных дорог — на хозяйственное освоение территории; определить долговременные последствия исторических изменений для современной территориальной структуры хозяйства АРВМ КНР.

К внешним факторам следует относить геополитическую игру ведущих мировых стран на территории Китая в первой половине XX в. В нашем исследовании это противостояние рассмотрено через призму реализации крупных инфраструктурных проектов, эффект мультипликации которых повлиял на все аспекты жизнедеятельности в рассматриваемом регионе.

К внутренним факторам относятся политические процессы, происходившие после распада Цинской империи вплоть до образования КНР. Политико-административные реформы повлекли за собой изменение административно-территориального деления северо-востока Китая, в частности Внутренней Монголии, кардинально изменив «рисунок» национального расселения, а также хозяйственный уклад в некоторых частях Внутренней Монголии, оказав существенное давление на многовековую структуру монгольского общества и их автономию.

Ключевой ожидаемый результат исследования — подтверждение долговременного эффекта социально-экономических трансформаций в первой половине XX в. Под влиянием внутренних и внешних факторов эти процессы сформировали хозяйственный уклад Китая второй половины XX в. и предопределили современное экономическое развитие АРВМ. Результаты этой работы формируют научную основу для понимания предпосылок современного экономического развития АРВМ, могут быть использованы при разработке стратегий регионального развития, а также служат базой для междисциплинарных исследований и дальнейшего изучения социально-экономических процессов в трансграничных регионах.

2. Материалы и методы

Методологическая база исследования опирается на комплексный подход, сочетающий историко-географический анализ, сравнительно-географический метод (сопоставление разновременных данных), картографический метод (анализ генерализованной информации на картах), системный анализ (рассмотрение региона как сложной социально-экономической системы).

Междисциплинарный синтез сравнительно-географического, картографического, исторического методов и источниковедческий анализ позволили выявить социально-экономические трансформации на территории Внутренней Монголии и провести их оценку.

Анализ административно-территориальных преобразований и их социально-экономических последствий опирается на несколько взаимосвязанных тео-

ретических концепций. Теория фискального федерализма [Oates 1972; Tiebout 1956] рассматривает оптимальное распределение административных полномочий между различными уровнями власти с точки зрения эффективности предоставления публичных благ. В контексте Внутренней Монголии это позволяет проанализировать, как централизация управления в период провинциальных реформ 1928 г. повлияла на развитие территории.

Теория границ [Newman 2006] позволяет использовать инструментарий для анализа барьерных и контактных функций административных границ, что особенно актуально для изучения взаимодействия монгольских и китайских территорий в период колонизации.

Историко-географический подход, разработанный в отечественной науке [Баранский 1956; Медведев 1976], предлагает изучение территориальных комплексов в их динамике и взаимосвязи с природной средой. Этот подход позволяет рассматривать Внутреннюю Монголию как социально-экономическую систему, формирующуюся под влиянием как внутренних (природно-ресурсный потенциал, этнический состав), так и внешних (политические процессы, геополитическое соперничество) факторов.

Анализ существующих отечественных и зарубежных исторических источников различных периодов на первом этапе важен в исследовании предпосылок и динамики трансформационных социально-экономических процессов, происходивших в первой половине XX в. [Рыгзынов и др. 2022]. Картографические материалы также являются важным источником информации в полимасштабном исследовании пространственных характеристик обширных по площади территорий и присущих им исторических событий на разных географических уровнях: в системе мировых, субконтинентальных и региональных исторических, социально-экономических процессов. В качестве материалов исследования использовались текстовые и картографические источники для научного и практического познания изображенных на них объектов, явлений и процессов. Основными источниками для географического анализа стали: Карта Монголии 1914 г., составленная по данным бывшего уполномоченного в Монголии И. Я. Коростовца при участии В. Л. Котвича, в масштабе 80 верст в дюйме [Котвич, Коростовец 1914]; Карта Монголии 1925 г., изданная Коммерческой частью и экономическим бюро Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) под общим руководством В. И. Сурина (составители М. П. Андриевский, Н. Ю. Станкович, Л. А. Блашкевич), в масштабе 40 верст в дюйме [Сурин 1925]; Карта Монголии 1925 г., составленная М. В. Зайцевым [Зайцев 1925]. Использовались также материалы исследований региона начала XX в.: А. В. Маракуева [Маракуев 1927а; Маракуев 1927б], А. М. Позднеева [Позднеев 1896; Позднеев 1898], З. Л. Матусовского [Матусовский 1888], Б. Фрозе [Фрозе 1911], А. Хози [Hosie 1904], Й. Т. Матусака [Matsusaka 2001], Б. Эллеман [Elleman 2015]. Анализ источников позволил получить ценные сведения об административно-территориальном устройстве территории, территориальной организации хозяйства, социальных и экономических трансформациях вследствие реализации крупных инфраструктурных проектов (строительство железных дорог).

Сопоставление внутренних и внешних общественно-политических факторов с картографическими материалами и другими источниками экономико-географической информации позволило выявить пространственную и временную

динамику трансформационных процессов на национальном, региональном и местном уровнях.

На следующем этапе экономико-географического развития анализ территории включает в себя анализ важнейших подсистем территориальной структуры хозяйства. В первую очередь интерес представляли социально-экономические эффекты от строительства КВЖД, ее южной части Харбин – Далянь, а также Пекин – Калган – Суйюаньской железной дороги. Поскольку эффекты мультипликации от реализации этих инфраструктурных проектов затронули практически все аспекты жизнедеятельности в регионе, для полноценной оценки эффектов и выявления предпосылок современного развития были изучены остальные подсистемы территориальной структуры хозяйства: промышленное и сельскохозяйственное производство, расселение населения, природные ресурсы и инфраструктура, включая данные об обеспеченности, различных сочетаниях, степени территориальной концентрации, доступности ресурсов, особенности их географического положения.

3. Результаты

3.1. Административно-территориальные преобразования Внутренней Монголии в 1914–1955 гг.

Рассматриваемая нами территория в первой половине XX в. характеризуется обширными и динамичными политическими и социально-экономическими процессами и трансформациями.

В период 1914–1949 гг. Внутренняя Монголия претерпела целый ряд административно-территориальных преобразований, продиктованных сложной и неоднозначной государственной политикой, — от родового административно-территориального деления и создания полноценных китайских провинций до обретения широкой национальной автономии, закрепленной в конституции страны. Из всего массива исторической информации в рамках данного исследования важна информация об исторических предпосылках современного экономико-географического положения региона.

В 1914 г. на политической карте Китая появились 4 новых административно-территориальных образования — особые районы Жэхэ, Чахар, Суйюань и Нинся, изменившие традиционное преимущественно родовое административное деление территории Внутренней Монголии [Дудин 2024: 113]. В 1928 г. особые районы получили статус полноценных китайских провинций. Лишь с приходом к власти коммунистов на севере и северо-востоке страны в разгар гражданской войны 1947–1949 гг. Внутренняя Монголия «возвращается» как административно-территориальная единица, а вместе с этим формируется система управления национальными регионами, функционирующая и поныне [Богословский, Москалев 1984: 201, 232–234].

Прежде всего, следует выделить 4 основных временных отрезка (см. табл. 1, строка 1), выделенные в зависимости от изменения типа административного деления (строка 2). Для каждого этапа в табл. 1 отмечены характерные политические процессы (рост национально-освободительного движения, формирование марионеточных государств, военные противостояния и пограничные споры, упразднение автономии и включение в китайскую систему управления и т. д.). Выделены также некоторые территориальные процессы: изменение админи-

стративных границ, «перемешивание» монгольских хошунов с китайскими провинциями и уездами. Данная информация подчеркивает активное встраивание монгольских территорий в структуру нового китайского государства после падения Цинской империи (маньчжурской), появления новой республики и прихода к власти коммунистической партии Китая.

К первому временному отрезку до 1914 г. нами отнесен период под управлением Цинской империи. Территория была разделена на 49 хошунов, мелких княжеств, управляемых потомками Чингис-хана или его родственников [Маракуев 1927а: 36–38; Маракуев 1927б: 46–48; Фрозе 1911: 94]. Совокупность княжеств, связанных между собой родством или общим родоначальником, называлась аймаком. Желание центральной власти ослабить родоплеменные связи и преемственность власти привели к новой форме сеймов, случайных княжеских собраний и союзов, которые возникали по мере жизненной необходимости и которые не имели прочной политической связи, во главе их находились выборные князья, а не назначаемые по праву первородства. Сеймы назывались по имени местности, где с определенной периодичностью собиралась вся монгольская знать хошунов и где решались сеймовые дела: Чжерим, Шилин-Гол, Их-Чжу, Улан-Цаб, Чжоуда и Чжосоту [Маракуев 1927а: 35–47; Маракуев 1927б: 46–55; Фрозе 1911: 98].

Второй временной отрезок, отраженный в табл. 1, связан с распадом империи Цин, с Синхайской революцией и разделением Внутренней Монголии на так называемые «Территории трех особых районов Жэхэ, Чахара и Суйюаня» [Маракуев 1927а: 35]. Свержение цинской монархии ликвидировало систему вассальной зависимости монгольских князей от маньчжурского двора, которая определяла статус Монголии в составе Китая [Богословский, Москалев 1984: 26]. Особые районы были созданы после указа Президента Китайской республики 6 июля 1914 г. Это расширение снижало уровень автономности монгольских земель, а также ускоряло рост китайского населения.

Данный период насыщен событиями борьбы за власть, переходом влияния и контроля территории от одной политической и военной группы к другой (северо-китайские милитаристы, командующие гарнизонами и др.) [Богословский, Москалев 1984: 26]. Переход власти к военизированным группам различных генералов сопровождался активными территориальными процессами отчуждения монгольских земель и появления китайских округов (дао), появления переселенческих округов или их активного расширения [Маракуев 1927а: 36; Фрозе 1911: 112]. Отмеченное ранее активное заселение территорий китайским населением, названное в источниках как «китайская колонизация» [Фрозе 1911: 90–96; Маракуев 1927а: 36], является одним из самых острых социальных явлений этого периода. Процессы, происходившие в китайском обществе вследствие нехватки земель в южных провинциях, растущего социального и материального неравенства, сопровождалась захватом монгольских земель, ассимиляцией (китаизацией) монгольского населения, а также возникающими межнациональными конфликтами. Этническая вражда, отказ монголов в дальнейшей уступке своих земель переселенцам привели к погромам, грабежам, насилию и исходу некоторой части населения с ранее заселенных мест. Это стало предвестником переустройства системы местного самоуправления, нацеленной на ликвидацию национальной автономии, создание китайских уездов на основе ранее созданных переселенческих районов [Фрозе 1911: 106–113].

Таблица 1. Административно-территориальные преобразования бывшей провинции Суйюань
[Table 1. Administrative and territorial changes in the former Suiyuan Province]

Период	До 1914 г.	1914–1928 гг.	1928–1954 (1955) гг.	1954–1955 гг.
Административно-территориальное деление	Родовое деление	Особый район Суйюань	Провинция Суйюань	Автономный район
Политические процессы	Военное управление. Упразднение родового наследования титулов. Создание сеймов — временных княжеских союзов	Изменение старых границ с включением территорий китайских провинций, заселение монгольских земель китайским населением	Внешние политические процессы между Китаем, СССР и Японией. Внутренние процессы: борьба политических сил, создание марionеточных государств (Маньчжоу Го, Мэнцзян)	Появление монгольской автономии, создание новой системы административно-территориального деления
Ключевые события	Правление империи Цин	Синхайская революция, контроль военными группами, появление переселенческих округов	Национально-освободительные восстания, японская оккупация Внутренней Монголии, антияпонское движение, Гражданская война и победа Коммунистической партии Китая	Установление власти Коммунистической партии Китая. Ключевые социальные, экономические реформы, формирование современного административно-территориального деления
Территориальные процессы	Родовое деление, четкие границы монгольских земель	Колониальные процессы, захват монгольских земель, упразднение родового деления	Изменение территорий из-за военных конфликтов, появление монгольской автономии при поддержке Японии	Образование Автономного района Внутренней Монголии в составе КНР, административные реформы КНР

Составлено авторами по: [Богословский, Москалев 1984; Дулин 2024; Маракуев 1927а; Маракуев 1927б; Фрозе 1911].

Указанные общественные процессы в свою очередь оказывали влияние на весь хозяйственный уклад местного населения. Рост городов и поселков, сокращение или утрата пастбищ и увеличение посевных площадей приводили к исходу монгольского населения (онютов, туметов, чахаров, ордосских и алашаньских монголов) или к переходу к оседлому образу жизни и постепенному утрачиванию своих национальных черт. В случаях оседлого образа жизни монголы жили уже не в традиционных войлочных юртах, а в традиционных китайских жилищах — фанзах. При них имелись огороды, за которыми тянулись пашни. Кроме традиционных видов скота, монголы разводили домашних птиц и ослов. Во всем хошуне оседлыми пунктами также являлись монастыри [Сурин 1925; Зайцев 1925]. Для китайцев же был характерен тип расселения сравнительно большими группами по всему хошуну с характерными видами деятельности: торговлей, земледелием, огородничеством и стойловым скотоводством. Таким образом, первые оседлые поселения стали своеобразными пунктами роста китайского населения, создавшими предпосылки появления крупных городских округов в современном АРБМ [Рыгзинов, Батомункуев 2025: 185].

Третий временной отрезок продолжался с 1928 г. до 1947 г., на данной территории он являлся самым насыщенным политическими процессами периодом, тонкости которых невозможно раскрыть в рамках одной статьи. Не углубляясь в исследование и подробное описание политических процессов, можно выделить ужесточение китайской государственной системы управления с включением в нее монгольских и других национальных районов [Дудин 2024: 112; Богословский, Москалев 1984: 224–227; Маракуев 1927а: 36; Маракуев 1927б: 54].

Следует отметить период установления в Китае господства партии Гоминьдан, формирования чанкайшистской национальной доктрины с культом китайской нации и идеями ускоренной китаизации неханьских национальностей — доктрины, которая в конечном итоге потерпела провал [Богословский, Москалев 1984: 224–227]. В 1928 г. три особых района были преобразованы в провинции. Одновременно были созданы провинции Нинся и Цинхай с землями, населенными западными монголами. Внутри провинций была создана уездная система управления; аймачная и хошунная системы деления остались только в районах с монгольским населением. Основными целями этой административной реформы были предотвращение возможности единства монголов и создание условий для ханьской колонизации и ассимиляции монголов [Богословский, Москалев 1984: 78].

Рост освободительного движения и появление новых национальных автономий на фоне внутрикитайских политических противоречий привели к компромиссным решениям и появлению Внутренней Монголии на карте, упразднению провинции Суйюань и появлению АРБМ в будущем.

Четвертый период (1947–1955 гг.) связан с созданием Автономного района Внутренняя Монголия в пределах Китая. Иная национальная программа Коммунистической партии Китая и поддержка идей на самоопределение наций содействовали вовлечению неханьских народов в политическую борьбу и победу компартии в гражданской войне [Богословский, Москалев 1984: 231–234]. Аграрная реформа 1947–1948 гг., налоговая, денежная реформы и другие важные периоды развития КНР стали основой современной территориальной хозяйственной системы АРБМ.

В то же время рассматриваемая нами территория переживала пик геополитической борьбы между Россией, Японией и Китаем. Южно-маньчжурская железная дорога находилась под контролем Японии в результате Русско-японской войны. Период 1931–1934 гг. связан с оккупацией территории Маньчжурии, созданием государства Маньчжоу Го и строительством большого количества военных объектов [Лузянин 2001: 41–51; Penwell 2019]. Захват части Внутренней Монголии представлял для Японии исключительно важное значение в целях контроля над Пекин-Суйюаньской железной дорогой, выхода к границе с МНР и ее окружению, контроль над политикой монгольских князей [Богословский, Москалев 1984: 169–173; Лузянин 2001: 42; Matsusaka 2001: 365].

3.2. Железнодорожное строительство и трансформация территориальной структуры хозяйства

Описанные ранее ключевые события и процессы оказали значительное влияние на последующие территориальные и социально-экономические процессы. Следует отметить, что границы монгольских, маньчжурских и китайских земель значительно изменились, усилилось миграционное и этнокультурное давление. Окончательно утратила смысловое и функциональное значение ивовая изгородь, по которой проходила традиционная граница между монгольским, маньчжурским и ханьским населением. Ханьское население мигрировало и селилось преимущественно вдоль рек, постепенно осваивая равнины и плодородные горные долины. Они принесли с собой навыки многовековой земледельческой культуры, торговлю, ремесло и основные формы административной организации. Под влиянием китайской колонизации скотоводство — прежняя основа экономического благосостояния Внутренней Монголии — стало уступать первенствующую роль земледелию [Фрозе 1911: 114, 135].

Функционирование железных дорог послужило ключевым индикатором для изучения структурных трансформаций хозяйства Внутренней Монголии и пространственно-временной динамики экономического развития региона в целом. Картографические изыскания рассматриваемого периода преимущественно фокусировались на проектировании железных дорог и прилегающих к ним экономически значимых районов [Баранов 1926: 4; Описание 1897: 1; Северная 1922: 28; Справочник 1927: 29–31], что придает им особую ценность в качестве источника социально-экономической информации. Появление КВЖД стало поворотным моментом в истории Внутренней Монголии и Северной Маньчжурии. Протянувшись через всю территорию региона в широтном и меридиональном направлениях, железная дорога связала прежде разобщенные хозяйственные зоны (скотоводческие, лесные и земледельческие районы) в единую экономическую систему.

Особую значимость строительство КВЖД приобрело в контексте природных условий Северной Маньчжурии. Течение реки Сунгари, направленное на северо-восток до впадения в р. Амур, создавало существенные препятствия для речного транспорта. Грузы, перемещаемые на юг, в сторону Большого Китая, вынуждены были двигаться преимущественно против течения, что увеличивало время доставки и транспортные издержки [Северная 1922: 17].

В конечном итоге КВЖД позволила преодолеть эту природную преграду, обеспечив альтернативный сухопутный маршрут для грузоперевозок; снижение логистических затрат; ускорение товарооборота между регионами; интеграцию Северной Маньчжурии в общеазиатскую и международную торговую систему.

Через порты Владивосток, Инкоу и Далянь дорога открыла доступ к мировому рынку, укрепила связи с российским Дальним Востоком [Денисов 1913: 10] и Южной Маньчжурией. Так КВЖД стала не просто транспортной магистралью, а основой новой экономической системы региона, где железная дорога выполняла роль связующего элемента между добычей, переработкой и рынками сбыта. Транспортная доступность снизила издержки на доставку сырья и готовой продукции и сделала рентабельной разработку местных природных ресурсов. В прилегающих районах усилилась деловая активность, появилось множество концессий по добыче угля, металлов, заготовке леса. Товарные потоки преимущественно распределялись следующим образом: зерно и скот — в Россию; древесина и мука — в Южную Маньчжурию и дальше в Китай; продукция растениеводства — на экспорт в Европу и Японию [Справочник 1927: 112–114; Hosie 1904: 242].

Переход в 1905 г. значительной части Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), построенной Россией в 1898–1903 гг., протяженностью 735 км, под контроль Японии после Русско-японской войны не прервал ее связи с КВЖД [Penwell 2019]. Сообщение поддерживалось через стыковочные станции Куанченцзы и Чанчунь, где возникла необходимость перевалки грузов из-за различий в ширине железнодорожной колеи [Северная 1922: 98; Справочник 1927: 28, 209; Matsusaka 2001: 372].

Этот логистический фактор стал катализатором развития Чанчуня: город превратился в крупный грузовой узел; выросла его роль как центра распределения товаров между разными железнодорожными системами; усилилась экономическая активность за счет концентрации транспортных и торговых операций; повысилась административная значимость как управленческого центра региона [Северная 1922: 98].

Опираясь на возросшую административную и экономическую роль Чанчуня, Японское правительство в период 1905–1945 гг. построило несколько ответвлений от ЮМЖД на юго-восток и северо-восток, значительно расширив зону своего экономического влияния в направлениях Чанчунь – Таонань, Чанчунь – Тунляо, Чанчунь – Тунляо – Чифен – Чэндэ (Жэхэ) [Matsusaka 2001: 166].

Калган-Суйюаньская железная дорога была единственной, проходившей по южной части Внутренней Монголии. Данный участок вместе с Пекин-Калганской дорогой составлял Пекин-Суйюаньскую железную дорогу, построенную в 1905–1921 гг. В период проектирования планировалось строительство Калган-Ургинской железной дороги с конечной станцией Урга. Подвижной состав дороги в 1925 г. состоял из 138 паровозов, 122 пассажирских и почтовых вагонов, 1 526 товарных вагонов и платформ, двух цистерн и одной подвижной амбулатории; за последние годы вагонный парк сильно изнашивался. Общий доход дороги Пекин – Баотоу в 1924 г. составлял около 8,8 млн долл., в том числе от перевозки 1,45 млн пассажиров 1,9 млн долл., от перевозки 1,4 т груза — 6,5 млн долл. [Маракуев 1927а: 45].

Железная дорога была построена китайским правительством на заемные средства бельгийских и японских кредиторов. На тот момент существовал проект продолжения дороги до г. Уюань и далее до г. Нинся, находящегося в провинции Ганьсу. Что касается постройки других железных дорог, то можно упомянуть о проектах постройки дополнительной линии от Пекин-Суйюаньской железной дороги до Калган-Ургинского тракта и далее до г. Таонаньфу общей протяженностью 965 км [Маракуев 1927а: 46; Маракуев 1927б: 45; Matsusaka 2001: 166].

Строительство этих железных дорог и их функционирование дали взрывной эффект хозяйственного освоения территории, заложившего основу индустриального роста АРВМ в период после 1947 г.

Во-первых, крупные инфраструктурные проекты являются драйверами роста экономической активности за счет своей высокой ресурсоемкости и эффекта мультипликации. Железные дороги не только служили путями перевозки этих грузов, они стали грандиозным «насосом», втягивающим огромные денежные средства, превращавшиеся здесь в спрос на рабочие руки, строительные материалы и продовольствие, спровоцировав поток стремительной стихийной миграции китайского населения с юга.

Хозяйственное освоение природных ресурсов ради строительных материалов со временем масштабировалось и переросло во множество концессий для дальнейшего экспорта продукции за рубеж. Хотя для того времени была характерна слабая изученность минеральных запасов, в исторических источниках все же отмечены значительные запасы угля, асбеста и самоцветных камней в хребтах Иншань и Хинган. Упомянуты места добычи угля и нефтеносные районы в провинциях Суйюань и Жэхэ (Бэйбяо, Сараци, Да-циншань и т. д.). По подсчету министерства земледелия и торговли, запасы угля во Внутренней Монголии определялись на 1926 г. (в млн т): каменный уголь (сорт антрацит) — 150, коксующийся уголь — 310 [Маракуев 1927а: 41; Маракуев 1927б: 47; Справочник 1927: 166–180]. По сведениям Чахарского отдела промышленности, в Ордосском аймаке и в районе Чаояна имелись месторождения железной руды с содержанием около 50 % железа, запасы которой определяются в 370 тыс. т. Большое промышленное значение придавалось добыче выпариванием поваренной соли и соды из местных озер — хучжиров [Маракуев 1927а: 41; Фрозе 1911: 135].

Из-за разницы тарифов для внутренних и транзитных товаров создавались выгодные условия для перемещения транзитных грузов. Эта искусственность в построении тарифов была одной из главных причин широкого развития гужевых перевозок и караванных дорог. Например, только в пределах Суйюаня можно выделить: Калган-Ургинскую дорогу протяженностью 1 635 км; Калган-Гуйхуаченский тракт; дорогу Гуйхуачен-Кобдо, через Улясутай; дорогу Гуйхуачен-Баотоу; Баотоу-Уюанскую дорогу протяженностью 201 км; дороги Гуйхуачен – Урга и Гуйхуачен – Ланьжоу и другие [Маракуев 1927а: 46].

Во-вторых, одним из самых интересных с точки зрения территориальных процессов являются японская оккупация и создание автономных марионеточных правительств. Изменение границ и административных центров, повышение и понижение административного статуса и роли некоторых городов надолго определили их дальнейшую историю. Возросла административная и экономическая роль гг. Чанчунь, Хух-хото, Баотоу, Калган и других. Некогда крупные центры приграничной торговли сырьем и товарами между китайцами и монголами (Чэндэ (Жэхэ), Чифын, Чаоян, Цзинин (Цзиньпэн), Долон-Нор, Салаци (Сарацзы), Цинин) постепенно стали транспортно-логистическими и производственными центрами в регионе.

3.3. Современное административно-территориальное деление и расселение населения АРВМ

В современном административно-территориальном делении этой части Китая (см. табл. 2) с указанием провинциального, окружного и уездного деления выделены некоторые особенности современного административно-территори-

ального деления [Маньжуро-монгольский 2025: 129], формирование крупных городских округов из бывших крупных поселений Внутренней Монголии (Баотоу, Хух-Хото, Ордос и др.), увеличение числа уездов и сокращение числа аймаков и хошунов, появление специализированных поселений на основе существующих природных ресурсов (горнодобывающий район Баян-Обо), переименование монгольских и появление преимущественно китайских переводных топонимов, например: «Дурбенхухед» (монг. ‘четыре сына’) — в настоящее время хошун «Сыцзыван» (кит. ‘Четыре князя’).

Таблица 2. Современное административное деление АРБМ КНР
[Table 2. Modern Administrative Division of the Inner Mongolia
Autonomous Region of People’s Republic of China]

№	Название	Статус	Состав	Население, площадь	Административные центр
1	Алашань	Аймак	3 хошуна	217,3 тыс. чел. на 267,5 км²	Баян-Хото
2	Баян-Нур	Городской округ	1 район, 2 уезда, 4 хошуна	1 741,9 тыс. чел. на 65,7 км²	Баян-Нур
3	Ухай	Городской округ	3 района	477,0 тыс. чел. на 7 км²	Ухай
4	Ордос	Городской округ	1 район, 7 хошунов	1 547,9 тыс. чел. на 86,7 км²	Ордос
5	Баотоу	Городской округ	6 районов, 1 уезд, 2 хошуна	2 700,0 тыс. чел. на 27,7 км²	Ботоу
6	Хух-Хото	Городской округ	4 района, 4 уезда, 1 хошун	2 635,0 тыс. чел. на 17,2 км²	Хух-Хото
7	Уланчаб	Городской округ	1 район, 1 городской уезд, 5 уездов, 4 хошуна	2 138,2 тыс. чел. на 54,4 км²	Улан-Чаб
8	Шилин-Гол	Аймак	2 городских уезда, 1 уезд, 9 хошунов	1 016,8 тыс. чел. на 201,4 км²	Шилин-Гол
9	Чифэн	Городской округ	3 района, 2 уезда, 7 хошунов	4 376,6 тыс. чел. на 90,0 км²	Чифэн
10	Тунляо	Городской округ	1 район, 1 городской уезд, 1 уезд, 5 хошунов	3 094,6 тыс. чел. на 59,5 км²	Тунляо
11	Хинган	Аймак	2 городских уезда, 1 уезд, 3 хошуна	1 603,4 тыс. чел. на 59,8 км²	Хинган
12	Хулун-Буир	Городской округ	1 район, 5 городских уездов, 4 хошуна, 3 автономных хошуна	2 549,0 тыс. чел. на 263,9 км²	Хулун-Буир

Источник: [Inner 2022: 16].

Анализ численности населения свидетельствует, что плотность населения выросла с 20 чел. на 1 км² в начале XX в. до 80 чел на км² по статистическим данным 2022 г. (см. табл. 3) [Северная 1922: 12–16; Справочник 1927: 8–9; NBSC 2024; The Observatory 2024].

Таблица 3. Современное административное деление
и количество населения АРБМ КНР
[Table 3. Modern Administrative Division and Population of the Inner Mongolia
Autonomous Region of People’s Republic of China]

	Постоянное население (10 тыс. чел.), 2022 г.	Площадь территории (10 тыс. км ²)	Плотность насе- ления, 2022 г.
Хух-Хото	355,11	1,72	206,46
Баян-Нур	151,76	6,44	23,57
Ордос	220,07	8,68	25,35
Баотоу	274,04	2,77	98,93
Уланчаб	163,11	5,5	29,66

Источники: [Inner 2022; NBCS 2024; The Observatory 2024].

**3.4. Современная структура промышленного и сельскохозяйственного
производства АРБМ**

Современная структура промышленного производства связана с добычей, переработкой и использованием минерально-сырьевой базы территории. Автономный регион Внутренняя Монголия является регионом с наибольшим количеством новых месторождений полезных ископаемых в Китае. Рудник Баян-Обо является крупнейшим редкоземельным рудником в мире. К концу 2017 г. в Автономном регионе Внутренняя Монголия насчитывалось 18 видов полезных ископаемых с самыми большими запасами ресурсов в стране, 47 видов ископаемых по запасам вошли в тройку лидеров, а 92 вида — вошли в первую десятку. Продолжается добыча угля, коксующегося угля, получила распространение металлургическая и сталелитейная промышленность, связанная с местами добычи угля. Обнаруженные запасы редкоземельных ресурсов занимают первое место в мире. Запасы угля всего региона составляют 25,03 % от общего объема в Китае, занимая второе место в стране (см. табл. 4) [Inner 2022: 203; NBCS 2024].

Таблица 4. Структура промышленного производства АРБМ КНР в 2022 г.
в пределах бывшей провинции Суйюань
(составлено по данным National Bureau of Statistics of China)

[Table 4. Industrial production structure of the Inner Mongolia Autonomous Region of
China in 2022 within the former Suiyuan Province (compiled based on data from the
National Bureau of Statistics of China)]

	Хух-Хото	Баян-Нур	Ордос	Баотоу	Уланчаб
Уголь, 10 тыс. т	1 062,4	33	80 360,6	1 895,68	0
Нефть, 10 тыс. т	0	2,7	30	0	0
Выработка электроэнер- гии (100 млн кВт/ч)	625,1	247,2	1495,4	822,79	569,61
Коксующийся уголь, 10 тыс. т	171,5	386,3	1190,4	631	0
Молочная продукция, 10 тыс. т	178,6	95,3	0	45,1	28,2
Производство пластика, 10 тыс. т	44	0	502,2	109,89	62,4
Удобрения, 10 тыс. т	0,3	1	275,1	0,7	0

Цемент, 10 тыс. т	465,3	184,9	565,8	337,9	355,8
Кремниевые материалы, 10 тыс. т	21,9	1,3	1,5	28,3	0
Чугун, 10 тыс. т	0	0	0	1768	0
Сталь, 10 тыс. т	0	0	63	1915,4	50,7
Ферросплавы, 10 тыс. т	8,4	31,8	158,9	71,26	784,7

Источники: [Inner 2022: 203; NBCS 2024; The Observatory 2024].

Одной из ведущих отраслей является производство электроэнергии на тепловых электрических станциях, а также широкое применение альтернативных источников энергии на основе возобновляемых источников энергии солнца и ветра.

Широко развито мясное и мясомолочное сельскохозяйственное производство. Следует отметить, что к традиционной структуре производимой сельскохозяйственной продукции прибавился значительный объем производимой свинины и мяса птицы (см. табл. 5). Структура производства продукции растениеводства АРВМ КНР в 2022 г. в пределах бывшей провинции Суйюань представлена в табл. 6.

Таблица 5. Структура производства продукции животноводства АРВМ КНР в 2022 г. в пределах бывшей провинции Суйюань

(составлено по данным National Bureau of Statistics of China)

[Table 5. Structure of livestock production in the Inner Mongolia Autonomous Region of China in 2022 within the former Suiyuan Province (compiled based on data from the National Bureau of Statistics of China)]

	Хух-Хото	Баян-Нур	Ордос	Баотоу	Уланчаб
Мясо, т	143 235	296 477	151 800	149 154	165 015
свинина, т	59 191	33 387	31 456	36 573	45 919
говядина, т	31 009		26 035	37 139	22 003
баранина, т	53 035	243051	94 309	75 442	97 093
молоко, т	2 254 056	1 091 843	378 384	384 830	233 515
шерсть, т	3 494	10 692	14 057	5 168	7 698
козий волос, т	618	771	7 949	751	514
кашемир, т	311	585	3 552	343	129
яйца, т	63 744	24 804	9 508	53 358	34 514
птица, т	8 414	59 689	1 796	7 373	4 860

Источники: [Inner 2022: 175; NBCS 2024; The Observatory 2024].

Таблица 6. Структура производства продукции растениеводства АРВМ КНР в 2022 г. в пределах бывшей провинции Суйюань

(составлено по данным National Bureau of Statistics of China)

[Table 6. Structure of crop production in the Inner Mongolia Autonomous Region of China in 2022 within the former Suiyuan Province (compiled based on data from the National Bureau of Statistics of China)]

	Зерно, 10 тыс. т	Кукуруза, 10 тыс. т	Бобовые, 10 тыс. т	Картофель, 10 тыс. т	Масличные культуры, 10 тыс. т
Хух-Хото	183	155,8	1,98	13,15	4,8

Баян-Нур	290,8	270,9	1,4	0,7	76,3
Ордос	210,5	197,3	2,9	5,7	9,6
Баотоу	117,8	109,1	2,5	2,5	5,2
Уланчаб	119,5	59,5	4	28	10,7

Источники: [Inner 2022: 175; NBCS 2024; The Observatory 2024].

4. Заключение

Географические карты как источники исторической информации позволили изучить значительный объем информации в достаточно обобщенном (генерализованном) виде для обширной по площади и разнообразной территории маньчжуро-монгольского мира. Комплексный анализ картографических и текстовых источников первой половины XX в. позволяет с высокой точностью проследить пространственно-временную динамику социально-экономической, этнокультурной трансформации под влиянием совокупности внутренних и внешних факторов.

Накопление экономико-географических данных и их анализ позволяют создать обширную базу разновременных сопоставимых данных о хозяйственной организации, а актуализация этой информации служит научной основой выявления предпосылок современного хозяйственного освоения Внутренней Монголии. Важными результатами исследования являются выявленные особенности административно-территориального деления Внутренней Монголии в первой половине XX в.: изменение названий и границ, взаимоотношения между владениями разного уровня, взаимоотношения между монгольским, маньчжурским и китайским ханьским населением, а также их различными социальными группами. Полезной является информация о появлении новых топонимов на основе названий местности, об отказе от родовых названий, а также замене монгольских топонимов на китайские — как свидетельство крупных административных реформ в стране, что является ценным для дальнейших междисциплинарных исторических и географических исследований.

На протяжении веков границы между китайскими и монгольскими землями поддерживались сложной системой барьеров. С одной стороны, это были искусственные сооружения — Великая Китайская стена и Ивовый палисад, дополненные сетью пограничных застав. С другой — естественные преграды: хребты Иншань и Хинган и пустыня Гоби. Такое деление закреплялось административно и препятствовало взаимному проникновению оседлой и кочевой культур на территории друг друга.

Со временем ситуация изменилась. Реформы в системе управления территориями и национальной политике Китая ослабили эти барьеры. Параллельно строительство железных дорог открыло новые возможности для экономического взаимодействия, а геополитическое соперничество иностранных держав за влияние в регионе ускорило процессы исчезновения видимых градиентов между монгольскими и китайскими землями.

В периоды политической нестабильности и смены власти геополитическое противостояние за контроль над регионом обострялось. Расширение сфер влияния сопровождалось ростом некоторых городов: повышался их административный и экономический статус, росла численность населения, улучшалась транспортная доступность.

Постепенно формировалась устойчивая территориальная структура расселения, которая впоследствии стала основой административно-территориального деления Автономного района Внутренняя Монголия в составе КНР.

Развитие железнодорожной сети стало ключевым фактором трансформации хозяйства Внутренней Монголии. Железные дороги не просто изменили маршруты грузопотоков — они перестроили всю экономическую систему региона. Рынки сбыта и потребления перестали быть локальными: районы производства и потребления объединились в единую сеть. Это дало мощный импульс освоению территорий и стимулировало развитие ключевых отраслей — от горной добычи до животноводства.

Анализ современной территориальной структуры хозяйства, системы расселения и ресурсной базы Внутренней Монголии демонстрирует, что ее фундаментальные основы были заложены в первой половине XX в. Административные реформы китайских властей способствовали поэтапной интеграции монгольских земель в единую государственную систему. События данного периода и сформированная тогда экономическая база выступили ключевыми предпосылками современного развития региона.

Современная экономика региона базируется на инфраструктуре и ресурсах, освоенных в начале прошлого столетия. Транспортная сеть, заложенная в период железнодорожного строительства в начале XX в., стала основой современной транспортной системы северо-востока Китая. Минерально-сырьевая база, разработка которой была начата в тот период, определила центры современного промышленного производства, что в совокупности с миграционными процессами сформировало систему расселения на территории нынешней Внутренней Монголии.

Таким образом, исторические процессы в первой половине XX в. заложили долгосрочные тенденции развития Внутренней Монголии, которые продолжают определять ее социально-экономическую динамику в современном Китае.

Полученные данные обладают высокой научной ценностью в междисциплинарных исследованиях для анализа барьерных и контактных функций границ, определения градиентов — показателей, отражающих различия в экономических, социальных, экологических и иных характеристиках территорий, разделенных какими-либо границами; понимания долгосрочных последствий административно-территориальных преобразований и строительства инфраструктурных объектов.

Литература

- Баранов 1926 — *Баранов И. Г.* Административное устройство Северной Маньчжурии с картой // Вестник Маньчжурии. 1926. № 11–12. 24 с.
- Баранский 1956 — *Баранский Н. Н.* Экономическая география. Хозяйственно-географический очерк. М.: Географиздат, 1956. 208 с.

References

- Baranov I. G. The Administrative Structure of Northern Manchuria, with a Map. *Bulletin of the Manchuria*. 1926. No. 11–12. 24 p. (In Russ.)
- Baransky N. N. Economic Geography. Economic and Geographical Essay. Moscow: Geografizdat, 1956. 208 p. (In Russ.)

- Богословский, Москалев 1984 — *Богословский В. А., Москалев А. А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 263 с.
- Денисов 1913 — *Денисов В. И.* Россия на Дальнем Востоке. СПб.: Типо-лит. Ю. Я. Римана, 1913. 151 с.
- Дудин 2024 — *Дудин П. Н.* Монгольские хошуны и административная реформа в зоне маньчжуро-монгольского фронта — на картах И. Я. Коростовца (1914 г.) и В. И. Сурина (1925 г.) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2024. № 1(53). С. 78–82.
- Зайцев 1925 — *Зайцев М. В.* Карта Монголии. Харбин: Типо-лито-цинкогр. Л. М. Абрамовича, 1925. 1 л.
- Котвич, Коростовец 1914 — *Котвич В. Л., Коростовец И. Я.* Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии: прил. к карте Монголии, сост. по данным б. рос. уполномоченного в Урге И. Я. Коростовца. Санкт-Петербург: Картогр. заведение А. Ильина, 1914. 44 с., 4 л. ил.
- Лузянин 2001 — *Лузянин С. Г.* Дипломатическая история событий на Халхин-Голе. 1932–1939 гг. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 41–51.
- Маньчжуро-монгольский 2025 — Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в. (атлас-монография) / отв. ред. П. Н. Дудин; науч. ред. Б. В. Базаров, К. С. Ганзей. Улан-Удэ; Владивосток: ИМБТ СО РАН; ТИГ ДВО РАН, 2025. 144 с.
- Маракуев 1927a — *Маракуев А. В.* Внутренняя Монголия // Вестник Маньчжурии. 1927. № 8. С. 35–47.
- Маракуев 1927b — *Маракуев А. В.* Внутренняя Монголия // Вестник Маньчжурии. 1927. № 9. С. 46–55.
- Матусовский 1888 — *Матусовский З. Л.* Географическое обозрение Китайской империи: с карт. на 4 л. и 5 прил. в тексте. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1888. [4], XX, 358, [2], 87 с., 1 л. карт.
- Bogoslovsky V. A., Moskaev A. A. The National Question in China (1911–1949). Moscow: Nauka, GRVL, 1984. 263 p. (In Russ.)
- Denisov V. I. Russia in the Far East. St. Petersburg: Yu. Ya. Riman, 1913. 151 p. (In Russ.)
- Dudin P. N. Mongolian Khoshuns and Administrative Reform in the Manchurian-Mongolian Frontier Zone — on the Maps of I. Ya. Korostovets (1914) and V. I. Surin (1925)’. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS*. 2024. No. 1(53). Pp. 78–82. (In Russ.)
- Zaytsev M. V. Map of Mongolia. Harbin: L. M. Abramovich, 1925. 1 p. (In Russ.)
- Kotvich V. L., Korostovets I. Ya. A Brief Overview of the History and Current Political Situation of Mongolia: Appendix to the Map of Mongolia Compiled According to the Data of the Former Russian Commissioner in Urga I. Ya. Korostovets. St. Petersburg: A. Ilyin, 1914. 44 p. (In Russ.)
- Luzyanin S. G. Diplomatic History of the Events at Khalkhin Gol. 1932–1939. *Modern and Contemporary History*. 2001. No. 2. Pp. 41–51. (In Russ.)
- Manchurian-Mongolian World of Inner Asia in the First Half of the 20th Century: An Atlas-Monograph. P. Dudin (resp.ed.); B. Bazarov, K. Ganzei (eds.). Ulan-Ude; Vladivostok: IMBT SB RAS; TIG FEB RAS, 2025. 144 p. (In Russ.)
- Marakuev A. V. Inner Mongolia. *Bulletin of Manchuria*. 1927. No. 8. Pp. 35–47. (In Russ.)
- Marakuev A. V. Inner Mongolia. *Bulletin of Manchuria*. 1927. No. 9. Pp. 46–55. (In Russ.)
- Matusovsky Z. L. Geographical Review of the Chinese Empire: with a Map on 4 Sheets and 5 Appendices in the Text. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk, 1888. [4], XX, 358 [2], 87 p. (In Russ.)

- Медведев 1976 — *Медведев А. В.* Историческая география. М.: Высшая школа, 1976. 264 с.
- Медvedev A. V. Historical Geography. Moscow: Vysshaya Shkola, 1976. 264 p. (In Russ.)
- Описание 1897 — Описание Маньчжурии (с картой) / сост. в Канц. Министра финансов под ред. Д. Позднеева. СПб.: М-во фин., 1897. V, 620, VI с., 1 карт.
- Description of Manchuria (with a map) Kancelyariya Ministra Finansov (comp.), D. Pozdneev (ed.). St. Petersburg, 1897. Vol. 620, 6 p., 1 map. (In Russ.)
- Позднеев 1896 — *Позднеев А. М.* Монголия и монголы: Результаты поездки в Монголию, исполн. в 1892–1893 гг. А. Позднеевым. Т. 1. Дневник и маршрут 1892 года. СПб.: Рус. георг. о-во, 1896. XXX, 697 с.
- Pozdneev A. M. Mongolia and the Mongols: Results of the Trip to Mongolia, carried out in 1892–1893 by A. Pozdneev. Vol. 1. Diary and Route of 1892. St. Petersburg: Russkoe Geograficheskoe Obshchestvo, 1896. XXX, 697 p. (In Russ.)
- Позднеев 1898 — *Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Т. 2. Дневник и маршрут 1893 года СПб.: Рус. георг. об-во, 1898. XXX, 517с.
- Pozdneev A. M. Mongolia and the Mongols: Results of the Trip to Mongolia, carried out in 1892–1893 by A. Pozdneev. Vol. 2. Diary and Route of 1893. St. Petersburg: Russkoe Geograficheskoe Obshchestvo, 1898. XXX, 517 p. (In Russ.)
- Рыгзынов и др. 2022 — *Рыгзынов Т. Ш., Батомункуев В. С., Бешенцев А. Н.* Картографические материалы как исторический источник в исследованиях маньчжуро-монгольского мира начала XX века // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. Т. 42. 2022. С. 90–101.
- Rygzynov T. Sh., Batomunkuev V. S., Beshentsev A. N. Cartographic Materials as a Historical Source in the Studies of the Manchu-Mongolian World at the Beginning of the 20th Century. Proceedings of the Irkutsk State University. Series: Earth Sciences. Vol. 42. 2022. Pp. 90–101. (In Russ.)
- Рыгзынов, Батомункуев 2023 — *Рыгзынов Т. Ш., Батомункуев В. С.* Анализ изменений административно-территориальных границ Внешней Монголии (Халхи) в начале XX века на основе ретроспективных картографических материалов // Наукосфера. 2023. № 12–1. С. 16–23.
- Rygzynov T. Sh., Batomunkuev V. S. Analysis of Changes in the Administrative and Territorial Borders of Outer Mongolia (Khalkha) in the Early 20th Century Based on Retrospective Cartographic Materials. *Naukosfera*. 2023. No. 12–1. Pp. 16–23. (In Russ.)
- Рыгзынов, Батомункуев 2025 — *Рыгзынов Т. Ш., Батомункуев В. С.* Транспортное сообщение во внутренней Монголии в начале XX века // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 11–1. С. 182–189.
- Rygzynov T. Sh., Batomunkuev V. S. Transport Communications in Inner Mongolia at the beginning of the 20th Century. *Humanitarian Scientific Journal*. 2025. No. 11–1. P. 182–189. (In Russ.)
- Северная 1922 — Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. Харбин: Тип. КВЖД, 1922. 724 с.
- Northern Manchuria and the Chinese Eastern Railway. Harbin: China Eastern Railway Book Publ., 1922. 724 p. (In Russ.)

- Справочник 1927 — Справочник по Северной Маньчжурии и КВЖД. Харбин: Изд. экономического бюро КВЖД, 1927. 607 с.
- Сурин 1925 — Сурин В. И. Карта Монголии // Харбин: Коммерческая часть КВЖД, 1925. 1 л.
- Фрозе 1911 — Фрозе Б. Восточная Монголия и ее колонизация // Вестник Азии. 1911. № 10. С. 90–136.
- Alesina et al. 2003 — Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. Vol. 8. No. 2. Pp. 155–194.
- Hosie 1904 — Hosie A. Manchuria. Its people, resources and recent history. London: Methuen&Co, 1904. 293 p.
- Inner 2022 — Inner Mongolia statistical yearbook 2022. China statistical press Co Ltd. 2022. 606 p.
- Matsusaka 2001 — Matsusaka Y. T. The making of Japanese Manchuria, 1904–1932. London: Harvard University Asia Center, 2001. 522 p.
- Elleman 2015 — Elleman B. A. International Competition in China 1899–1991. London: Routledge, 2015. 220 p. DOI: 10.4324/9781315726724
- NBSC 2024 — National Bureau of Statistics of China [электронный ресурс] // URL: <https://www.stats.gov.cn/> (дата обращения: 20.12.2025).
- Newman 2006 — Newman D. The Lines That Continue to Separate Us: Borders in Our ‘Borderless’ World // Progress in Human Geography. 2006. Vol. 30. No. 2. Pp. 143–161.
- Oates 1972 — Oates W. E. Fiscal Federalism. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. 256 p.
- Handbook on Northern Manchuria and the Chinese Eastern Railway. Harbin: Izd. E'konomicheskogo Byuro KVZhD, 1927. 607 p. (In Russ.)
- Surin V. I. Map of Mongolia. Harbin: Kommercheskaya chast' KVZhD, 1925. 1 sheet. (In Russ.)
- Froze B. Eastern Mongolia and its Colonization, *Bulletin of Asia*. 1911. No. 10. Pp. 90–136. (In Russ.)
- Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization. *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8. No. 2. Pp. 155–194. (In Eng.)
- Hosie A. Manchuria. Its People, Resources and Recent History. London: Methuen&Co. 1904. 293 p. (In Eng.)
- Inner Mongolia Statistical Yearbook 2022. China Statistical Press Co Ltd, 2022. 606 p. (In Eng.)
- Matsusaka Y. T. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. London: Harvard University Asia Center, 2001. 522 p. (In Eng.)
- Elleman B.A. International Competition in China 1899–1991. London: Routledge, 2015. 220 p. (In Eng.). DOI: 10.4324/9781315726724
- NBSC 2025 – National Bureau of Statistics of China. Available at: URL: <https://www.stats.gov.cn/> (accessed: 20 December, 2025). (In Eng.)
- Newman D. The Lines that Continue to Separate us: Borders in our ‘Borderless’ World. *Progress in Human Geography*. 2006. Vol. 30. No. 2. Pp. 143–161. (In Eng.)
- Oates W. E. Fiscal Federalism. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. 256 p. (In Eng.)

- Penwell 2019 — *Penwell C.* South Manchurian Railway Company Publications in the Japanese Collection [электронный ресурс] // URL: <https://blogs.loc.gov/international-collections/2019/02/south-manchurian-railway-company-publications-in-the-japanese-collection/> (дата обращения: 01.10.2022).
- Penwell C. South Manchurian Railway Company Publications in the Japanese Collection. Available at: URL: <https://blogs.loc.gov/international-collections/2019/02/south-manchurian-railway-company-publications-in-the-japanese-collection/> (accessed: 1 October 2022) (In Eng.)
- The Observatory 2024 — The Observatory of Economic Complexity. Inner Mongolia Autonomous Region (Chn) [электронный ресурс] // URL: https://oec.world/en/profile/subnational_chn/inner-mongolia-autonomous-region (дата обращения: 1.10.2024).
- The Observatory of Economic Complexity. Inner Mongolia Autonomous Region (Chn) Available at: URL: https://oec.world/en/profile/subnational_chn/inner-mongolia-autonomous-region (accessed: 1 October 2022) (In Eng.)
- Tiebout 1956 — *Tiebout C. M.* A Pure Theory of Local Expenditures // *Journal of Political Economy*. 1956. Vol. 64. No. 5. Pp. 416–424.
- Tiebout C. M. A Pure Theory of Local Expenditures. *Journal of Political Economy*. 1956. Vol. 64. No. 5. Pp. 416–424. (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 18, Is. 1, pp. 29–42, 2026
 DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-29-42

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 294.321

Буддийское образование в Монголии: от массового явления к особому выбору

Владимир Александрович Родионов¹

Buddhist Education in Mongolia: from a Mass Phenomenon to a Special Choice

Vladimir A. Rodionov¹

¹ Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д.24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор политических наук, доцент, директор Восточного института

Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr Sc. (Politology), Associate Professor, Director of the Oriental Institute

 0000-0001-8813-1862. E-mail: [vladimir_198025\[at\]mail.ru](mailto:vladimir_198025[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2026

© Родионов В. А., 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Rodionov V. A., 2026

Аннотация. *Введение.* Тема взаимоотношений светских и религиозных институтов в XXI в. не только не утрачивает своей актуальности, но и приобретает новое звучание. Фактическое завершение секулярного проекта в странах постсоциализма приводит к проникновению религиозного элемента во многие общественные сферы, включая образование. При этом отказ от политики государственного атеизма не всегда и не во всех случаях означает простой возврат к дореволюционному состоянию. *Цель* исследования — проследить основные тенденции и противоречия в сфере буддийского образования в условиях постсекулярного общества на примере современной Монголии, на рубеже XX–XXI вв. испытавшей волну «религиозного возрождения». *Задачи* исследования: охарактеризовать роль буддийского образования в дореволюционной Монголии, описать радикальные изменения в буддийском образовании в эпоху социализма; осветить основные тенденции в развитии буддийского образования в постсоциалистической Монголии; выявить факторы, ограничивающие сферу распространения буддийского образования. *Материалы* исследования включают в себя нормативные акты, данные официальной статистики, социологических опросов, СМИ Монголии. *Результаты.* Процесс «буддийского возрождения» в постсоциалистической Монголии нельзя оценивать как простое возвращение к дореволюционной ситуации, что доказывается через кейс религиозного образования. Несмотря на всплеск религиозности в 1990-е гг. и поддержку со стороны государства и международных организаций, буддийское образование в современной Монголии не вернуло себе позиции, которые занимало в дореволюционное время. В сравнении со светскими образовательными институтами (средняя школа, вузы) буддийские религиозные заведения заметно менее

популярны. Социальные изменения в монгольском обществе, обусловленные модернизационными процессами в XX – начале XXI вв., падение социальной и экономической привлекательности буддийского образования среди широких масс населения, сохраняющийся формальный светский характер государства выступают основными факторами такого положения дел. В результате буддийское образование, оставаясь частью образовательного ландшафта страны, является средством воспроизводства духовенства, составляющего менее 0,5 % от населения Монголии.

Ключевые слова: буддизм, Монголия, образование, религия, постсекулярность, общественно-политические процессы

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии» (№ 24–48–03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>).

Для цитирования: Родионов В. А. Буддийское образование в Монголии: от массового явления к особому выбору // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 29–42. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-29-42

Abstract. Introduction. The relationship between secular and religious institutions remains relevant in the 21st century and is taking on new meaning. The de facto completion of the secular project in post-socialist countries leads to the penetration of the religious element into many public spheres, including education. However, the abandonment of state atheism does not always and in all cases signify a simple return to the pre-secular state. The *purpose* of the study is to use the example of contemporary Mongolia, experienced a wave of “religious revival” at the turn of the 20th and 21st centuries, to trace the main trends and contradictions in Buddhist education in a post-secular society. The objectives of the study are to characterize the role of Buddhist education in pre-revolutionary Mongolia; describe the radical changes in Buddhist education during the socialist era; highlight the main trends in the development of Buddhist education in post-socialist Mongolia; and identify factors limiting interest in Buddhist education. The study’s materials include regulatory documents, official statistics, sociological surveys, and Mongolian media. Results: The process of “Buddhist revival” in post-socialist Mongolia cannot be assessed as a simple return to the pre-revolutionary situation, which is demonstrated through the case of religious education. Despite a surge in religiosity in the 1990s and support from the state and international organizations, Buddhist education in contemporary Mongolia has not regained the position it occupied in pre-revolutionary times. Compared to secular educational institutions (secondary schools and universities), Buddhist religious institutions are noticeably less popular. Social changes in Mongolian society, driven by modernization processes in the 20th and early 21st centuries, the declining social and economic attractiveness of Buddhist education among the general population, and the persistent formal secular nature of the state are the main factors behind this state of affairs. As a result, Buddhist education, while remaining a part of the country’s educational landscape, serves as a means of reproducing the clergy, which constitutes less than 0.5 % of Mongolia’s population.

Keywords: Buddhism, Mongolia, education, religion, postsecularity, socio-political processes

Acknowledgements. The study was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-48-03022 “Traditional Buddhism, Postsecularity, and Contemporary Socio-Political Processes in Russia and Mongolia”, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>.

For citation: Rodionov V. A. Buddhist Education in Mongolia: from a Mass Phenomenon to a Special Choice. *Mongolian Studies (Elista)*. 2026. Vol. 18. Is. 1. Pp. 29–42. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-29-42

1. Введение

Религиозное образование, пережив эпоху секуляризации, порой в крайне радикальных формах, продолжает оставаться частью современных общественных систем. Религиозное знание может преподаваться как в виде отдельного предмета в светском учебном заведении, так и в качестве системообразующего элемента при религиозной организации. Многие знаменитые университеты Западной Европы и США возникли на базе христианских общин, а теология по-прежнему составляет один из важнейших элементов образовательного процесса в этих вузах. В странах исламского и буддийского мира также широко представлены религиозные образовательные центры, нередко носящие международный характер. В Российской Федерации право на получение религиозного образования содержится в том числе в Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях». В тексте Закона указывается, что *«каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими ... религиозные организации вправе в соответствии со своими уставами и с законодательством Российской Федерации создавать образовательные организации»* [Федеральный закон 1997].

Сосуществование светских и религиозных начал в системе образования стран мира рядом исследователей называется элементом так называемого постсекулярного общества. Например, П. Бергер склонен выделять в качестве отдельной модели евросекулярность [Бергер 2012: 10]. При многих сходствах в траекториях развития религиозного образования в новейшее время существуют страновые отличия, обусловленные историческими и культурными факторами. Случай Монголии — один из таких.

В ранее опубликованных исследованиях, посвященных монгольской постсекулярности, в фокусе внимания были такие вопросы, как государственно-церковные отношения, межконфессиональные связи и конкуренция, восприятие религии различными слоями населения. Отечественные работы представлены главным образом историческими сюжетами по буддийскому образованию в до-революционной Монголии. Среди прочих необходимо выделить исследования Ц. П. Ванчиковой [Ванчикова 2019; Ванчикова 2020; Ванчикова, Цыренова 2022], Н. Л. Жуковской [Жуковская 1992], С. П. Нестеркина [Нестеркин 2017], Р. Т. Сабирова [Сабиров 2012], Т. Д. Скрынниковой [Скрынникова 1988], М. С. Уланова и М. Е. Тюмидовой [Уланов, Тюмидова 2023]. Научные дискуссии в монгольском исследовательском сообществе сосредоточены вокруг вопроса о том, как и почему изменился религиозный ландшафт в стране. Об этом в разное время писали Б. Бадамханд [Бадамханд 1998], С. Цэдэндамба [Цэдэндамба 2003; Цэдэндамба и др. 2018], Д. Цэрэнсодном [Цэрэнсодном 1998], Г. Чулуунбаатар [Чулуунбаатар 1998]. При этом вопрос о связи буддийского образования с текущими политическими и социально-экономическими процессами в стране до последнего времени не становился отдельным предметом для научного исследования. В связи с этим цель статьи состоит в том, чтобы проследить основные тенденции и противоречия в сфере буддийского образования в условиях постсекулярного общества Монголии.

2. Материалы и методы

Исследование опирается на различные источники, среди которых можно выделить следующие группы.

Первая группа — законодательные акты Монголии, регламентирующие религиозную и образовательную сферу: действующая Конституция Монголии (принята в 1992 г.) [Монгол улсын үндсэн хууль], Закон Монголии «Об отношениях государства и церкви» [Монгол улсын төр, сүм], Концепция национальной безопасности Монголии [Монгол улсын үндэсний], Закон Монголии «Об общем образовании» [Боловсролын]. Привлечение этих документов позволяет описать правовую основу государственной политики в отношении религиозных институтов, прояснить вопрос о месте буддийского образования в общей образовательной системе страны.

Вторая группа представлена данными государственной статистики (количество обучающихся в религиозных учебных заведениях, количество религиозных учреждений, результаты общенациональной переписи Монголии 2020 г.) [Ерөнхий боловсролын; Их, дээд сургууль; 2020 population], а также материалами социологических опросов, в которых фиксируются цифры, отражающие отношение к религии населения страны. Использование этих источников дает возможность оценить уровень вовлеченности населения в религиозную сферу, выявить общественные настроения в отношении религиозного образования.

Третья группа сформирована материалами монгольских СМИ, затрагивающих тему прошлого и настоящего положения буддийского образования в Монголии. Данная группа источников интересна с точки зрения выделения существующих общественных нарративов по поводу религиозной ситуации в стране.

В процессе исследования используется ретроспективный метод, позволяющий понять трансформацию буддийского образования через обращение к историческому прошлому. Не менее значимым для анализа настоящей проблематики является компаративистский метод, при помощи которого выявляются общие и отличные черты в буддийском образовании Монголии дореволюционного, социалистического и постсоциалистического периодов.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Буддийское образование в дореволюционной Монголии

История и настоящее религиозного образования в Монголии по-своему уникальны и нуждаются в отдельном исследовании. Процесс становления религиозного образования в стране начинается в конце XVI в., когда монгольские правители объявили буддизм (школы гелуг) государственной религией. С этого момента и вплоть до первой четверти XX в. буддийская церковь являлась одним из наиболее могущественных общественно-политических и экономических институтов Монголии. Будучи освобожденными от выплат налогов и иных повинностей в пользу государства, монастыри становились крупнейшими владельцами материальных благ — скота, пастбищ, драгоценных реликвий. Кроме того, в зависимости от церкви находились тысячи шабанагов — аратов, трудившихся в пользу монастырей [Скрынникова 1988: 55–58].

Важнейшим элементом влияния буддийской церкви в обществе и государстве являлась ее монополия на образование. Система буддийского образования была напрямую связана с монастырями, которые выступали ее институциональной основой. Фактически все виды образования, религиозные и светские, находились в руках лам. Все это делало буддийские монастыри крупными образовательными центрами культуры, в том числе буддийской философии, которая соответствова-

ла потребностям и интересам прежде всего интеллектуальной элиты общества [Уланов, Тюмидова 2023: 127].

О масштабах вовлечения населения Монголии в буддийскую образовательную систему говорит бытовавшая традиция отдавать хотя бы одного сына из семьи в монастырь для обучения. *«В возрасте 4–5 лет мальчик принимал начальные обеты (банди), а в возрасте от 7 до 10 лет попадал в монастырь. Там он пребывал до 15–17 лет, участвуя в ежедневных богослужениях и прислуживая старшим ламам. Наиболее способные могли продолжить обучение и принять полные монашеские обеты гэлунг (253 обета). В крупных монастырях существовали факультеты (цаннид), где изучали философию, логику, сутры, тантры и прочие дисциплины. Выпускники этих факультетов получали ученую степень геше и могли продолжить обучение в ведущих тибетских монастырях»* [Буддизм в Монголии]. Иными словами, получение образования было неразрывно связано с пребыванием в монастыре и принятием религиозного сана.

Кроме сугубо религиозных соображений, привлекательность буддийского монастырского образования объяснялась и социальными факторами. В рамках сословной системы, характерной для Монголии вплоть до начала 1920-х гг., образование в буддийских монастырях выполняло функции социального лифта, являясь по существу единственной возможностью для представителей незнатных сословий повысить свой социальный статус. По данным Н. Л. Жуковской, к началу XX столетия в Монголии насчитывалось более 100 тыс. монахов, что приблизительно составляло треть мужского населения страны [Жуковская 1992: 165]. Большинство из них были выходцами из простолюдинов (монг. хар хумуус).

Как пишет монгольский исследователь Д. Энхбаяр, *«сложившаяся в XVI–XVII вв. система духовного образования Монголии не претерпела существенных изменений ни при маньчжурской власти (конец XVII в. – 1911 г.), ни во времена Богдо-гэгэна (1911–1921 гг.), хотя в этот период появились отдельные светские образовательные учреждения»* [Энхбаяр 2011б: 7].

3.2. Эпоха социализма

Правительство образованной в 1924 г. Монгольской Народной Республики постепенно проводит политику по снижению роли буддийской церкви в жизни монгольского общества. Закон «Об отделении дел религии от государства» 1926 г. вводил запрет на вмешательство сангхи в государственные и гражданские дела [Ванчикова 2020: 179–180]. Сами монастыри были вынуждены платить налоги (например, так называемый «джасский» налог), подверглось конфискации имущество крупных духовных феодалов [Ванчикова 2020: 181].

Отдельным направлением по подрыву влияния буддийской церкви в обществе стала политика в сфере образования. В первой Конституции страны было прописано право на бесплатное образование всем трудящимся [Энхбаяр 2011а: 97]. На постановку школьного дела значительное влияние оказали работники советских школ, открытых на территории Монголии. В 1933 г., используя пример советских школ, Министерство просвещения МНР разработало типовые учебные планы и программы для начальной и средней школы, что позволило значительно повысить качество общего образования [Энхбаяр 2011а: 96]. Создавая светскую систему образования, власти тем самым стремились вытеснить буддийскую образовательную систему, а вместе с ней и влияние сангхи.

Однако влияние церкви и ее институтов на умонастроения монголов было настолько значительным, что все усилия государства в 1920-х гг. – первой по-

ловине 1930-х гг. по созданию альтернативной светской системы образования не могли серьезно изменить ситуацию. По данным 1935 г., в светских школах нового образца обучалось примерно 2,7 % детей школьного возраста, тогда как в монастырях — более 25 % [Монгольская Народная Республика 1986: 343]. Не помогал даже законодательный запрет «отдавать сыновей в ламское сословие» [Ванчикова 2020: 182].

В результате массовых репрессий к 1940 г. в МНР были разрушены или закрыты все монастыри и иные культовые места, а духовенство как социальная группа перестало существовать: часть была расстреляна, большая же часть переведена в светский статус [История Монголии 2007: 103]. Вместе с закрытием монастырей полностью было ликвидировано буддийское образование в Монголии. Только в послевоенный период происходит частичная реабилитация буддийской церкви. В 1970 г. в столичном монастыре Гандантэгченлин был основан Буддийский университет им. Г. Дзанабадзара, ставший высшим учебным заведением буддийского образования в Монголии [Ванчикова, Цыренова 2022: 400].

3.3. Постсоциалистические трансформации и положение буддийского образования

Новый период в истории монгольского буддизма в целом и буддийского образования в частности наступает в начале 1990-х гг. На волне общей демократизации монгольского общества и отказа от политики государственного атеизма сложились благоприятные условия для возрождения буддийской церкви как влиятельного общественного института. Основанный в 1990 г. Союз Верующих своей основной задачей обозначил помощь в восстановлении и открытии монастырей в сельской местности. В 1991 г. состоялся съезд буддистов страны, на котором было принято решение о создании единого руководящего Центра монгольских буддистов и избран глава буддийской общины страны [Сабилов 2012: 98]. Как следствие, по сравнению с периодом социализма многократно увеличилось количество религиозных учреждений и зданий. По данным государственной статистики, в 2024 г. в стране всего было зарегистрировано 159 буддийских учреждений [Сүм хийдийн тоо].

Хотя в новой Конституции Монголии, принятой 13 января 1992 г., провозглашается равенство всех религий, а само государство объявляется светским [Монгол улсын үндсэн хууль], буддизму, вне всякого сомнения, в стране придается особый статус. В статье 4 Закона «Об отношениях государства и церкви» говорится, что «Төрөөс Монголын ард түмний эв нэгдэл, соёл иргэншлийн түүхэн уламжлалаа эрхэмлэхийн үүднээс Монгол Улс дахь буддын шашны зонхилох байр суурийг хүндэтгэн үзнэ» 'Монголия уважает доминирующее положение буддизма, обеспечивающего народное единство и являющегося частью культурной истории'¹ [Монгол улсын төр, сүм]. В Концепции национальной безопасности Монголии утверждается, что «Уламжлалт Бурханы шашин, соёлыг сэргээн хөгжүүлж, сүм хийдийн үйл ажиллагааг нийгмийн оюун санааг гэгээрүүлэх, үндэсний эв нэгдлийг бэхжүүлэх...» 'Возрождение и развитие традиционной буддийской религии и культуры ... есть задача укрепления национального единства' [Монгол улсын үндэсний].

Первые лица монгольского государства регулярно оказывают отдельное внимание буддизму, принимая участие в различных религиозных мероприятиях.

¹ Здесь и далее перевод автора.

Например, третий президент Монголии Н. Энхбаяр (2005–2009 гг.), проявляя личный интерес к буддизму, переводил буддийские тексты и книги, способствовал визиту Далай-ламы XIV в страну в 2006 г. [Сабилов 2012: 97]. Ежегодно в качестве государственного праздника отмечается День рождения Будды. Начиная с 2014 г. день монгольской столицы организовывается совместно с монастырем Гандан, а сами празднования сопровождаются церемонией почитания четырех священных гор столицы Монголии [В Улан-Баторе 2025].

В целом можно резюмировать, что в течение последних трех десятилетий буддизм в Монголии, получив серьезную поддержку со стороны государства и части общества, стал неотъемлемой частью национальной культуры и идентичности.

Между тем своеобразный буддийский ренессанс в Монголии не сказался столь кардинально на ситуации с религиозным образованием. Данные официальной статистики Монголии говорят, что за последние десять лет количество обучающихся в буддийских монастырях не превышало 300 человек в год [Шашны сургууль]. Для сравнения: в средних общеобразовательных школах страны в этот же период обучалось примерно 645 тыс. учеников в год [Ерөнхий боловсролын], а в вузах — примерно 80 тыс. студентов в год [Их, дээд сургууль]. Такое положение вещей резко контрастирует с дореволюционной монгольской традицией и требует своего объяснения.

Частый аргумент, который используется при объяснении такого положения дел, относится к историческим последствиям эпохи социализма. Так, в монгольском общественно-политическом дискурсе широко распространено мнение о том, что «*Ийнхүү улаантнууд Монгол хэмээх дорно дахины гайхамшигт соёлтой ариун буддын орныг атеист, харгис коммунист улс болгож монголын ард түмнийг хэлмэгдүүлэн мөхлийн хар ангал руу түлхсэн билээ*» ‘Красные [т. е. коммунисты. — В. Р.] превратили Монголию, восточную страну с чистой буддийской культурой, в атеистическое и жестокое коммунистическое государство, угнетавшее монгольский народ, ввергая его в пучину уничтожения’ [Сүхбаатар]. Иными словами, основные проблемы «буддийского возрождения» постсоциалистического времени определяются антирелигиозной политикой периода МНР. Такая трактовка может быть принята только отчасти. Как резонно отмечает Р. Т. Сабиров, «*антирелигиозная кампания уничтожила главное — систему воспроизводства буддийского знания в стране и лучших его носителей*» [Сабилов 2012: 96].

Помимо апелляции к историческим факторам, популярным объяснением сравнительно слабых позиций буддизма в целом и буддийского образования в частности являются ссылки на конкуренцию со стороны иных религий. В вышедшей в 2020 г. коллективной монографии монгольских авторов «Новые религии Монголии: общественные формы, вопросы, решения» подробно рассмотрены особенности возникновения и развития новых религий в постсоциалистической Монголии [Монгол улс дахь шинэ шашнууд 2020]. Зачастую активная миссионерская деятельность преимущественно христианских организаций в Монголии с начала 1990-х гг. оценивается как угроза традиционным религиозным ценностям страны [Хангал]. Однако данные последней национальной переписи показывают, что к христианам относят себя лишь 2,2 % [2020 Population: 62].

Важным обстоятельством является тот факт, что монгольское государство официально ограничивает сферу использования религиозного образования. Согласно уже упоминавшемуся выше Закону «Об отношениях государства и церкви», «*төрийн*

харьяалал бүхий сургууль, байгууллагуудад шашны сургалт, цугларалт зохион байгуулахыг хориглоно» ‘религиозные обряды и собрания запрещены в государственных школах и учреждениях’ [Монгол улсын төр, сүм]. Те же нормы закреплены и в Законе «Об общем образовании»: «18.6. Боловсролын сургалтын байгууллага шашны сургалт, шашны зан үйл, холбогдох бусад үйл ажиллагаа зохион байгуулахыг хориглоно. 18.7. Энэ хуулийн 18.6 дахь хэсэг Төр, сүм хийдийн харилцааны тухай хуульд заасан шашны сургуульд хамаарахгүй» ‘18.6. Образовательным учреждениям запрещается организовывать религиозное обучение, религиозные обряды и другие подобные мероприятия. 18.7. Раздел 18.6 настоящего Закона не распространяется на религиозные школы, указанные в Законе «Об отношениях государства и церкви»’ [Боловсролын]. Принимая во внимание тот факт, что подавляющее большинство школ Монголии относятся к государственным, сфера использования религиозного образования остается резко лимитированной. Несмотря на то, что буддизм в современной Монголии позиционируется государством и представителями интеллектуальной элиты в качестве одного из символов национального единства, монгольской культуры и идентичности, границы дозволенного для буддийской церкви (включая образование) довольно четко очерчены, что делает невозможным возвращение былых позиций для религиозного образования в монгольском обществе. Большинство представителей правящей элиты Монголии унаследовали из социалистической эпохи представления о доминировании светского начала в общественных отношениях.

В дореволюционной Монголии практически все население исповедовало буддизм, а в глазах верующих авторитет церкви и ее сангхи был непререкаем. В конце XX – начале XXI вв. религиозная ситуация в стране может быть охарактеризована по-иному. Постсоциалистический период монгольской истории демонстрирует волнообразные изменения в формальной религиозности населения страны. Если в начале 1990-х гг. к верующим себя причисляли свыше 70 % населения [Цэдэндамба и др. 2018: 57], то уже в 2020 г. таковых насчитывалось 59,4 %, из них не все относили себя к буддистам [2020 Population: 61]. Исследователи, отмечая рост количества неверующих среди молодежи, делают вывод о том, что «поскольку средний возраст населения Монголии не достигает 30 лет, то обозначенная тенденция будет сохраняться» [Актамов и др. 2024: 146].

Еще более красноречивы цифры, демонстрирующие отношение населения страны к роли религии в образовании. Результаты социологических опросов, ежегодно проводимых фондом «Сант Марал», показывают, что образовательные стратегии большей части монголов не связаны с религиозными институтами и знанием. В 2024 г. на вопрос «Какова должна быть роль религии в образовании?» 66 % респондентов ответили «малая» или «никакая» [Sant Maral]. Более отрицательное отношение фиксируется только в вопросе о роли религии в политике — 69,2 % [Sant Maral].

Такое положение дел во многом объясняется радикально новой в сравнении с дореволюционным периодом социальной и экономической ролью буддийской церкви. Во-первых, монастыри так и не вернули себе налоговый иммунитет, которого были лишены в период социализма. Во-вторых, обширные материальные ресурсы (недвижимость, скот, пастбища), которыми владели буддийские храмы век назад, также не были автоматически им возвращены после 1990 г. Наконец, многие ключевые социальные функции (образование, медицина, ветеринария), в прошлом исполнявшиеся сангхой, ныне выполняются светскими институтами.

Все это сказывается на престижности получения религиозного образования. Если в дореволюционной Монголии буддийское образование было главным каналом для социальной мобильности, то в настоящее время таковым каналом стало светское образование. Быть студентом буддийского университета в современной Монголии стало делом личного выбора человека, видящего в этом свое призвание. Потому система образования при монастыре на данный момент лишь воспроизводит определенное количество буддийского духовенства (в период с 2021 г. по 2025 г. всего насчитывалось 598 студентов буддийских учебных заведений [[Шашны сургууль](#)]), а функцию буддийских образовательных центров выполняют лишь несколько организаций — Буддийский университет им. Г. Дзанабазара, колледж Зуун-Хурээ, некоторые частные школы.

Стоит отметить и тот факт, что в постсоциалистической Монголии образовательный ландшафт стал разнообразнее. Если в дореволюционный период буддийское знание давалось исключительно в монастырях, то на современном этапе это не всегда обязательное условие. Наряду с классическим монастырским образованием существуют и иные образовательные центры, делающие акцент на религиозном просвещении и медитационных практиках. Сами образовательные программы в буддийских учебных заведениях, помимо традиционных религиозных дисциплин, сегодня включают набор дисциплин общего вузовского стандарта, дополняемого предметами специализации, направленными на практическую задачу овладения учащимся знаниями и умениями, необходимыми для выполнения необходимого минимума ритуалов, принятых в монастырях традиции Гелуг [[Нестеркин 2017: 78](#)].

4. Заключение

История буддийского образования в Монголии наполнена периодами как взлета (конец XVI – начало XX вв.), так и падения (период социализма). Постсоциалистический период привнес свои коррективы в характер отношений между сангхой, государством и обществом, что не могло не сказаться и на системе буддийского образования. С одной стороны, в начале 1990-х гг. произошел всплеск религиозности, повлекший за собой открытие новых монастырей, буддийских центров, визиты в страну зарубежных буддийских просветителей. Государство стало оказывать публичную поддержку буддизму как символу национальной культуры и единства страны. С другой стороны, возрождения системы буддийского образования дореволюционного периода со свойственными ему массовостью и высоким социальным авторитетом не произошло. Это объясняется рядом факторов, среди которых наиболее значимыми являются социальные изменения в монгольском обществе, обусловленные модернизационными процессами в XX – начале XXI вв., падение социальной и экономической привлекательности буддийского образования среди широких масс населения, сохраняющийся светский характер государства. Как следствие, в современной Монголии получение религиозного образования стало скорее делом личного выбора верующего человека, нежели массовым явлением.

Литература

Актамов и др. 2024 — *Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б., Цэцэнбилэг Ц.*
Буддизм и постсекулярное общество:

References

Aktamov I.G., Badmatsyrenov T.B., Tse-
cenbileg C. Buddhism and Post-Secular
Society: Socioreligious Processes in

- социорелигиозные процессы в Монголии в конце XX – начале XXI в. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 30. № 1. С. 137–150.
- Бадамханд 1998 — Бадамханд Б. Төр, сүм хийдийн харилцааны эрх зүйн зохицуулалтын өнөөгийн байдал (= Современное состояние правового регулирования отношений между государством и церковью) // Төр, сүм хийдийн харилцаа: орчин үе. Онол-практикийн бага хурал. Улаанбатаар: Бэмби-сан, 1998. Х. 111–116.
- Бергер 2012 — Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2(30). С. 8–21.
- Боловсролын — Боловсролын ерөнхий хууль (= Закон об общем образовании) [электронный ресурс] // URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?law-Id=16759958962301> (дата обращения: 17.02.2026).
- Буддизм в Монголии — Буддизм в Монголии // Большая российская энциклопедия [электронный ресурс] // URL: <https://bigenc.ru/c/buddizm-v-mongolii-12f2b1> (дата обращения: 17.02.2026).
- В Улан-Баторе 2025 — В Улан-Баторе День города в этом году перенесен с осени на лето [электронный ресурс] // URL: <https://rutube.ru/video/f93b5053bcdab16266be77bd25f9cb55/> (дата обращения: 17.02.2026).
- Ванчикова 2019 — Ванчикова Ц. П. Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри. Иркутск: Оттиск, 2019. 292 с.
- Ванчикова 2020 — Ванчикова Ц. П. Религиозная политика Коминтерна в Монголии по документам РГАСПИ // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б. В. Базарова: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 178–189.
- Mongolia in the Late Twentieth and Early Twenty-first centuries. *Peoples and Religions of Eurasia*. 2024. Vol. 30. No. 1. Pp. 137–150. (In Russ.)
- Badamkhand B. The Current State of Legal Regulation of Relations between the State and the Church. Ulaanbataar: Bambi-san havlalein gazar, 1998. Pp. 111–116. (In Mong.)
- Berger P. Falsified Secularization. *The state, religion, and the Church in Russia and Abroad*. 2012. No. 2(30). Pp. 8–21. (In Russ.)
- The Law on General Education. Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail?law-Id=16759958962301> (accessed: 17 February 2026). (In Mong.)
- Buddhism in Mongolia. Available at: <https://bigenc.ru/c/buddizm-v-mongolii-12f2b1> (accessed: 17 February 2026). (In Russ.)
- In Ulaanbaatar, this Year the City Day was Postponed from Autumn to Summer. Available at: <https://rutube.ru/video/f93b5053bcdab16266be77bd25f9cb55/> (accessed: 17 February 2026). (In Russ.)
- Vanchikova C. P. Buddhism in Mongolia: History, Clergy, Monasteries. Irkutsk, 2019. 292 p. (In Russ.)
- Vanchikova C. P. Religious Policy of the Comintern in Mongolia according to the Documents of the Russian Academy of Sciences. *Terra Eurasica: on the 60th Anniversary of Academician B. V. Bazarov*. Irkutsk: Ottisk, 2020. Pp. 178–189. (In Russ.)

- Ванчикова, Цыренова 2022 — Ванчикова Ц. П., Цыренова Н. Д. К истории монастыря Гандантегченлин // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 393–404. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-393-404
- Ванчикова Ts. P., Tsyrenova N. D. History of the Gandantegchinlen Monastery Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022. Vol. 14. No. 2. Pp. 393–404. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-393-404 (In Russ.)
- Ерөнхий боловсролын — Ерөнхий боловсролын сургуульд өдрөөр суралцагчдын тоо, аймаг, нийслэл, жилээр. Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан (= Количество учащихся в общеобразовательных школах в провинции, столице, по годам. Единая статистическая база данных) [электронный ресурс] // URL: https://www.1212.mn/mn/statcate/table-view/Education,%20health/General%20educational%20schools/DT_NSO_2001_004V1.px (дата обращения: 17.02.2026).
- Жуковская 1992 — Жуковская Н. Л. Ламаизм в Монголии // Буддизм: словарь / под общ. ред. Н. Л. Жуковской, А. Н. Игнатовича, В. И. Корнева. М.: Республика, 1992. 288 с.
- Zhukovskaya N. L. Lamaism in Mongolia. Buddhism: Dictionary. Moscow: Respublika Publ., 1992. 288 p. (In Russ.)
- История Монголии 2007 — История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
- The History of Mongolia. 20th Century. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ)
- Их, дээд сургууль — Их, дээд сургууль, коллежид суралцагчид, хүйс, аймаг, нийслэл, жилээр. Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан (= Студенты университетов, институтов, колледжей по полу, аймакам, столице, по годам. Единая статистическая база данных) [электронный ресурс] // URL: https://www.1212.mn/mn/statcate/table-view/Education,%20health/Universities%20C%20institutes%20and%20colleges/DT_NSO_2001_013V1.px (дата обращения: 17.02.2026).
- Number of Students in Secondary Schools by Region, Aimag, and Capital. Available at: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573057/table-view/DT_NSO_2001_004V1 (accessed: 17 February 2026) (in Mong.)
- Монгол улс дахь шинэ шашнууд 2020 — Монгол улс дахь шинэ шашнууд: нийгмийн төрх, асуудал, шийдэл (= Новые религии Монголии: общественные формы, вопросы, решения). Улаанбаатар: Соёмбо, 2020. 208 х.
- New Religions of Mongolia: Social Forms, Issues, Solutions. Ulaanbaatar: Soyombo, 2020. 208 p. (In Mong.)

- Монгол улсын төр, сүм — Монгол улсын төр, сүм хийдийн харилцааны тухай хууль (= Закон Монголии «Об отношениях государства и церкви») [электронный ресурс] // URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/485> (дата обращения: 17.02.2026).
- Монгол улсын үндсэн хууль — Монгол улсын үндсэн хууль (=Конституция Монголии) [электронный ресурс] // URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (дата обращения: 17.02.2026).
- Монгол улсын үндэсний — Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (= Концепция национальной безопасности Монголии) [электронный ресурс] // URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=208070&showTy> (дата обращения: 17.02.2026).
- Монгольская Народная Республика 1986 — Монгольская Народная Республика 1986. Справочник. М.: Наука, ГРБЛ, 1986. 438 с.
- Нестеркин 2017 — *Нестеркин С. П.* Образование в тибетском буддизме: современные тенденции // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2017. Вып. 5. С. 77–83.
- Сабиров 2012 — *Сабиров Р. Т.* Буддизм в Монголии на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 95–100.
- Скрынникова 1988 — *Скрынникова Т. Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголии XVI – начала XX века. Новосибирск: Наука, 1988. 104 с.
- Сүм хийдийн тоо — Сүм хийдийн тоо, шашны төрөл, аймаг, нийслэл, жилээр. Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан (= Количество монастырей по вероисповеданию, аймакам и столице, по годам. Единая статистическая база данных) [электронный ресурс]
- The Law of Mongolia “On Relations between the State and the Church”. Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail/485> (accessed: 17 February 2026). (In Mong.)
- The Constitution of Mongolia. Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (accessed: 17 February 2026). (In Mong.)
- Mongolia’s National Security Concept. Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=208070&showTy> (accessed: 17 February 2026). (In Mong.)
- The Mongolian People’s Republic. Reference Book. Moscow: Nauka, 1986. 438 p. (In Russ.)
- Nesterkin S. P. Education in Tibetan Buddhism: Modern Trends. *Bulletin of the Buryat State University. Philosophy*. 2017. Vol. 5. Pp. 77–83. (In Russ.)
- Sabirov R.T. Buddhism in Mongolia at the turn of the 20th–21st centuries. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2012. No. 3. Pp. 95–100. (In Russ.)
- Skrynnikova T. D. The Lamaist Church and the State. Outer Mongolia of the 16th – Early 20th Century. Novosibirsk: Nauka Publ., 1988. 104 p. (In Russ.)
- The Number of Monasteries by Religion, Region, Aimag, and Capital at the End of the Year. Unified Statistical Database. Available at: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573083/table-view/DT_NSO_2003_001V1 (accessed: 17 February 2026). (In Mong.)

- ресурс] // URL: https://www.1212.mn/mn/statcate/table-view/Society,%20development/Monasteries%2C%20Temples%20and%20Churches/DT_NSO_2003_001V1.px (дата обращения: 17.02.2026).
- Сүхбаатар — *Сүхбаатар Д.* Монголын бурхны шашны сэргэлт (= Возрождение монгольского буддизма) [электронный ресурс] // URL: <http://www.baabar.mn/article/3113> (дата обращения: 17.02.2026).
- Уланов, Тюмидова 2023 — *Уланов М. С., Тюмидова М. Е.* Феномен буддийского образования // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 2. С. 124–131.
- Федеральный закон 1997 — Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (последняя редакция). // Консультант [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/351573fc40533b01504ea1ca42f059379ad5fe06/?ysclid=mb54fo0wq57799751 (дата обращения: 17.02.2026).
- Хангал — *Хангал М.* Харийн шашин оюуны соёлыг устгаж байна (= Иностранные религии разрушают культуру) [электронный ресурс] // URL: <https://olloo.mn/2009/09/30/1161048/> (дата обращения: 17.02.2026).
- Цэдэндамба 2003 — *Цэдэндамба С.* Монгол улс дахь шашины нөхцөл байдал (XX–XXI зууны зааг үе) (= Религиозная ситуация в Монголии (на рубеже XX–XXI веков)). Улаанбаатар: Бит сервис, 2003. 129 х.
- Цэдэндамба и др. 2018 — *Цэдэндамба С., Уянга Ц., Бадмацыренов Т. Б.* Особенности религиозности буддистов Монголии // Буддологические исследования. Религиоведческий альманах. 2018. Вып. 1. С. 55–67.
- Sukhbaatar D. The Revival of Mongolian Buddhism. Available at: <http://www.baabar.mn/article/3113> (accessed February 17, 2026). (In Mong.)
- Ulanov M. S., Tyumidova M. E. The Phenomenon of Buddhist Education. *Bulletin of the Kalmyk University*. 2023. No. 2. Pp. 124–131. (In Russ.)
- Federal Law No. 125-FZ “On Freedom of Conscience and Religious Associations” dated September 26, 1997 (latest edition). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/351573fc40533b01504ea1ca42f059379ad5fe06/?ysclid=mb54fo0wq57799751 (accessed: 17 February 2026). (In Russ.)
- Khangal M. Foreign Religions are Destroying Culture. Available at: <https://olloo.mn/2009/09/30/1161048/> (accessed: 17 February 2026). (In Mong.)
- Tsedendamba S. The Religious Situation in Mongolia (at the Turn of the 20th–21st Centuries). Ulaanbaatar: Bit Service, 2003. 129 p. (In Mong.)
- Tsedendamba S., Uyanga C., Badmatsyrenov T. B. Peculiarities of the Religiosity of Buddhists in Mongolia. *Buddhist Studies. The Religious Studies Almanac*. 2018. Vol. 1. Pp. 55–67. (In Russ.)

- Цэрэнсодном 1998 — *Цэрэнсодном Д.* Монгол дахь төр, сүм хийдийн харилцааны туухэн уламжлал өнөөгийн байдал (= Современное состояние исторической традиции отношений государства и церкви в Монголии) // Төр, сүм хийдийн харилцаа: орчин үе. Онол-практикийн бага хурал. Улаан-батаар: Бэмби-сан хэвлэлийн газар, 1998. Х. 51–62.
- Чулуунбаатар 1998 — *Чулуунбаатар Г.* Монгол иргэншил ба шашин шүтлэг: уламжлал, шинэчлэл (= Монгольская цивилизация и религия: традиции и обновление) // Төр, сүм хийдийн харилцаа: орчин үе. Онол-практикийн бага хурал. Улаанбатаар: Бэмби-сан хэвлэлийн газар, 1998. Х. 36–43.
- Шашны сургууль — Шашны сургууль дацанд суралцагчдын тоо, шашны төрөл, аймаг, нийслэл, жилээр. Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. (= Количество учащихся в религиозных школах, по религиям, аймакам, столице, по годам. Единая статистическая база данных) [электронный ресурс] // URL: https://www.1212.mn/mn/statcate/table-view/Society,%20development/Monasteries%2C%20Temples%20and%20Churches/DT_NSO_2003_003V1.px (дата обращения: 17.02.2026).
- Энхбаяр 2011a — *Энхбаяр Д.* Трансформация системы образования Монголии // Власть. 2011. № 3. С. 96–99.
- Энхбаяр 2011b — *Энхбаяр Д.* Эволюция системы образования в Монголии: начало XX–XXI вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 181 с.
- 2020 population — 2020 population and housing census of Mongolia. National report. Ulaanbaatar: National Statistics Office of Mongolia, 2020. 298 p.
- Sant Maral — Sant Maral Foundation [электронный ресурс] // URL: <https://www.santmaral.org/publications> (дата обращения: 17.02.2026).
- Tserensodnom D. The Current State of the Historical Tradition of Relations between the State and the Church in Mongolia. Ulaanbataar: Bambi-san, 1998. Pp. 51–62. (In Mong.)
- Chuluunbaatar G. Mongolian Civilization and Religion: Traditions and Rebirth. Ulaanbaatar: Bambi-San, 1998. Pp. 36–43. (In Mong.)
- The Number of Students in Religious Schools, by Religion, Aimag, Capital, by Year. Unified Statistical Database Available at: https://www.1212.mn/mn/statcate/table-view/Society,%20development/Monasteries%2C%20Temples%20and%20Churches/DT_NSO_2003_003V1.px (accessed: 17 February 2026). (In Mong.)
- Enkhbayar D. Transformation of the Education System in Mongolia. *Power*. 2011. No. 3. Pp. 96–99. (In Russ.)
- Enkhbayar D. The Evolution of the Education System in Mongolia: the Beginning of the 20th–21st Centuries. Ph. D. Thesis (History). Ulan-Ude, 2011. 181 p. (In Russ)
- 2020 Population and Housing Census of Mongolia. National Report. Ulaanbaatar: National Statistics Office of Mongolia, 2020. 298 p. (In Eng.)
- Sant Maral Foundation. Available at: <https://www.santmaral.org/publications> (accessed: 17 February 2026). (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 18, Is. 1, pp. 43–55, 2026
 DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-43-55

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(517.3)

Российская экономическая экспансия в Монголии в 1911–1917 гг.: этапы, механизмы и результаты

*Анна Максимовна Плеханова¹,
 Алдар Амаголонович Ширапов²*

Russian Economic Expansion in Mongolia in 1911–1917: Stages, Mechanisms, and Results

*Anna M. Plekhanova¹,
 Aldar A. Shirapov²*

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Chief Scientific Researcher, Deputy Director for Science

 0000-0002-6573-4262. E-mail: [plekhanova.am\[at\]mail.ru](mailto:plekhanova.am@mail.ru)

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0002-5910-3501. E-mail: [agmaren\[at\]mail.ru](mailto:agmaren@mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Плеханова А. М., Ширапов А. А., 2026

© Plekhanova A. M., Shirapov A. A., 2026

Аннотация. *Введение.* Период 1911–1917 гг. стал переломным в истории экономических связей России и Монголии. После выхода Монголии из состава Цинской империи Россия получила уникальные возможности для закрепления своего влияния. В статье анализируется эволюция российской экономической стратегии в Монголии в контексте геополитических изменений и Первой мировой войны. *Цель:* выявить основные этапы, механизмы и результаты экономической экспансии России в Монголии в 1911–1917 гг., показать переход от поддержки частного предпринимательства к прямому государственному регулированию. *Материалы и*

методы. Исследование выполнено на основе документов государственных архивов Иркутской области и Республики Бурятия. Использован комплекс общенаучных и специально-исторических методов, в том числе историко-генетический — для анализа причин смены экономической стратегии и статистический — для подтверждения динамики торговых оборотов. *Результаты.* После заключения российско-монгольского соглашения 1912 г. русские купцы получили беспрецедентные привилегии, включая право беспошлинной торговли, свободы передвижения и доступ к разработке природных ресурсов. В 1911–1914 гг. частный капитал добился заметных успехов в промышленности (золотодобыча, кожевенное, мыловаренное производство), однако в сфере торговли сохранялось отрицательное сальдо, а российские предприниматели уступали китайским конкурентам из-за разобщенности, негибкой ценовой политики и отсутствия кредитной и транспортной инфраструктуры. С началом Первой мировой войны экспорт российских товаров в Монголию резко сократился, строительство Кяхтинской железной дороги было заморожено, а китайские и другие иностранные торговцы вернулись на монгольский рынок. В этих условиях правительство Российской империи перешло от поддержки частной инициативы к созданию государственных структур. Монгольский национальный банк оказался недостаточно эффективным из-за довоенной концепции, не учитывавшей реалии войны. Напротив, «Особая» экспедиция Министерства земледелия в Монголии (Монголэкс) под руководством П. К. Козлова, опиравшаяся на опытных сотрудников, гибкую стратегию и значительное бюджетное финансирование, сумела наладить стабильные поставки монгольского сырья (скота, мяса) в Россию. *Вывод.* Военный кризис вынудил империю форсировать государственное вмешательство, позволившее частично удержать экономическое влияние в Монголии.

Ключевые слова: Российская империя, Монголия, экономическая экспансия, российско-монгольское соглашение 1912 г., купечество, Первая мировая война, Монгольский национальный банк, «Особая» экспедиция (Монголэкс), П. К. Козлов, торгово-промышленная деятельность

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности» (номер госрегистрации: 126020516676-6).

Для цитирования: Плеханова А. М., Ширапов А. А. Российская экономическая экспансия в Монголии в 1911–1917 гг.: этапы, механизмы и результаты // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 43–55. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-43-55

Abstract. Introduction. This article examines one of the most eventful and controversial periods in the history of Russian-Mongolian economic relations — the period from 1911 to 1917. It was during this period, after Mongolia's secession from the Qing Empire in 1911, that the Russian Empire gained control of the country's economy. The authors analyze the evolution of Russian economic strategy in Mongolia in the context of geopolitical changes and the First World War. *Goals.* To identify the main stages, mechanisms, and results characteristic of the studied period of Russian economic expansion in Mongolia from 1911 to 1917. *Materials and Methods.* This study is based on previously unpublished documents from the state archives of the Irkutsk Region and the Republic of Buryatia. The methodological basis of the study is built on a combination of general scientific and specialized historical methods. The use of the historical-genetic method allowed the authors to conduct a thorough analysis of the reasons for the change in the economic strategy of the Russian Empire in Mongolia. The use of a statistical method made it possible to assess the development and dynamics of Russian-Mongolian foreign trade turnover. *Results.* The signing of the Russian-Mongolian agreement of 1912 granted Russian businesses in Mongolia a number of extremely

favorable preferences: the right to conduct duty-free trade, travel freely throughout the country, establish industrial enterprises, and engage in mineral extraction, among other privileges. This allowed Russian entrepreneurs to achieve significant success in industrial production between 1911 and 1914 — primarily in mineral extraction, leather and wool processing, and soap making. At the same time, Russian private capital was unable to gain control over Mongolian exports. This was due to the disunity of Russian merchants and the lack of credit and transportation infrastructure. Between 1914 and 1917, after the outbreak of World War I, Russian-Mongolian trade relations underwent significant changes. As a result of the empire's entry into the war, Russian supplies to Mongolia were almost completely curtailed, construction of the Kyakhta Railway ceased, and Chinese and other foreign traders returned to the Mongolian market. Recognizing the importance of maintaining and increasing supplies of Mongolian goods (meat, wool, and leather) vital to the country's economy, the Russian authorities took a number of measures. Instead of supporting private Russian capital in Mongolia's domestic market, the imperial government moved to create completely state-controlled structures. Some of these projects, such as the Mongolian National Bank, proved ineffective due to their pre-war concept, which failed to take into account the realities of war. Others, such as the Special Expedition of the Ministry of Agriculture in Mongolia (Mongolex) under the leadership of Colonel P. K. Kozlov, were highly successful, establishing large-scale wholesale supplies of Mongolian raw materials (livestock and meat) to Russia. Mongolex's success was based on experienced staff, a flexible strategy, and significant budgetary funding. *Conclusion.* The military crisis forced the empire to step up government intervention, which allowed it to partially retain economic influence in Mongolia.

Keywords: Russian Empire, Mongolia, economic expansion, Russian-Mongolian Agreement of 1912, merchants, World War I, Mongolian National Bank, Special Expedition (Mongolex), P. K. Kozlov, trade and industrial activities

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy “The Mongolian World in Historical Perspective: Interactions of Cultures and Civilizations from the Post-Imperial Period to the Present” project no. 126020516676-6.

For citation: Plekhanova A. M., Shirapov A. A. Russian Economic Expansion in Mongolia in 1911–1917: Stages, Mechanisms, and Results. *Mongolian Studies (Elista)*. 2026. Vol. 18. Is. 1. Pp. 43–55. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-43-55

1. Введение

21 октября 1912 г. в Урге — столице Монголии — состоялось одно из важнейших событий в истории российско-монгольских отношений — заключение «Дружественного соглашения о признании Россией автономной Монголии» [[О соглашении России с Монгольским правительством 1915: 1492](#)]. Договор, подписанный со стороны Российской империи действительным статским советником И. Я. Коростовцом, со стороны Монгольского государства — членами Совета министров во главе с Председателем Сайн Ноин ханом Намнансуруном, был выгоден обеим сторонам. Монголии, вышедшей после Синьхайской революции 1911 г. из состава Цинской империи, соглашение гарантировало фактическую независимость. В свою очередь Россия получала беспрецедентные экономические преференции в Монголии: русские подданные могли беспрепятственно передвигаться по стране, беспошлинно торговать, заниматься добычей природных ресурсов, открывать финансово-кредитные учреждения и т. д. [[О соглашении России с Монгольским правительством 1915: 1493–1495](#)].

Для российского бизнеса, ранее вынужденного вести неравную борьбу с господствовавшими на монгольском рынке китайскими купцами, открывались крайне выгодные перспективы. Отечественный торгово-промышленный капитал обрел шанс закрепить Монголию в российской зоне влияния. Так начался новый период в истории экономических отношений между Россией и Монголией. Цель настоящей статьи — выявить основные этапы, механизмы и результаты экономической экспансии России в Монголии в 1911–1917 гг.

2. Материалы и методы исследования

Статья основана на материалах, содержащихся в фондах государственных архивов Иркутской области (ГА ИО) и Республики Бурятия (ГА РБ). В ходе работы с документами фондов ГА ИО — Ф. 71 «Экспедиция по закупке скота в Монголии для нужд действующей армии Министерства продовольствия Временного сибирского (колчаковского) правительства» и Ф. 293 «Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества» — были получены ценные данные о состоянии российско-монгольских торговых отношений в годы Первой мировой войны. Исследование материалов Ф. Р-577 «Исполнительный комитет Троицкосавского Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов» (ГА РБ) позволило подтвердить негативное влияние, оказанное Первой мировой войной на экспорт российской продукции в Монголию.

В методологическом плане исследование опирается на комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Использование историко-генетического метода позволило выявить причины смены экономической стратегии России в Монголии — от ограниченной поддержки отечественных предпринимателей, стремившихся занять господствующие позиции на внутреннем рынке страны, к установлению государственной монополии внешней торговли. Применение статистического метода дало возможность подтвердить рост объемов российско-монгольской торговли в исследуемый период.

3. Экономическая деятельность российских предпринимателей в Монголии в 1911–1914 гг.: достижения, просчеты и несбывшиеся надежды

Соглашение с монгольскими властями открыло русским торговцам и промышленникам беспрепятственный выход на местный рынок. Помимо законодательно закрепленных привилегий, российский бизнес получил еще два важных преимущества. Первое заключалось в исключении конкуренции со стороны китайских купцов, которые с началом Синьхайской революции начали массово покидать пределы страны. В 1912 г. только из Улясутайского округа выехало свыше тысячи торговцев и их служащих, причем большая часть принадлежавшего им движимого и недвижимого имущества со значительным дисконтом была куплена русскими купцами [Старцев 2013: 177–178]. Вторым ключевым фактором стала ощутимая поддержка российских предпринимателей со стороны правительства при решении актуальных вопросов с монгольскими властями. Одним из наиболее ярких примеров служит помощь, оказанная имперским посланником И. Я. Коростовцом, группе предпринимателей во главе с кяхтинским купцом 1-й гильдии И. Д. Синицыным. Дипломат содействовал подтверждению концессии на золотодобычу, полученной купцами у монгольского правительства еще до заключения российско-монгольского соглашения и

потому считавшейся недействительной [Коростовец 2009: 205]. Впоследствии благодаря этой поддержке И. Д. Синицыным было создано Кяхтинское золото-промышленное товарищество, активно занимавшееся разработкой драгоценного металла в северных районах Монголии.

После обретения внушительных привилегий российские купцы, наряду с модернизацией уже действующих, начали активно создавать новые промышленные предприятия, занятые обработкой местного сырья. Кожевенные заводы в Маймачене, Урге и Мурин-Курене ежегодно выпускали более 50 тыс. выделанных кож [Майский 1921: 223]. По всей стране открывались шерстомойки, лесопильные и салотопные заводы, предприятия по обработке скотских кишок [Чимитдоржиев 1987: 168]. В 1912 г. впервые в Монголии купцом Сулеймановым был введен в эксплуатацию мыловаренный завод, продукция которого вскоре заняла монопольное положение на местном рынке [Единархова 2003: 176–177]. Не менее успешными были проекты, направленные на разработку месторождений полезных ископаемых, потенциал которых был хорошо известен российскому бизнесу. Подтверждением служат данные об экспорте в Монголию горнопромышленного оборудования: если в 1911 г. было ввезено 9 различных машин, то в следующем — 195 [Старшины торгующего в Кяхте купечества 1914: 8]. Сделанная русскими купцами ставка на промышленную разработку полезных ископаемых полностью себя оправдала. За три года, с 1912 г. по 1914 г., на приисках, принадлежавших русским бизнесменам, было добыто свыше двух тонн драгоценного металла [Майский 1921: 224–225]. Другим примером служит разработка предпринимателем Соломоновым месторождения горного хрусталя в местности Горхон-Бумбэгэр. Объем добытого в течение первого сезона камня составил около 420 пудов [Старцев 2015: 172]. По свидетельству очевидцев, для его транспортировки было задействовано 30 верблюдов [Ширендыб 1971: 57]. Кроме того, под руководством российских подданных была развернута промышленная добыча бурого угля на месторождении Налайх вблизи Урги (ежегодно — более 100 тыс. пудов) [Майский 1921: 220].

В отличие от промышленных проектов успехи России в развитии торговли с Монголией были весьма неоднозначными, что наглядно демонстрируют показатели экспортно-импортных операций.

Таблица 1. Торговый оборот между Россией и Монголией
в 1911–1914 гг. (в тыс. руб.) [Ширендыб 1971: 57]
[Table 1. Trade turnover between Russia and Mongolia
in 1911–1914 (in thousands of rubles)]

Год	Экспорт	Импорт
1911	2100	757
1912	3100	2700
1913	2600	8403
1914	4400	8427

На первый взгляд, исходя из данных таблицы, можно сделать вывод о ежегодном росте объемов взаимного товарооборота. Однако для России экспортно-импортные операции с Монголией характеризовались отрицательным сальдо торгового баланса. Импорт из Монголии с 1911 г. по 1914 г. увеличился

более чем в 11 раз, в то время как экспорт отечественных товаров — всего вдвое.

Несмотря на крайне благоприятные условия, отечественный бизнес не смог занять господствующие позиции на внутреннем рынке Монголии. Причин было много, в том числе разобщенность русских предпринимателей, их просчеты в торговой политике, заключавшиеся в резком повышении цен без сопутствующего наращивания товарной массы. Сказывался дефицит необходимых для развития торговли источников кредитования, ставший особенно ощутимым после закрытия монгольских отделений Русско-Китайского банка [Плеханова, Ширапов 2020]. Не менее важной причиной являлась неразвитость транспортно-логистической инфраструктуры, способной значительно ускорить и удешевить товарооборот.

Имперские власти, равно как и российские предприниматели, прекрасно понимали всю сложность указанных проблем и настойчиво искали способы их решения. В 1912 г. действительным статским советником А. В. Витте, баргузинским купцом 1-й гильдии, золотопромышленником Я. Д. Фризером и иркутским купцом 2-й гильдии И. Д. Камовым была предпринята попытка создания крупного коммерческого объединения — «Сибирско-монгольского торгово-промышленного акционерного общества». По замыслу авторов проекта, общество с основным капиталом в 200 тыс. руб. должно было заниматься торговлей, предоставлением ссуд, открытием новых фабрик и заводов, разработкой месторождений полезных ископаемых. Министерство торговли и промышленности, куда было направлено прошение о создании общества, проект одобрило и направило на согласование в Совет министров, однако тот временно отложил его рассмотрение, направив для изучения в Министерство иностранных дел. К сожалению, из-за начала Первой мировой войны данный проект не был реализован [Единархова 2003: 177].

Предпринимались попытки решения транспортно-логистической проблемы. В 1913 г. купцом М. Л. Горбоносом на собственные средства был организован новый торговый маршрут из Улясутая в Иркутск. Примечательно, что значительная часть пути пролегла по озеру Косогол (совр. Хубсугул), по которому товары перевозились на принадлежавшем М. Л. Горбоносу грузовом пароходе [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 21]. Примером кооперации усилий частных лиц и государства в области планирования и реализации инфраструктурных проектов служит история Кяхтинской железной дороги. В конце 1900-х гг. представителями верхнеудинского и кяхтинского купечества на собственные средства была проведена масштабная работа по разведке местности в районе предполагаемой прокладки железнодорожной магистрали. Грамотно рассчитанные планы строительства вместе с многочисленными прошениями купцов были направлены на рассмотрение имперским властям. Летом 1914 г. Государственной думой был принят закон о прокладке железной дороги по маршруту Верхнеудинск – Кяхта. На нужды строительства из бюджета империи планировалось направить 24 млн руб., из которых один миллион выделялся уже в 1914 г. [Плеханова, Ширапов 2024: 91–92].

Понимая острую потребность торговавшего в Монголии купечества в получении банковских услуг, российское правительство также предприняло ряд шагов. Воспользовавшись правом русских банков на открытие филиалов со-

гласно статье 3 договора России и Монголии [О соглашении России с Монгольским правительством 1915: 1493], имперские власти начали переговоры с руководством крупнейших отечественных кредитно-сберегательных учреждений. Однако представители российской финансовой элиты не высказывали желания выходить на монгольский кредитный рынок, ссылаясь на неудачный опыт Русско-Китайского банка [Коростовец 2009: 342]. Лишь в середине 1913 г. правительство империи смогло договориться с правлением Сибирского торгового банка о создании подконтрольного России Монгольского национального банка. Основной капитал учреждения — 1 млн руб., представленный 10 тыс. акций по 100 руб. каждая, — был распределен между правительством Российской империи, получившим 2 тыс. акций, и правлением Сибирского торгового банка, которому принадлежал контрольный пакет (8 тыс. акций) [Старцев 2015: 161].

Указанные мероприятия должны были нивелировать совершенные прежде просчеты и обеспечить российскому торгово-промышленному капиталу лидирующие позиции на внутреннем рынке Монголии. Однако в связи с начавшейся Первой мировой войной модель продвижения экономического влияния России, основанная на частной инициативе отечественных предпринимателей, поддерживаемой имперскими властями, не могла быть эффективно реализована. Российское правительство было вынуждено пойти на коренную смену стратегии в отношении Монголии.

4. Российская экономическая экспансия в Монголии в 1914–1917 гг.: от частного предпринимательства к государственному регулированию

Первая мировая война стала для отечественного бизнес-сообщества в Монголии временем тяжелых испытаний и перемен. В связи с резким ростом спроса на промышленные изделия в России и введением ограничений на экспортную торговлю вывоз российской промышленной продукции всего за год после начала боевых действий сократился вдвое — с 4 400 тыс. руб. в 1914 г. до 2 400 тыс. руб. в 1915 г. [Майский 1921: 208]. Летом 1915 г. Министерство финансов запретило вывоз из страны товаров, составлявших основу российского экспорта в Монголию: продуктов питания, выделанных кож, нефтепродуктов, тканей, металлических изделий, табака и др. [Богданов 1916: 16–20].

Помимо фактического свертывания экспортной торговли, было заморожено строительство Кяхтинской железной дороги [Третьяков 2018: 162]. Вызванные войной транспортные проблемы в значительной мере усложнили деятельность российских промышленников в Монголии. Коллапс на Транссибирской железнодорожной магистрали крайне затруднил поставки промышленного оборудования и припасов. Товарищество «Монгольский кожевник», купившее в октябре 1914 г. на машиностроительном заводе Береновых «срезной станок для кожи», только весной 1917 г. получило сообщение о прибытии заказанного груза из Екатеринбурга в Троицкосавск с целью дальнейшей отправки в Монголию [ГА РБ. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 10. Л. 6].

Ощутимым ударом для российского бизнеса стало возвращение на монгольский внутренний рынок иностранных конкурентов, в частности китайских торговцев. Воспользовавшись ослаблением Российской империи Первой мировой войной, Китай смог восстановить свои позиции в Монголии. В статье 2 соглашения, заключенного 25 мая 1915 г. в Кяхте, было закреплено: «Внешняя

Монголия признает над собой сюзеренитет Китая. Россия и Китай признают автономию Внешней Монголии, составляющей часть китайской территории» [Трехстороннее соглашение России, Китая и Монголии 1958: 102]. Особо оговаривалось возвращение китайских торговцев, которые теперь обладали правом беспоплатного ввоза в страну продукции любого происхождения. Располагавшие значительными товарными и финансовыми ресурсами представители китайского торгово-промышленного капитала снова заняли ведущие позиции на рынке Монголии. По воспоминаниям современника событий, священнослужителя Ф. А. Парнякова, посетившего в 1916 г. русскую факторию в Цзаин-Шаби, положение дел у отечественных купцов было тяжелым: «Самые ходовые товары почти отсутствуют. Нет юфти, чугунных, железных и медных изделий, сукна, спичек, сахара, и той русской мануфактуры, бязь, даба, на которую спрос постепенно возрастал, благодаря доброкачественности и дешевизне, сравнительно с китайскими товарами. Китайцы же с освобождением Калганского пути от разбойничьих банд, получают свои товары в значительном количестве и продают их по повышенным ценам» [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 5]. Помимо китайских торговцев, в Монголию стали активно проникать американские, английские, немецкие и японские коммерсанты, ввозя в страну большие партии промышленных товаров и скупая шерсть, кожи, золото и др. [Чимитдоржиев 1987: 167].

Все перечисленные проблемы создавали угрозу выхода Монголии из сферы влияния России, которая в условиях военного времени остро нуждалась в пополнении финансовых и материальных ресурсов. Для промышленного производства вооружения, обмундирования и амуниции требовались поставки различного сырья, в частности сельскохозяйственного. Объем продовольствия, потребляемого действующей армией, ежегодно возрастал: если в 1914 г. на снабжение войск поступило 13,5 млн пудов мяса, то в 1915 г. этот показатель увеличился до 51,1 млн пудов [Россия в мировой войне 1925: 60]. Сельское хозяйство империи не могло в полной мере обеспечить нужды фронта. Недостающее сырье и продовольствие восполнялись за счет импортных поставок, в том числе из Монголии. В 1914 г. в Россию было ввезено скота, шерсти, кож, пушнины на 8 млн руб., в 1915 г. стоимость монгольского импорта превысила 11 млн руб. [Ширендыб 1971: 57]. Таким образом, Российская империя была крайне заинтересована в сохранении своих позиций на внутреннем рынке Монголии.

Первоначально российские власти пытались адаптировать довоенные планы и проекты к новым условиям. 14 мая 1915 г. в Урге состоялось долгожданное открытие Монгольского национального банка [Чимитдоржиев 1987: 167]. Перед учреждением были поставлены крайне амбициозные задачи: обеспечение поступления монгольского сырья под российский контроль с последующим «придаением этому сырью необходимых свойств рыночного товара»; всемерное содействие повышению продуктивности монгольского хозяйства и «увеличению размеров русского скотоводства в Монголии»; сбыт русских товаров в Монголии и транзит через российских посредников «таких иностранных товаров, которые Россия производит не в состоянии»; улучшение путей сообщения; «урегулирование арендных статей по сдаче пастбищ, лесов и приисков» и др. [Майский 1921: 210]. Банк получил право вести учет и переучет

векселей, выдавать ссуды, открывать кредиты под залог движимого и недвижимого имущества, осуществлять куплю-продажу драгоценных металлов и ценных бумаг, приобретать концессии и финансировать торговые и промышленные предприятия, а также выпускать бумажные и металлические денежные знаки [Годы становления Монголбанка 2014: 125–126]. Замысел российского правительства заключался в интеграции монгольского хозяйства в экономику империи через создание подконтрольного банка.

Помимо главного офиса в столице страны — Урге, филиалы Монгольского национального банка были открыты в Цзаин-Шаби, Гоби-Тушету-Ване, Улясутае, Кобдо, Уланкоме и Тарятах. Их клиентами выступали русские торговцы и местные жители. Однако финансово-кредитная деятельность учреждения не отличалась ни масштабностью, ни особыми успехами. Учет векселей монгольских клиентов банка составлял примерно 500–600 тыс. руб. в год, российских — 150 тыс. руб. Организация снабжения российских торговцев товарами также была малоуспешной в связи с отсутствием у учреждения необходимых запасов [Майский 1921: 211]. Банк не смог стать эффективным инструментом в продвижении российского влияния в Монголии, поскольку идея создания учреждения, равно как и стратегия развития, была сформулирована в довоенный период, без учета влияния катастрофического роста расходов и сокращения доходов, падения курса национальной валюты, разрушения транспортно-логистических маршрутов, сокращения производства товаров народного потребления, вызванных Первой мировой войной.

Имперское правительство, осознавая, что частные предприятия не способны обеспечить в должной мере закупку и отправку в Россию монгольского сырья, пошло на создание государственного предприятия — «Особой» экспедиции Министерства земледелия в Монголии (Монголэкс).

Деятельность учреждения, начавшаяся летом 1915 г. под руководством известного исследователя-путешественника полковника П. К. Козлова, охватывала значительную территорию, разделявшуюся на четыре отдельных района — Западно-Монгольский, Восточно-Монгольский, Владивостокско-Маньчжурский и Сибирский. Штаб-квартира Монголэкс находилась до 1917 г. в Чите, после — переехала в Иркутск [Майский 1921: 212]. Каждым районом управляли специально назначенные особо уполномоченные, располагавшие целым штатом помощников. Так, отставной хорунжий Ц. Г. Бадмажапов заведовал работой Восточно-Монгольского района, ветеринарный начальник 2-го участка Иркутского уезда В. Г. Гей контролировал работу учреждения в Западно-Монгольском, крестьянский начальник 2-го участка В. Г. Кокоулин отвечал за Сибирский район, ветеринарный врач А. С. Мещерский ведал делами во Владивостокско-Маньчжурском. С сентября 1915 г. главным помощником П. К. Козлова стал А. А. Дудукалов, занимавший должность заведующего ветеринарной частью организации [Оськин 2014: 37]. Деятельность Монголэкса развивалась весьма успешно. К январю 1916 г. из Монголии в Россию было отправлено более 281 тыс. пудов мяса [ГА ИО. Ф. 71. Оп. 1 Д. 1. Л. 8]. С 1915 г. по 1918 г. учреждением было поставлено около 237 тыс. голов крупного рогатого скота [Майский 1921: 214].

Успех «Особой» экспедиции был обеспечен, во-первых, грамотно выстроенной схемой работы учреждения с опорой на сотрудников, имевших опыт ра-

боты в Монголии и разбиравшихся в особенностях устройства местного рынка. Штат работников Монголэкса, занятых закупкой скота и его отправкой в Россию, набирался преимущественно из числа живших в Монголии русских торговцев и их служащих [Майский 1921: 213]. Лишенные поставок товаров из России, многие отечественные предприниматели находились на грани разорения. Для оказания им помощи руководство экспедиции закупило крупную партию наиболее ходовых товаров — чая и текстильных изделий, которые были отпущены в кредит русским торговцам под минимальный процент. Погашать кредит полагалось скотом, что было выгодно и отечественным купцам, и Монголэксу [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 16].

Вторым фактором, обусловившим результативность «Особой» экспедиции, стало то, что впервые в истории российско-монгольских экономических отношений на внутренний рынок страны вышла по-настоящему крупная российская коммерческая организация, пользовавшаяся полной поддержкой имперских властей. Китайским фирмам в Монголии противостояла компания, располагавшая значительными материальными ресурсами, позволявшими вести успешную конкурентную борьбу. Общая сумма средств, выделенных российской казной в 1915–1917 гг. на нужды учреждения, составляла более 56 млн руб. [Майский 1921: 214].

Третьей причиной успеха стала стратегическая гибкость политики Монголэкса, руководство которой оперативно реагировало на возникающие сложности и изменения конъюнктуры торговли. Так, в связи с вызванным войной падением курса рубля и отказом монгольских торговцев принимать российские банкноты, по ходатайству руководства «Особой» экспедиции из запасов Государственного казначейства начались поставки в Монголию серебра, приобретенного в Германии еще до начала военных действий [Оськин 2014: 38]. Другим примером служит особый денежный фонд, предусмотренный П. К. Козловым на случай осложнений с местными властями: в 1915 г. из него было израсходовано 50 тыс. руб. на *«подарки представителям монгольского правительства и наиболее влиятельным лицам в Монголии и на представительство Экспедиции»* [ГА ИО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 32].

5. Заключение

Период 1911–1917 гг. в истории российско-монгольских отношений характеризуется кардинальной сменой стратегии экономической экспансии — от поддержки частного торгово-промышленного капитала к прямому государственному регулированию. На первом этапе (1911–1914 гг.) российские предприниматели, получив широкие привилегии и пользуясь поддержкой имперских властей, сумели реализовать ряд успешных промышленных проектов в сфере золотодобычи, обработки сырья и производства товаров повседневного спроса. Однако их позиции на внутреннем рынке Монголии оставались уязвимыми: отрицательное сальдо торгового баланса, отсутствие развитой транспортно-логистической и кредитной инфраструктуры, разобщенность бизнес-сообщества и ошибочная ценовая стратегия не позволили России вытеснить китайских конкурентов и занять доминирующее положение.

Вступление Российской империи в Первую мировую войну привело к коллапсу прежней модели экономического присутствия. Сокращение экспор-

та, замораживание инфраструктурных проектов и возвращение на монгольский рынок иностранных (прежде всего китайских) торговцев создали угрозу утраты влияния. В этих условиях правительство сделало ставку на создание подконтрольных государству структур. Учрежденный в 1915 г. Монгольский национальный банк, задуманный как инструмент интеграции монгольского хозяйства в экономику империи, не оправдал возложенных на него надежд из-за несоответствия довоенной стратегии военно-экономическим реалиям. Напротив, «Особая» экспедиция Министерства земледелия в Монголии продемонстрировала эффективность централизованного, хорошо финансируемого государственного предприятия, придерживающегося гибкой стратегии. Благодаря привлечению опытных кадров, поддержке русских торговцев, адаптации к изменению курса рубля и умелому использованию административных ресурсов Монголэкс сумел взять под контроль значительную долю товарно-сырьевого рынка Монголии и обеспечить стабильные поставки монгольского сырья в Россию.

Таким образом, опыт 1912–1917 гг. показывает, что в условиях геополитического и военного кризиса Российское государство было вынуждено эволюционировать от патерналистской поддержки частного капитала к введению прямого контроля над внешнеторговыми операциями с Монголией. Успех Монголэкса свидетельствует о том, что решающими факторами эффективности государственной экономической экспансии служили качество проработки стратегии, учет локальных условий, гибкость тактики и масштаб ресурсного обеспечения.

Источники

- ГА ИО — Государственный архив Иркутской области.
- ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.
- Годы становления Монголбанка 2014 — Годы становления Монголбанка (По материалам российских ученых и писателей, государственных и частных архивов) / отв. ред. Ю. Н. Кручкин. Лос-Анджелес; Улан-Батор, 2014. 161 с.
- О соглашении России с Монгольским правительством 1915 — О соглашении России с Монгольским правительством // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. третье. Том XXXII. Отд. 1. № 38230. Пг.: Гос. тип., 1915. С. 1492–1495.
- Россия в мировой войне 1925 — Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М.: Тип. М. К. Х. имени Ф. Я. Лаврова, 1925. 103 с.

Sources

- SAIO — State Archive of Irkutskaya Oblast.
- SARB — State Archive of the Republic of Buryatia.
- The Formative Years of Mongolbank (Based on Materials from Russian Scholars and Writers, State and Private Archives) Yu. Kruchkin (ed.). Los Angeles; Ulaanbaatar, 2014. 161 p. (In Russ.)
- On the Agreement between Russia and the Mongolian Government. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Three: From 1 March 1881 to 1913. In 48 vols. Vol. 32. Section 1. No. 38230. Petrograd: Gos Typ., 1915. Pp. 1492–1495. (In Russ.)
- Russia in the World War 1914–1918 (in figures). Moscow: Tipografiya MKN imeni F. Ya. Lavrova, 1925. 103 p. (In Russ.)

Старшины торгующего в Кяхте купечества 1914 — Старшины торгующего в Кяхте купечества. Краткая записка по вопросу проведения Кяхтинской железной дороги. Иркутск: Электротип. И. А. Белоголова, 1914. 16 с.

Трехстороннее соглашение России, Китая и Монголии 1958 — Трёхстороннее соглашение России, Китая и Монголии об автономии Внешней Монголии // Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Вост. лит., 1958. С. 102–106.

Литература

Богданов 1916 — *Богданов В. В.* Таможенные правила о вывозе товаров за границу из числа запрещенных к отпуску по обстоятельствам военного времени. Пг.: Книгоизд-во бывш. М. В. Попова, 1916. 56, [2] с.

Единархова 2003 — *Единархова Н. Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск: Оттиск, 2003. 252 с.

Коростовец 2009 — *Коростовец И. Я.* Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. Улаанбаатар: Адмон, 2009. 440 с.

Майский 1921 — *Майский И. М.* Современная Монголия (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребителей «Центросоюз»). Иркутск: Гос. изд-во РСФСР, Иркутск. отд., 1921. 472 с.

Оськин 2014 — *Оськин М. В.* «Особая» экспедиция П. К. Козлова в Монголии в период Первой мировой войны (1915–1917) // *Mongolica*. 2014. Т. 12. С. 36–42.

Плеханова, Ширапов 2020 — *Плеханова А. М., Ширапов А. А.* Ургинское отделение Русско-Китайского банка (1900–1910 гг.): недлинная история // Вопросы истории. 2020. № 10–2. С. 115–125.

Elders of the Merchants Trading in Kyakhta. Brief Note on the Construction of the Kyakhta Railway. Irkutsk: I. A. Belogolovago Elektrotip. I. A. Belogolovago, 1914. 16 p. (In Russ.)

Tripartite Agreement between Russia, China, and Mongolia on the Autonomy of Outer Mongolia. Russian-Chinese Relations. 1689–1916. Official Documents. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958. Pp. 102–106. (In Russ.)

References

Bogdanov V. V. Customs Regulations on the Export of Goods Abroad from among those Prohibited for Release due to Wartime Circumstances. Petrograd: Knigoizdatelstvo M. V. Popov, 1916. 56, [2] p. (In Russ.)

Edinarkhova N. E. Russians in Mongolia: the Main Stages and Forms of Economic Activity (1861–1921). Irkutsk: Ottisk, 2003. 252 p. (In Russ.)

Korostovets I. Ya. Nine Months in Mongolia. Diary of the Russian Commissioner in Mongolia. August 1912 – May 1913. Ulaanbaatar: Admon, 2009. 440 p. (In Russ.)

Maisky I. M. Modern Mongolia. (Report of the Mongolian Expedition, Equipped by the Irkutsk Office of the All-Russian Central Union of Consumer Societies “Tsentsosoyuz”). Irkutsk: Gos. izd-vo RSFSR, Irkutsk. Department, 1921. 472 p. (In Russ.)

Oskin M. V. P. K. Kozlov’s «Special» Expedition to Mongolia during World War I (1915–1917). *Mongolica*. 2014. Vol. 12. Pp. 36–42. (In Russ.)

Plekhanova A. M., Shirapov A. A. The Urginsky Branch of the Russo-Chinese Bank (1900–1910): Short Story. *Voprosy Istorii*. 2020. No. 10–2. Pp. 115–125. (In Russ.)

- Плеханова, Ширапов 2024 — *Плеханова А. М., Ширапов А. А.* Железнодорожное строительство в трансграничье Россия – Монголия – Китай: от проекта Кяхтинской ветки к возведению трансмонгольской магистрали // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2024. № 3(55). С. 89–95.
- Пlekhanova A. M., Shirapov A. A. Railway Construction in the Russia-Mongolia-China Cross-Border Area: from the Kyakhta Branch Project to the Construction of the Trans-Mongolian Highway. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS*. 2024. No. 3(55). Pp. 89–95. (In Russ.)
- Старцев 2015 — *Старцев А. В.* Организация и инфраструктура русской торговли в Монголии во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура). Т. 4. Иркутск: Байкал. гос. ун-т экономики и права, 2015. С. 143–180.
- Startsev A. V. Organization and Infrastructure of Russian Trade in Mongolia in the second Half of the 19th — early 20th Centuries. In: *Russia and Mongolia: a New Look at History (Diplomacy, Economics, Culture)*. Vol. 4. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law, 2015. Pp. 143–180. (In Russ.)
- Старцев 2013 — *Старцев А. В.* Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2013. 411 с.
- Startsev A. V. Russian-Mongolian Trade and Economic Relations in the second Half of the 19th – early 20th Centuries. Barnaul: Publishing House of Altai State University, 2013. 411 p. (In Russ.)
- Третьяков 2018 — *Третьяков В. Г.* Из истории мысовского проекта Кяхтинской железной дороги // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2(27). С. 158–164.
- Tretyakov V. G. From the History of the Mysovsky Project of the Kyakhta Railway. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2018. Vol. 14. No. 2(27). Pp. 158–164. (In Russ.)
- Чимитдоржиев 1987 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 240 с.
- Chimtdorzhiev Sh. B. Russia and Mongolia. Moscow: Nauka, 1987. 240 p. (In Russ.)
- Ширендыб 1971 — *Ширендыб Б.* История Монгольской народной революции 1921 года / сокращ. перевод с монгольского. М.: Глав. ред. вост. лит., 1971. 400 с.
- Shirendyb B. History of the Mongolian People's Revolution of 1921. Abridged Translation from Mongolian. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1971. 400 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 18, Is. 1, pp. 56–67, 2026
 DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-56-67

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 314.9+314.8

Буряты Читинской области: демографическое развитие в 1959–1989 гг.

Виктория Васильевна Лыгденова¹,
 Одон Борисович Дашинамжилов²

The Buryats of Chita Region: Demographic Development in 1959–1989

Victoria V. Lygdenova¹,
 Odon B. Dashinamzhilov²

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН (д. 17–404, пр. академика Лаврентьева, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (17–404, Acad. Lavrentyev Ave., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

кандидат философских наук, научный сотрудник

Cand. Sc. (Philosophy), Research Associate

 0000-0003-4277-8155. E-mail: asterisk1980[at]mail.ru

² Институт истории СО РАН (д. 8, ул. Николаева, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

Institute of History of the Siberian Branch of the RAS (8, Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

доктор исторических наук, старший научный сотрудник

Dr. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-0938-2290. E-mail: odon[at]bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Лыгденова В. В., Дашинамжилов О. Б., 2026

© Lygdenova V. V., Dashinamzhilov O. B., 2026

Аннотация. *Введение.* Исследование этнодемографических процессов вызывает большой интерес у этнологов и демографов. Такие работы позволяют глубже понять динамику численности населения в полиэтнических регионах, определить дальнейшие тенденции в воспроизводстве и миграции разных народов. *Цели и задачи.* В этой связи актуальным является изучение численности и воспроизводства бурятского населения Читинской области (Забайкальского края), которая является одним из трех регионов преимущественного расселения бурят в России в исследуемый период (вместе с Бурятской АССР и Иркутской областью). *Материалы и методы.* Основными источниками являются опубликованные и неопубликованные статистические данные. Методологической базой статьи стала концепция демографического перехода, разработанная А. Г. Вишневским, в которой описано преобразование традиционной модели воспроизводства населения в современную форму через прохождение трех этапов. В статье использованы исторические и демографические

методы. *Результаты.* В ходе проделанной работы выявлено, что демографический переход у читинских бурят происходил замедленно. Первый этап перехода начался в конце 1940-х гг. и затянулся почти на три десятилетия. Вторая фаза началась примерно с конца 1970-х гг. и длилась до начала 1990-х гг., после чего наступил третий этап, когда внутрисемейный контроль рождаемости все больше распространялся в обществе. *Выводы.* Демографическая модернизация бурятского этноса в Читинской области происходила с примечательными особенностями: первоначально — с сильным сокращением смертности и коротким по времени демографическим взрывом.

Ключевые слова: историческая демография, воспроизводство населения, демографический переход, рождаемость, смертность, буряты

Благодарность. Работа выполнена в рамках проекта Института археологии и этнографии СО РАН «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика» (номер госрегистрации: 125021001826-6, № FWZG-2025-0011) и в рамках проекта Института истории СО РАН «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (номер госрегистрации: 124021300032-0, № FWZM-2024-0005).

Для цитирования: Лыгденова В. В., Дашинамжилов О. Б. Буряты Читинской области: демографическое развитие в 1959–1989 гг. // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 56–67. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-56-67

Abstract. Introduction. Research of ethnical demographic processes is in priority for demography ethnologists. The last differentiated according to the character of their social and economic development. Such works help us better understand the dynamics of the population in multiethnic regions, to identify further trends in reproduction and migration of different peoples. Historically, some ethnical groups in Russian Federation lived separately. Apparently, the research of number and reproduction of the Buryat population of the Chita region (Trans-Baikal Territory), which is one of the three regions of the predominant settlement of the ethnic group in Russia (together with the Buryatskaya ASSR and the Irkutsk region), is relevant. *Data and Methods.* Works by Russian demographer and scholar A. G. Vishnevskiy are applied as a methodological basis of the paper. The primary materials and sources are archival and statistical documents, published and unpublished, and data collections. In addition, historical and demographic methods are used. *Results.* We have revealed that the demographic transition among the Chita Buryats was slower than in other regions. There were different factors of the slowness. The first stage of the transition started in the late 1940s and lasted for almost three decades until the end of the 1970s. The second phase arose around the end of the 1970s until the beginning of the 1990s, when there was a significant drop in the birth rate. After that, the third stage started, when intra-family birth control increasingly spread in the society. *Conclusion.* As a result, the demographic modernization of the Buryat ethnic group in the Chita region proceeded with remarkable features: initially, with a strong reduction in mortality and a short demographic explosion. Thus, the reasons of the demographic transition's peculiarities of the Buryats in Chita region are revealed and analyzed.

Keywords: historical demography, population reproduction, demographic transition, birth rate, mortality, Buryats

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy “Ethnical Cultural and Ethnical Social Processes of the Peoples of Siberia and Far East in 17th–21st Centuries: Formation and Dynamics” project no. 125021001826-6, FWZG-2025-0011 and “Social Economical Potential of Eastern Regions of Russia in 20th – Beginning of the 21st Centuries: Strategies and Practices of Management, Dynamics, Geopolitical Context” project no. 124021300032-0, No. FWZM-2024-0005.

For citation: Lygdenova V. V., Dashinamzhilov O. B. The Buryats of Chitinskaya Region: Demographic Development in 1959–1989. *Mongolian Studies (Elista)*. 2026. Vol. 18. Is. 1. Pp. 56–67. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-56-67

1. Введение

Актуальность исследования этнодемографических процессов в настоящее время возрастает как у демографов, так и у этнологов, поскольку подобные работы позволяют глубже понять динамику численности населения в полиэтнических регионах и определить дальнейшие тенденции в воспроизводстве и миграции разных народов. В этой связи возникает необходимость изучения численности, рождаемости и смертности бурят Читинской области (Забайкальского края), которая является одним из трех регионов их преимущественного расселения в России в исследуемый период (вместе с Бурятской АССР и Иркутской областью).

Изучение демографических характеристик бурятского народа проводилось в трудах К. Д. Басаевой [Басаева 1980], Б. В. Базарова [Базаров, Базаров 2011: 5–28], А. А. Бадмаева [Бадмаев 2021], Д. Д. Мангатаевой [Мангатаева, Чимитова 2003: 98–112], В. С. Ханхараева [Ханхараев 2013: 26–29]. Однако анализу численности и естественного движения бурят в Читинской области в рассматриваемый период не уделялось должного внимания. Именно поэтому исследование этнодемографического развития этого региона в 1959–1989 гг. представляет значительный интерес.

2. Материалы и методы

Методологической базой статьи стала концепция демографического перехода, разработанная А. Г. Вишневским, в которой описано преобразование традиционной модели воспроизводства населения в современную форму через прохождение трех этапов [Вишневский 2005]. В то же время надо учитывать, что демографический транзит оказывался под сильным воздействием специфических для каждой страны социально-экономических и политических условий. Особенно сильно отличался начальный этап перехода, во время которого в незападных обществах в результате сокращения смертности рождаемость не сохранялась на прежнем уровне, а наоборот, начинала расти, в результате чего возникал интенсивный демографический взрыв. Для решения поставленных задач в статье применяются демографические и исторические методы.

Исследование проводилось в основном с привлечением демографической статистики: материалов всесоюзных переписей и текущего учета населения. К сожалению, часть материалов за некоторые годы обнаружить не удалось. В основу исследования положены материалы центральных и региональных государственных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Забайкальского края (ГА ЗК) и Агинского окружного государственного архива (АОГА).

3. Численность и воспроизводство

Исторически в Читинской области проживала небольшая часть бурятского населения, примерно 16 % от его общей численности в стране [Национальный 1961: 240–250]. Согласно данным Всесоюзной переписи 1959 г., это 39,9 тыс.

чел. [Национальный 1961: 240–250]. За рассматриваемый 30-летний период количественное представительство народа в области за счет высокого естественного прироста существенно возросло — до 66,7 тыс. чел. [Национальный 1961: 240–250].

Первые демографические обследования забайкальских бурят, проведенные в 1908 г., показали, что рождаемость у них составила только 29,4 ‰ [Цыдыпов 1969: 18], смертность — 20,9 ‰ [Цыдыпов 1969: 18], соответственно, естественный прирост — 8,5 ‰ [Цыдыпов 1969: 18]. В европейских районах империи рождаемость была в полтора раза больше (45,8 ‰) [Рашин 1956: 168], смертность тоже являлась высокой — 29,5 ‰ [Рашин 1956: 168], но и естественный прирост был значительнее — 16,3 ‰ [Рашин 1956: 188]. По многим косвенным признакам, даже в 1920–1930-е гг. демографический переход у бурятского этноса еще не начался. Тем не менее в районах его преимущественного расселения уже возникли основы современного образования, здравоохранения, социального обеспечения, которые в дальнейшем способствовали улучшению демографического положения [История 2011: 139–174].

В конце 1950-х гг. суммарный коэффициент рождаемости среди бурят составил 5,9 ребенка на одну женщину [ГА ЗК. ФР. 1645. Оп. 5. Д. 272. Л. 8–8об.; ГА ЗК. ФР. 1645. Оп. 5. Д. 324. Л. 21–21об.] Это довольно высокий показатель, который существенно превышал средние значения по области (3,5) [ГА РФ. Ф. А. 374. Оп. 31. Д. 1852. Л. 197; ГА РФ. Ф. А. 374. Оп. 31. Д. 4922. Л. 217–218], причем он оказался выше, чем у бурятского населения Предбайкалья (4,9) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 488. Л. 91–93об.] и Бурятской АССР (5,1) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 488. Л. 70–72об.]. Такая разница возникала вследствие специфики социально-экономического развития региона. На территорию Читинской области в годы Великой Отечественной войны почти не эвакуировали предприятий, не появились здесь и территориально-производственные комплексы [Очерки 2007: 73, 153–159, 168–176]. Такие особенности промышленного развития способствовали длительному сохранению традиционных форм хозяйственной деятельности и образа жизни коренного населения [Край 2008: 171–174].

Доля городских жителей у бурят в 1959 г. составила только 7,6 ‰ [Национальный 1961: 245]. Доминирование сельских жителей способствовало сохранению высокой рождаемости. Даже зарегистрированное Всесоюзной переписью небольшое количество горожан проживало в основном в малых городских поселениях, а не в областном центре, где было отмечено только 690 чел. [ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 6. Д. 183. Л. 1–12]. В этом отношении читинские буряты отличались от иркутских, которые жили главным образом в крупных промышленных центрах [Национальный 1992: 15]. В результате индустриальная модернизация и урбанизация, приводящие к изменению образа жизни, а затем и репродуктивного поведения, оказали небольшое влияние на читинских бурят.

Исследования демографов показали, что рождаемость зависит также от социальной структуры, занятости и уровня образования населения. Доля служащих с низкой рождаемостью у бурят была невелика — всего 11 ‰ (у русских — 23,9 ‰ [ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 6. Д. 204. Л. 4], тогда как доля колхозников, которые отличались самыми высокими показателями детности, достигла почти 70 ‰ (у русских — 19 ‰ [ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 6. Д. 204. Л. 5]). Четыре пятых всего бурятского населения было занято в сельском и лесном хозяйстве, в промышленности всего 3 ‰ [ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 6. Д. 204. Л. 3–5].

Значимым фактором низкой рождаемости был высокий уровень образования. Действительно, советская власть уделяла много внимания повышению грамотности в стране. В 1959 г. количество бурят на тысячу жителей, обладавших разными видами образования, по сравнению с 1939 г. увеличилось в среднем в 4,3 раза [Национальности 1961: 264]. Особенно сильно вырос образовательный уровень сельских жителей [Национальности 1961: 372]. Несмотря на видимые успехи, действие этого фактора сильно ослаблялось отсутствием других условий.

Возрастные коэффициенты рождаемости бурятского населения в конце 1950-х гг. при всех особенностях соответствовали таковым у общества, находящегося в начале демографического перехода. Высокая интенсивность деторождений сохранялась как среди 25–29-летних, так и в средних репродуктивных когортах 30–34 и 35–39 лет [ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 5. Д. 272. Л. 8–8об.; ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 5. Д. 324. Л. 21–21об.]. Возрастные коэффициенты оказались довольно близкими к показателям СССР за 1926 / 1927 гг. [Воспроизводство 1983: 156–158], когда тот еще находился на первом этапе демографического транзита.

Так как бурятское общество оставалось все еще традиционным, то, судя по возрастной структуре населения, улучшение материального положения семей, общественная стабильность привели в 1950-е гг. к росту рождаемости [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 2998. Л. 34–35]. Этот подъем можно рассматривать также в русле теории Т. Р. Мальтуса, который указал на то, что население начинает интенсивно расти при увеличении средств пропитания [Мальтус 1895: 33–34]. Наряду с этим, как показывает исторический опыт, при переходе народа от кочевого хозяйства к оседлости число детей в семьях тоже повышается¹. Так, общий коэффициент рождаемости в 1958 / 1959 гг. у бурятского населения области составил 40,6 ‰, что заметно выше, чем в 1908 г. (29,4 ‰) [ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 5. Д. 324. Л. 29об.].

Такое развитие событий подтверждают данные Всесоюзных переписей 1979 и 1989 гг. Начиная с 1979 г. в переписях появились сведения об итоговой рождаемости женщин, ранжированные по годам рождения. Они показывают, что у буряток, появившихся на свет в 1910–1914 гг., число детей составило в среднем 3,3 на одну женщину [Итоги 1990а: 122]. В дальнейшем начинается рост цифровых значений, которые достигают максимальных величин у женщин 1930–1934 гг. р. — 4,3 ребенка [Итоги 1990б: 122], причем такая же динамика обнаружена и у других национальностей, например алтайцев, казахов и калмыков [Итоги 1990в: 122].

За годы Советской власти произошли крупные положительные сдвиги в общественном здравоохранении. Удалось значительно сократить заболеваемость от туберкулеза, тифа, трахомы, малярии, венерических болезней, полиомиелита, дифтерии, коклюша [АОГА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 196а. Л. 34–35]. К концу 1950-х гг. средняя продолжительность жизни бурятского населения достигла 66,5 лет, т. е. оказалась даже выше среднего показателя по области (65,9 лет, у русских — 65,5 лет) [ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 5. Д. 272. Л. 14–14 об., 19–19об.; ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 5. Д. 784. Л. 108–109 об.; ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 5. Д. 324. Л. 31–31об.] Смертность у бурят в основном была ниже в старших возрастах, тогда как смертность в младших и средних возрастах была выше. Удалось резко понизить детскую смертность, которая уменьшилась до 39 ‰ (в целом по области 34 ‰, в 1950 г. 100 ‰) [Естественное 1985: 19].

¹ Это отмечено также на материалах Российской империи (см. [Патканов 1911: 81]).

4. Этапы демографического развития

На основе анализа разнообразных статистических данных можно говорить о том, что на рубеже 1940–1950-х гг. у бурят начался первый этап демографического перехода с классическим демографическим взрывом. На это косвенно указывает стремительный рост числа детей в возрастной структуре [Естественное 1985: 19], при этом, что количество женщин в репродуктивном возрасте увеличилось не так значительно [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 2998. Л. 34–35].

Вместе с тем к концу 1960-х гг. суммарный коэффициент рождаемости снизился по всей стране, в том числе и в Читинской области (1958 / 1959 гг. — 3,5 ребенка на одну женщину, в 1969 / 1970 гг. — 2,4 [ГА ЗК. Ф. Р.–1645. Оп. 5. Д. 570. Л. 11–11об.]. У бурят рождаемость снизилась меньше: с 5,9 до 4,6 или на 22 % [ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 5. Д. 570. Л. 13–13об.], тогда как в целом по региону — почти на треть (31,4 %) [Текущий 2010: 14]. Данное сокращение было вызвано общими для всей страны факторами, сопровождающими индустриальную модернизацию: повышением удельного веса городских жителей, изменениями в социальной структуре, ростом уровня образования населения. Тяжелые последствия имела государственная политика ограничения личных подсобных хозяйств. Особенно пострадали женщины, которые были вынуждены компенсировать выпавшие доходы поступлением на работу в общественный сектор. Если раньше многие из них могли совмещать домашний труд с воспитанием детей, то теперь сделать это стало значительно сложнее.

Рождаемость у бурят Читинской области в 1959–1970 гг. сократилась меньше, чем в Предбайкалье или Бурятии, так как уклад их жизни дольше оставался прежним. Несмотря на то, что доля городского населения в 1970 г. увеличилась вдвое в сравнении с 1959 г., она оставалась очень низкой (15,5 %) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5341. Л. 7–8, 183–184]. Значительная часть семей продолжала жить в деревне и заниматься сельским хозяйством [Национальный 1975: 162].

В Агинском национальном округе доля рабочих и служащих росла очень медленно, если в 1959 г. она составляла 26 %, то в 1970 г. — 30,4 % [Национальный 1975: 162]. При сохранении традиционных ценностей многодетность в бурятском обществе, по мнению авторов, все еще рассматривалась как важный источник материального благополучия и авторитета семей. Возрастные коэффициенты, хотя и снизились к 1969 / 1970 гг., но все еще сохраняли «традиционный» вид [ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 5. Д. 570. Л. 13–13об.]. При этом рождаемость у 30–34-летних по-прежнему не сильно уступала 20–24-летним. Среди 35–39-летних она почти не изменилась. Рождаемость у 25–29-летних осталась самой высокой среди всех когорт [ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 5. Д. 570. Л. 13–13об.].

Согласно данным за 1978 / 1979 гг., в средних и старших пятилетних когортах рождаемость сократилась, но ее суммарный коэффициент у бурятского населения в целом по-прежнему оставался высоким — 4,2 ребенка на одну женщину [ГА РФ. Ф. А. 374. Д. 6030. Л. 2–4; ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 5. Д. 784. Л. 108–109об.]. В этот момент, по-видимому, заканчивается первый этап демографического перехода и начинается следующий.

Несмотря на то, что динамика роста промышленного производства осталась прежней, и область, как и раньше, отставала от своих соседей, культура малодетности все же постепенно проникала в бурятское общество. Продолжал расти образовательный и культурный уровень населения [Национальный 1975: 161].

Модель внутрисемейного ограничения рождаемости из центральных районов распространялась по территории СССР не только путем индустриализации и урбанизации, но и посредством телевидения, прессы, радио, межличностных контактов. Например, в заметках центральных газет, касающихся отношений между мужем и женой, превалировали малодетные или среднететные семьи¹. В иностранных фильмах, прежде всего, европейских и американских, малодетность или отсутствие детей у главных героев были нередким явлением.

Статистические показатели подтверждают рост культурно-образовательного уровня бурятского населения. Так, например, в Агинском национальном округе число библиотек за 1937–1980 гг. увеличилось более, чем в полтора раза, а количество книг в них – в 27 раз, число киноустановок возросло почти в восемь раз, увеличились продажи газет населению [Народное 1987: 75]. В отдаленных местах распространилась сеть культбаз, по примеру Бурятской республики появились передвижные клубы, культурно-бытовые бригады [Шагдаров 1971: 111–114].

Если в 1970 г. доля бурят с высшим образованием составила 29 человек на каждую тысячу в возрасте 10 лет и старше, то в 1979 г. — 63 (у русских 28 и 54) [Текущий 2010: 58]. Однако действие этого фактора по-прежнему серьезно ограничивала недостаточная развитость урбанизационных процессов. Удельный вес горожан оставался невысоким — только 19,3 % в 1979 г. против 15,5 % в 1970 г. [Национальный 1990: 642–643]. Перепись 1979 г. показала, что большинство из примерно 11 тыс. бурят-горожан жило в небольших городских поселениях [Национальный 1990: 642–643], и только чуть более четверти (28 %) из них были отмечены в г. Чите [Текущий 2010: 14]. Примерно половина зафиксирована в трех небольших поселках Агинского округа — Орловском, Агинском и Могойтуйском [Распределение 1980а: 127, 142]. Социологические исследования, проведенные еще в советское время, показали, что в средних и особенно малых городских поселениях дольше сохранялись старые модели репродуктивного поведения [Сколько 1977: 74–76]. В то же время в Бурятской АССР и Иркутской области большая часть бурят-горожан проживала в больших городах [Национальный 1992: 20–60].

Социальная структура тоже отличалась стабильностью. В 1979 г. доля рабочих и служащих в Агинском автономном округе увеличилась только до 37 % [Распределение 1980б: 6–8]. Для сравнения укажем, что удельный вес последних среди всего населения Читинской области достиг 88,4 % [Итоги 1990б: 21; Текущий 1980: 6]. Тем не менее приобщение к общему для всей страны культурному пространству, миграционные контакты с соседями постепенно расширяли потребности населения, которые прежде в традиционном социуме были ограниченными. В изучаемое время дети в структуре потребностей семьи играли большую роль, но очевидно росли и материальные запросы, которые начинали вступать с первыми в прямую конкуренцию. К тому же постепенно менялась и роль женщин в обществе, их занятость в общественном секторе выросла.

В 1970-е гг. продолжали расти сеть медицинских учреждений и обеспеченность медицинским персоналом. Большое внимание уделялось жилищному вопросу [Народное 1987: 56–57]. Со второй половины 1960-х гг. ежегодные цифры

¹ Выводы сделаны на основании анализа центральных газет «Правда», «Труд» за 1980–1985 гг.

жилищного строительства в Агинском национальном округе стабилизировались на уровне 16–20 тыс. м² [Народное 1987: 56–57]. Улучшался рацион питания, хотя и не очень быстро. За 1965–1986 гг. среднедушевое потребление молочных продуктов и мяса возросло на 11 %, рыбы и рыбопродуктов — на 29 % [АОГА. Ф. 86. Оп. 1. Д. 524. Л. 103–105]. При этом потребление хлеба снизилось на 21 %, картофеля — на 43 % [АОГА. Ф. 86. Оп. 1. Д. 524. Л. 103–105]. Существенно возросли продажи населению одежды, трикотажных изделий, белья, обуви, бытовой техники [АОГА. Ф. 86. Оп. 1. Д. 524. Л. 103–105].

Несмотря на крупные успехи в социально-экономическом развитии, в 1979 г. средняя продолжительность жизни у бурят составила 65,5 года [ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 5. Д. 784. Л. 62об.]. Данный показатель демонстрирует снижение за два десятилетия в сравнении с концом 1950-х гг. За это время отмечено уменьшение продолжительности жизни не только в Читинской области, но и в целом в России (67,9 и 67,7 лет) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 62. Д. 1672. Л. 74].

Главным фактором этой негативной тенденции стал алкоголизм, быстро распространившийся, в том числе и среди представителей бурятского этноса. Статистические данные косвенно подтверждают остроту проблемы. К примеру, в Читинской области за 20 лет в несколько раз возросло количество смертей от несчастных случаев, отравлений и травм — с 0,5 тыс. в 1960 г. до 2,5 тыс. в 1980 г. при росте населения на 18,9 % [Текущий 2010: 25–25об.].

Из-за отсутствия архивных статистических данных о возрастной рождаемости невозможно осуществить анализ ее суммарного коэффициента в 1988 / 1989 гг. Предполагается, что он либо незначительно увеличился, либо остался на прежнем уровне. Если брать такой показатель, как общий коэффициент рождаемости, то среди бурят Агинского бурятского автономного округа он почти не уменьшился (32 % в 1979 г. и 31 % в 1989 г.) [ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 19. Д. 11. Л. 6]. Антиалкогольная кампания, начавшаяся в середине 1980-х гг., привела к сокращению смертности по всей стране [Демографический 1998: 100]. С уверенностью можно говорить, что она положительно повлияла на все народы России. Во всяком случае общий коэффициент смертности бурят Агинского бурятского автономного округа в 1979–1989 гг. уменьшился довольно сильно — с 8,1 ‰ до 7 ‰ [ГА ЗК. Ф. Р. 1645. Оп. 19. Д. 11. Л. 6].

5. Заключение

Демографический переход у бурят Читинской области происходил медленнее не только в сравнении с русским населением, но и при сопоставлении с другими районами преимущественного расселения этноса. На первом этапе, благодаря строительству больниц, увеличению численности медицинских кадров, повышению образовательного уровня удалось существенно снизить смертность населения. Первый этап перехода начался в конце 1940-х гг. и затянулся почти на три десятилетия до конца 1970-х гг. главным образом из-за медленных темпов индустриализации, длительного сохранения традиционной хозяйственной деятельности и социальной структуры. Вначале он сопровождался демографическим взрывом, который, тем не менее, длился недолго. Уже в 1970-е гг. рождаемость сократилась, и рост численности бурятского населения замедлился. Вторая фаза демографического перехода началась с конца 1970-х и длилась приблизительно до начала 1990-х гг., после чего наступил третий этап, когда внутрисемейный контроль деторождений все более распространяется в обществе.

Источники

- АОГА — Агинский окружной государственный архив.
- Воспроизводство 1983 — Воспроизводство населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1983. 303 с.
- ГА ЗК — Государственный архив Забайкальского края.
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
- Демографический 1998 — Демографический ежегодник России: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1998. 398 с.
- Естественное 1985 — Естественное движение населения Читинской области. Стат. сб. Чита: Госкомстат, 1985. 95 с.
- Итоги 1990а — Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. VII. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей по общественным группам. Стат. сб. М.: Госкомстат СССР, 1990. 344 с.
- Итоги 1990б — Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Т. II. Распределение населения по национальности и родному языку по Читинской области. Чита: Госкомстат, 1990. 252 с.
- Итоги 1990в — Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. VI. Число и состав семей. Число рожденных детей. Часть III. Число рожденных детей. Стат. сб. М.: Госкомстат СССР, 1990. 162 с.
- Народное 1987 — Народное хозяйство Агинского Бурятского автономного округа (1937–1986 гг.). Юбил. стат. сб. Агинское: Госкомстат, 1987. 41 с.
- Национальности 1961 — Национальности РСФСР (Распределение по общественным группам, отраслям народного хозяйства, уровню образования, состоянию в браке и размеру семьи). По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. М.: Госкомстат СССР, 1961. 469 с.

Sources

- Aginsky District State Archives.
- Reproduction of the USSR Population. Moscow: Finance and Statistics, 1983. 303 p. (In Russ.)
- The State Archive of the Transbaikalian Territory.
- State Archives of Russian Federation.
- Demographic Yearbook of Russia. Moscow: Goskomstat, 1998. 398 p. (In Russ.)
- The Natural Movement of the Population of the Chita Region. Statistical Collection of Chita, 1985. 95 p. (In Russ.)
- Results of the 1979 All-Union Population Census. Vol. VII. Distribution of the Population of the USSR, Union and Autonomous Republics, Territories, and Regions by Social Groups. Moscow: USSR State Statistics Committee, 1990. 344 p. (In Russ.)
- Results of the 1989 All-Union Population Census. Distribution of the Population by Nationality and Native Language in the Chita Region. Vol. II. Chita: Goskomstat, 1990. 252 p. (In Russ.)
- Results of the 1979 All-Union Population Census. Vol. VI. Number and Complexity of Families. Number of Births. Part III. Number of Births. Moscow: Goskomstat USSR, 1990. 162 p. (In Russ.)
- The National Economy of the Aginsky Buryat Autonomous Okrug (1937–1986). Aginskoe: Goskomstat, 1987. 41 p. (In Russ.)
- Nationalities of the RSFSR (Distribution by Social Groups, Branches of the National Economy, Level of Education, Marital Status and Family Size). According to the All-Union Population Census on January 15, 1959. Moscow: USSR State Statistics Committee, 1961. 469 p. (In Russ.)

- Национальный 1961 — Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года (численность, расселение, городское и сельское население, соотношение мужчин и женщин, родной язык). М.: ЦСУ РСФСР, 1961. 434 с.
- Национальный 1990 — Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. 747 с.
- Национальный 1975 — Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). М.: Госкомстат, 1975. 200 с.
- Национальный 1992 — Национальный состав населения области. Статистический сборник по материалам переписи населения 1989 г. Иркутск: Госкомстат РСФСР, 1992. 72 с.
- Распределение 1980а — Распределение населения Читинской области по национальности и родному языку (1979 год). Т. 3. М.: Госкомстат СССР, 1980. 188 с.
- Распределение 1980б — Распределение населения отдельных национальностей по источникам средств существования, общественным группам, отраслям народного хозяйства и занятиям. По данным Всесоюзной переписи 1979 г. по АБАО. М.: Госкомстат СССР, 1980. 158 с.
- РГАЭ — Российский государственный архив экономики.
- Текущий 1980 — Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю. Распределение населения отдельных национальностей по источникам средств существования, общественным группам, отраслям народного хозяйства и занятиям. М.: Госкомстат СССР, 1980. 141 с.
- The National Composition of the RSFSR Population. According to the All-Union Population Census on January 15, 1959. (Number, Settlement, Urban and Rural Population, Ratio of Men and Women, Native Language). Moscow: Central Council of the RSFSR, 1961. 434 p. (In Russ.)
- The National Composition of the Population of the RSFSR according to the All-Union Population Census of 1989. Moscow: Goskomstat of the RSFSR, 1990. 747 p. (In Russ.)
- The National Composition of the Population of the RSFSR (according to the All-Union Population Census on January 15, 1970). Moscow: Goskomstat, 1975. 200 p. (In Russ.)
- The National Composition of the Region's Population. Statistical collection based on the 1989 Population Census. Irkutsk: Goskomstat, 1992. 72 p. (In Russ.)
- Distribution of the Population of the Chita region by Nationality and Native Language (1979). Vol. 3. Moscow: USSR State Statistics Committee, 1980. 188 p. (In Russ.)
- The Distribution of the Population of Individual Nationalities by Sources of Livelihood, Social Groups, Branches of the National Economy and Occupations. According to the 1979 All-Union Census of the ABAO. Moscow: USSR State Statistics Committee, 1980. 158 p. (In Russ.)
- Russian State Archive of Economics.
- Curent Archive of the Territorial Office of the Federal State Statistics Service for the Zabaikalsky Krai. Distribution of the Population of Individual Nationalities by Livelihood Sources, Social Groups, Sectors of the National Economy, and Occupations. Moscow: USSR State Statistics Committee, 1980. 141 p. (In Russ.)

Текущий 2010 — Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю. Динамические ряды по статистике населения. Т. 1. Чита: ЧитаSTAT, 2010. 115 с.

Current Archive of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Zabaikalsky Krai. Dynamic Series on Population Statistics. Vol. 1. Chita: Chitastat, 2010. 115 p. (In Russ.)

Литература

Бадмаев 2021 — *Бадмаев А. А.* Традиционная культура жизнеобеспечения бурят: генезис и динамика. Новосибирск: СО РАН; ИАЭТ СО РАН, 2021. 379 с.

Базаров, Базаров 2011 — *Базаров Б. В., Базаров В. Б.* Социально-экономическая тектоника Азии и некоторые проблемы взаимодействия в АТР: региональный аспект // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 5–28.

Басаева 1980 — *Басаева К. Д.* Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX – начало XX века. Новосибирск: Наука, 1980. 192 с.

Вишневский 2005 — *Вишневский А. Г.* Избранные демографические труды. В 2 т. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. М.: Наука, 2005. 367 с.

История 2011 — История Бурятии: В 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.

Край 2008 — Край, устремленный в будущее. Образованию Забайкальского края посвящается // Читинский архивный вестник. № 15. Чита: Экспресс-издательство, 2008. 196 с.

Мальтус 1895 — *Мальтус Т. Р.* Опыт закона о народонаселении. М.: К. Т Солдатенков, 1895. 251 с.

Мангатаева, Чимитова 2003 — *Мангатаева Д. Д., Чимитова Е. В.* Социально-демографическая ситуация в Республике Бурятия // Регион: экономика и социология. 2003. № 1. С. 98–112.

References

Badmaev A. A. The Traditional Culture of the Life Support of Buryats: Genesis and Dynamics. Novosibirsk: SB RAS; IAET SB RAS, 2021. 379 p. (In Russ.)

Bazarov B. V., Bazarov V. B. Social Economic Tectonics of Asia and Some Problems of Interaction in Asian Pacific Region Demographic Space of Asia: history, modernity, hypotheses of the future. Ed. V. A. Lamin. Novosibirsk: Parallel', 2011. Pp. 5–28. (In Russ.)

Basaeva K. D. Family and Marriage of the Buryats. The Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century. Novosibirsk: Nauka, 1980. 192 p. (In Russ.)

Vishnevsky A. G. Selected Demographic Works. In 2 vols. Vol. I. Demographic Theory and Demographic History. Moscow: Nauka, 2005. 367 p. (In Russ.)

History of Buryatia: In 3 vols. Vol. 3. 20th–21st Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2011. 464 p. (In Russ.)

Region Directed to Future. Dedicated to Zabaikal'skii Region Foundation. In: Chita Archival Bulletin. No.15. Chita: Ekspress-izdatel'stvo, 2008. 196 p. (In Russ.)

Mal'tus T. R. Experience of the Law of Population. Moscow: K. T. Soldatenkov, 1895. 251 p. (In Russ.)

Mangataeva D. D., Chimitova E. V. Social Demographic Situation in the Republic of Buryatia. *Region: Economics and Sociology*. 2003. Pp. 98–112. (In Russ.)

- Очерки 2007 — Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область. Т. 2. Чита: Экспресс-издательство, 2007. 240 с.
- Патканов 1911 — *Патканов С.* О приросте инородческого населения Сибири. СПб: Тип. Императорской академии наук, 1911. [4], 210 с.
- Рашин 1956 — *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
- Сколько 1977 — Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования). М.: Статистика, 1977. 104 с.
- Ханхараев 2013 — *Ханхараев В. С.* Демографическая история Прибайкалья в XVII–XIX вв.: некоторые аспекты в контексте колониальной политики России (к 400-летию династии Романовых) // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 26–29.
- Цыдыпов 1969 — *Цыдыпов Ц. Д.* Рождаемость в Агинском бурятском национальном округе // Вопросы медицинской географии и культурологии. Вып. 2. Чита: [б. и.], 1969. С. 18–21.
- Шагдаров 1971 — *Шагдаров Б. Ш., Доржиев Ж. Д.* Ага степная: Очерки. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1971. 140 с.
- Historical Sketches of Zabaikal'ye. Chita Region. Vol. 2. Chita: Express-izdatel'stvo, 2007. 240 p. (In Russ.)
- Patkanov S.O. On the growth of the non-Russian Population of Siberia. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1911. [4], 210 p. (In Russ.)
- Rashin A. G. Population of Russia during 100 Years (1811–1913). Statistical Essays. Moscow: Gosstatizdat, 1956. 352 p. (In Russ.)
- How Many Children will be in a Soviet Family? (Results of Research). Moscow: Statistika, 1977. 104 p. (In Russ.)
- Khankharaev V. S. Demographic History of Pribaikalye in 17th–19th Centuries: Some Aspects in the Context of Colonial Politics of Russia *Bulletin of the Buryat State University*. 2013. № 7. Pp. 26–29. (In Russ.)
- Tsydypov Ts. D. Birth Rates in Aginskii Buryatskiy National Region Issues in Medical Geography and Cultural Studies. Iss. 2. Chita, 1969. 18 p. (In Russ.)
- Shagdarov B. Sh., Dorzhiev Zh. D. Stepp Aga: Sketches. Ulan-Ude: Buryatya Book Publ., 1971. 140 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 18, Is. 1, pp. 68–86, 2026
 DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-68-86

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 39(=512.3) + 575.174:599.9(=512.3)

**Бёё-хан, дерево удун и птичка уули:
 культурно-лингвистический аспект
 этногонического мифа цоросов**

**Böö-Khan, Udun Tree and
 Uuli Bird: Ethnogenic Myth of
 the Tsoros from Cultural and
 Linguistic Perspectives**

Санал Владимирович Джагрунов¹

Sanal V. Dzhagrunov¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8,
 ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,
 Российская Федерация)

Kalmyk Scientific Center of the RAS
 (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian
 Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0009-0002-8512-053X. E-mail: sanal.dzhagrunov[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Джагрунов С. В., 2026

© Dzhagrunov S. V., 2026

Аннотация. *Введение.* Настоящая статья продолжает изучение становления отдельных предковых линий у калмыков (ойратов) и приступает к рассмотрению этногонического мифа аристократического рода *цорос* (*чорос*). *Цель* данной работы — провести анализ культурно-лингвистических элементов мифа с привлечением данных истории, этнографии, филологии, генетики и проч. для интерпретации комплекса посланий, зашитых в канву нарратива и адресованных ойратским и смежным этнополитическим группам. *Материалами* исследования выступили тексты монгольских и калмыцких летописей, этнографические данные из работ П. С. Палласа, Г. Н. Потанина, Л. П. Потапова, Н. П. Дыренковой и других. *Методология* исследования преимущественно представлена междисциплинарным подходом, с некоторым упором на техники лингвистического анализа. *Результаты.* Автор предпринимает попытку изучения мотива и слова как ключей к декодированию мифа цоросов в совокупности его посылов. И если общая шаманская канва повествования очевидна вполне, то отдельные аспекты требуют дополнительного изучения и акцентуации для выявления фактически вкладывавшихся политико-идеологическим аппаратом правящего клана смыслов. Так, дерево-мать *удун*-ива обнаруживает параллели у кочевников-*гаоцзюйцев* раннего средневековья и может выступать семантическим эквивалентом названия священной местности Бурхан-Халдун, что обнаруживает подтекстовую декларацию цоросами прав на власть, аналогичных тем, что приписывались почти исключительно чингисидам. Птица-отец *уули*-сыч на археологических материалах может быть отождествлена

с личинами-навершиями шаманских жезлов как атрибутов солярно-небесного характера, что позволяет интерпретировать описываемую картину в целом как ритуал «второго рождения» лидера рода-племени после собирания сил и накату решющей военной экспансии. Наконец, с привлечением этнографического материала тюркских народов предлагается реконструкция становления терминов *böge* / *bögü*, позволяющая допустить сближение образов легендарных Бөө-хана ойратов (калмыков) и Буха-нойона бурят, каковое по современным данным в том числе находит подтверждение в области генетики.

Ключевые слова: цорос, удун, ива, уули, сыч, калмыки, ойраты, второе рождение, Бөө-хан, Бөө-нойон, Буха-нойон

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4). Отдельные слова благодарности выражаются дирекции КалмНЦ РАН в лице В. В. Кукановой, Э. П. Бакаевой и др., благодаря систематическим организационным усилиям которых этноисторические изыскания сотрудников института могут дополняться и уточняться современным естественнонаучным инструментарием.

Для цитирования: Джагунов С. В. Бёё-хан, дерево удун и птичка уули: культурно-лингвистический аспект этногонического мифа цоросов // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 68–86. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-68-86

Abstract. Introduction. The present article continues insights into the shaping of certain patrilineages among the Kalmyk (Oirat) and approaches the ethnogonic myth of the *Tsoros* (*Choros*) nobility. **Goals.** The work attempts an analysis of cultural and linguistic elements of the myth with evidence from history, ethnography, philology, genetics, etc. for interpretations of the set of messages intertwined within the narrative and addressed to other Oirat and related/neighboring ethnopolitical groups. **Materials and methods.** The study focuses on Mongolian and Kalmyk chronicles, ethnographic data from works of P. S. Pallas, G. N. Potanin, L. P. Potapov, N. P. Dyrenkova and others. Methodologically, it rests on an interdisciplinary approach, some emphasis be placed on tools of linguistic analysis. **Results.** The work attempts to investigate motif and word as keys to understanding a set of messages once included into the myth's structure. And though the general shamanistic framework of the narration is clear enough, some aspects do require additional investigation and accentuation to reveal the actual rationales invested therein by the political and ideological apparatus of the ruling clan. So, the *udun*-willow tree-mother happens to have parallels among the nomadic *Gaoche* from Asia's Early Middle Ages and can act as semantic equivalent of the holy Burqan Qaldun, which means the *Tsoros* subcontextually declared their rights to power were equal to those almost uniquely guaranteed for the Genghisids. The *uuli*-owlet bird-father with evidence from archaeology can be identified in pommel-masks of shamanic canes as cult solar-heaven attributes, while the depicted picture at large can be perceived as a 'second-birth' rite experienced by a clan/tribal leader after he gathered forces on the eve of a mass military expansion. Finally, ethnographic data of Turkic peoples make it possible to reconstruct the shaping of terms *böge* / *bögü*, which inter alia may yield a convergence of images of Böö-Khan of the Oirat (Kalmyk) and Bukha-Noyon of the Buryat that is also confirmed by recent genetic findings.

Keywords: *Tsoros*, *udun*, willow, *uuli*, owlet, Kalmyks, Oirat, second birth, Böö-Khan, Böö-Noyon, Bukha-Noyon

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations

between Russia, Mongolia and China'. Words of particular gratitude be expressed to the Directorate of the KalmSC RAS represented by V. V. Kukanova, E. P. Bakaeva and others whose systemic organizing efforts have made it possible to supplement and precise ethnohistorical research efforts of affiliated employees with natural-science tools.

For citation: Dzhagrunov S. V. Böö-Khan, Udun Tree and Uuli Bird: Ethnogenic Myth of the Tsoros from Cultural and Linguistic Perspectives. *Mongolian Studies (Elista)*. 2026. Vol. 18. Is. 1. Pp. 68–86. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-68-86

1. Введение

В продолжение исследования путей становления предковых линий R2a-M124 и C2-F1067 у калмыков (ойратов) обратимся к этногоническому мифу цоросов и попытаемся увидеть аспекты вариантов нарратива как комплекса посланий правящего дома дербетов и джунгаров в адрес как ойратских, так и соседних сообществ.

Широта источников зафиксированных вариантов мифа — как географическая, так и этническая — видится коренящейся в целенаправленной работе политико-идеологического аппарата правителей ойратов Джунгарии, нацеленной на обоснование властных прав и полномочий цоросов, а также последовательное формирование и укоренение по сути новой на момент артикуляции этнополитической идентичности. То, как имперская кочевая идеология может с течением времени приобретать этническое звучание, последовательно показал Ю. И. Дробышев [Дробышев 2023].

Автор уже разбирал вопрос о вероятном предшествующем подчиненном положении основателей цоросовской линии у «старых» ойратов [Джагрунов 2025: 661–663], и в настоящей работе будет предпринята попытка понять, какие послания могли зашифровываться в культурно-лингвистических элементах мифа для образного описания и обоснования обстоятельств смены военно-политических элит, а также в заданной перспективе обозначить параллели в генетически смежной этнической группе.

2. Материалы и методы

Для целей исследования настоящая работа будет обращаться к «Сокровенному сказанию монголов» [Козин 1941], материалам П. С. Палласа [Pallas 1779], Г. Н. Потанина [Потанин 1881; Потанин 1883], исследованиям Л. П. Потапова [Потапов 1935], Н. П. Дыренковой [Дыренкова 2012], К. И. Петрова [Петров 1963], Н. В. Екеева [Екеев 2008], Э. П. Бакаевой [Бакаева 1994; Бакаева 2017] и других.

Методология исследования представлена междисциплинарным подходом, с применением техник системного анализа, сравнительно-сопоставительного метода, а также техник культурно-исторической реконструкции и лингвистического анализа.

3. Опыт изучения

Этногонический миф цоросов подробно разбирался А. Бирталан [Birtalan 2002]. Ею были рассмотрены варианты мифа, зафиксированные Б. Я. Владимировым, П. С. Палласом, Г. Н. Потаниным, а также соответствующие сообщения

калмыцких летописцев Габан Шараба и Батур-Убаши Тюменя. Исследователь выделяет ключевые мотивы нарратива и характеризует его как инструмент легитимизации власти, охватывающий ряд моментов, как-то: картина мира, орнитоидный феномен, проблема лидерства. Рассматриваемые элементы — мировое древо, сын (сова) — закономерно возводятся к шаманской традиции Внутренней Азии, а сам Бёё-хан соотносится с Бёгю-каганом уйгуров средневековья [Birtalan 2002: 85].

Из отечественных исследователей к данной теме обращались Н. В. Екеев [Екеев 2008], Э. П. Бакаева [Бакаева 1994: 82–83; Бакаева 2017: 50–54, 85], Д. Э. Басаев [Басаев 2009: 38, 44–47].

В дополнение к устоявшейся народной этимологии *цорос* от *цорго* (калм. *цорһ* ‘перегонная (винокурная) труба’) [Лунный свет 2003: 88, 133; Очир 2016: 244], Н. В. Екеев предполагает связь *цорос* с *чара* (*чоро*) *айак* через интерпретацию компонента *уур* как «нарост на дереве», из которого такие чаши и изготовлялись [Екеев 2008: 38]. В поисках исторического прототипа легендарного основателя рода Бёё-хана исследователь обращается к образу найманского Инанч-Билгэ Буку-хана, рожденного «от одного дерева», а далее предварительно увязывает первого (отчасти через последнего, вслед за К. И. Петровым [Петров 1963: 86]) с легендарным Бёгю / Буку-каганом средневековых уйгуров [Екеев 2008: 38–39]. Тут отметим, что в силу пребывания цоросов (возглавляемых ими джунгаров и дербетов) на прежних землях найманов, Х. Окада относил их к остаткам населения бывшего найманского ханства, разбитого Чингис-ханом [Okada 1987: 201; Miyawaki 2004: 166]. Из территориально-государственного объединения найман выводил баргутов и отчасти ойратов К. И. Петров [Петров 1963: 88]. С найманами связывал происхождение западных монголов (ойратов) на фольклорном материале и Ч. Далай [Далай 1983: 10, 151].

Касательно фигуры Хар-багши (‘Чёрный учитель’) в тексте Б. Я. Владимирцова Э. П. Бакаева уточняет, что в социально-религиозном контексте эпитет «черный» употреблялся «у монгольских народов по отношению к шаманизму» [Бакаева 1994: 82]. В генеалогическом предании ойратов исследователь усматривает «много связующих моментов» с обрядовыми действиями во время Урюс сара: «через дерево предку, хозяину местности и бурханам приносилась в жертву белая пища» (в мифе младенец — С. Д.) для возврата в новом урожае и умноженном приплоде [Бакаева 1994: 83–84].

Весьма интересно отмеченное Д. Э. Басаевым типологическое сходство мотива о воспитании найденыша сверхъестественного происхождения и будущего предка народа — Цорос у ойратов / калмыков и Булугат у бурят, отцами которых выступили Бёё-хан и Буха-ноин соответственно [Басаев 2009: 47].

Приводимые рассуждения автора призваны несколько расширить имеющиеся, а также представить оригинальные интерпретации элементов мифа в культурно-лингвистическом аспекте.

4. Мотив и слово как ключи к мифу

Предшествующие исследователи в целом согласны с шаманской канвой повествования о Бёё-хане, каковая зашита как в составляющих мифа (например, дерево как связующий элемент между тремя мирами [Бакаева 1994: 83; Birtalan 2002: 81]), так и в самом имени рассматриваемой фигуры: калм. *бө* (общемонг. *böge*, *бөө*) означает ‘колдун, шаман’ [Калмыцко-русский 1977: 112; ЭСМЯ 2015: 102]).

Попробуем рассмотреть некоторые значимые элементы нарратива в несколько новой перспективе, чтобы раздвинуть культурный занавес веков и увидеть значимые смыслы, вкладывавшиеся авторами в этногонимические образы.

4.1. Ива-дерево и птица-душа

Г. В. Ксенофонтов приводит сообщение о священном шаманском дереве, из стволовых наростов (калм. ур 'свиль, свилеватый нарост (на дереве)' [Калмыцко-русский 1977: 534; Бакаева 2017: 52], а отцом Цороса и названо Урун-дерево, матерью — Ули-птица [Потанин 1883: 326]) нарождаются «шаманы, шаманки и все те, кто знаком с колдовством и волшебством», причем «шаманы полной силы зарождаются у корня дерева, в наросте величиной с небольшой курган» [Ксенофонтов 1928: 9]. Иными словами, априори транслируется роль и значение чудесно обретенного основателя рода как верховного жреца.

В одун-модун (причем от дерева этого родился «отец всех монголов») / урун модон и, вероятно, самом имени найденыша Одунтай Бодунтай [Потанин 1881: 161; Потанин 1883: 325–327] из записей Г. Н. Потанина Д. С. Дугаров [Дугаров 1991: 133] был склонен различать дерево удун (калм. удн 'ива') [Калмыцко-русский 1977: 528]. Относительно формы имени Одунтай Бодунтай отметим, что Г. Н. Потанин не исключал простое «повторение одного и того же имени» [Потанин 1881: Примечания, 45] (ср. одун-модун, модун > бодун; также см. *uduntai badan tayiši* из текста Батур-Убаши Тюменя [Birtalan 2002: 86]. — С. Д.). Д. С. Дугаров же заключает, что — кроме березы — «аналогами мирового дерева у некоторых бурятских и монгольских племен и родов могли служить <...> ива и верба», в том числе в форме *улаан бургааһан* ('прут, хворостина, лоза; ива, кустарник' [Бурятско-русский 2008: 153]), что подтверждается бытованием древних жертвоприношений этому дереву — *уд тайх* [Дугаров 1991: 134–135].

Т. А. Бертагаев отмечал, что ильмовое дерево (или ива), характеризующееся в монгольском заклинании как предок огня *ит*, «имеет идентичное огню (в тюркских языках. — С. Д.) наименование по звонкой вариации *ид*», и на этом основании генетически сближал эти лексемы. Более того, исследователь считал, что самое «*ид* лежит в основе монгольского слова *mod(on)* (дерево) без инициальной губно-губной *т*» [Бертагаев 1973: 121–122], а слова *iduyan* ('шаманка' [ЭСМЯ 2016: 98]), *iduyan* и *odiyon* этимологизировал как «служительница огня-богини», «жрица огня-богини». Аналогичные последнему выводы озвучивались Г. Ц. Цыбиковым [Цыбиков 1981: 167–168], К. В. Вяткиной [Вяткина 1946: 139], Г. Р. Галдановой [Галданова 1987: 41–42], И. А. Манжигеевым [Манжигеев 1978: 75]. Таким образом, получаем семантическую цепочку «ива – дерево – огонь – шаманка». В пользу ее достоверности может говорить и такое сообщение середины VI в. н. э. о кочевниках гаоцзюйцах — предках средневековых уйгуров / токуз-огузов: «...Осенью следующего года, когда лошади зажиреют, снова посещают место, где гремел гром <...> разводят огонь (здесь и далее в данной цитате выделение мое. — С. Д.) <...> шаманки произносят заклинания <...> Затем люди, держащие в руках пучки ивы или кустарника, ставят их [в землю] кругами и поливают кислым молоком» [Материалы 1984: 402]. По материалам Г. Р. Галдановой, в Баргузинском районе Бурятии при поклонении огню у очага ставили «украшенную красными лоскутами тальниковую лозинку, которая называлась *галай бургааһан*» [Галданова 1980: 94–95].

Тут остается добавить, что имя ассоциируемой с Чингис-ханом и его «золотым родом» — а потому священной — местности Бурхан-Халдун из «Сокро-

венного сказания» переводится как ‘ива’, причем значение это усматривается исследователями как в первой, так и во второй лексических компонентах [Мифологический словарь 1990: 106; Сундуева 2009: 140; Ravdan et al. 2021: 51]. В итоге имеем варианты: ‘священная ива’, ‘бог-ива’, ‘ивовый холм’. Таким образом, декларация о рождении от ивового дерева была призвана, на наш взгляд, внушить адресатам святость власти потомков такого основоположника, которая едва ли должна была уступать таковой самого рода Суту Богдо Чингис-хана, ведь отныне священная ива становилась частью этногонии и цоросов.

Касательно дерева в обрядовой практике, связанной с продолжением рода, отметим, что соответствующие традиции широко бытовали у народов Сибири и Саяно-Алтая. Так, у дерева (лиственница, береза) души — *сус, сулдэ* — детей испрашивали буряты [Галданова 1987: 30], хакасы [Бурнаков 2023: 105], якуты [Слепцов 2008: 102–103], алтайцы [Кыпчакова 1983: 142], а сами души часто изображались в виде птиц. Аналогичным образом, и души шаманов воспитывались в птичьих гнездах мифического дерева [Ксенофонтов 1928: 9–10]. В виде птиц же на родовом дереве изображались души у народов средневекового Приморья [Шавкунов 1989: 117]. По поверьям эвенков, «у детей младше года душа пребывает в образе птички и еще некрепко держится в теле» [Березницкий 2009: 100]. Апелляции автора к параллелям с населением Приморья и Приамурья тут неслучайны и будут обоснованы ниже.

Сова же (в мифе в виде птички *уули*, калм. *ууль* ‘сыч’) издревле почиталась монголами как покровительница детей [Дугаров 1991: 133], а прирученный филин (*шара шубуун*) служил у бурят «в качестве ночного сторожа у колыбели новорожденного», так что «иногда такой филин назывался *бөө баабай* (шаман-отец)» [Манжигеев 1978: 98]. В то, что филин прежде был шаманом, верили и алтайцы [Потанин 1883: 183]. Аналогичными шаманскими функциями наделяли сыча киргизы: *бабырган* — *куштун бакшысы* ‘сыч — бакши хищных птиц’ [Киргизско-русский 1965: 91]. Сыч-*байгус* выступает спасителем всех птиц в киргизской сказке [Потанин 1883: 367, 785], как в калмыцкой сказке — сова-*хурвлх* [Кондаков 2023: 122–124]. В совокупности, птичка-уули из цоросовского мифа видится уже не просто сакральным сторожем новорожденного, но воплощением его души, определяемой на фольклорном материале как принадлежащая большому шаману и наделенная символикой неба [Бадмаев 2024: 877].

4.2. А был ли мальчик?

Обратимся к формуле из текста Батур-Убаши Тюменя: *uur modon eketi uuli šubiun ecegetei ... uduntai badan* [Birtalan 2002: 86]. В пользу ее аутентичности может говорить совпадение с записанной много позже и за тысячи километров в Западной Монголии Г. Н. Потаниным версией: *gurwn modn ejtää üli šurwiun ecegtää odun odun* [Birtalan 2002: 76]. Единственное значимое отличие — трансформация *ур* ‘свил, нарост’ в *хурв(н)* ‘три’, очевидно, по созвучию.

С отцом птичкой уули-сычом этимология матери-нароста дерева вполне ясна. Если шаманский контекст совиного образа более или менее раскрывается выше, то почему всё-таки *отец* (или даже — *шаман-отец*)?

Ответ мы можем получить из достаточно неожиданного источника — средневекового археологического материала Приморья и Приамурья. Так, исследуя каменную личину-череп из-под с. Кишиневка Э. В. Шавкунов, идентифицировал ее (а также подобные находки) как навершие шаманского посоха или жезла [Шав-

кунов 1989] и датировал бохайским временем (государство Бохай существовало в 698–926 гг. и было создано тунгусоязычными племенами мукри–мохэ [Шавкунов 2022: 42]). Более того, итогом изучения шаманства у бохайцев в числе прочих стал вывод исследователя о соответствующем влиянии древних тюрков (в том числе отслеживаемом на уровне терминологии) *«у мукрийцев и бохайцев, а через них — у родственных им чжурчжэней и т. д.»* [Шавкунов 1994: 50]. На территории Бохая в определенные периоды пребывали как уйгурские (правитель Бохая Да Уи (719–737 гг.) отмечен как генерал-губернатор Девяти уйгурских племен [Шавкунов 2001: 11], т. е. токуз-огузов до образования Уйгурского каганата), так и согдийские группы [Шавкунов 1988], к которым автор настоящей работы склонен возводить значительную часть предков ойратов.

Ясность тут вносит описание вышеозначенной личины-навершия. Это *«перевернутый основанием вверх подтραπεцевидный брусок <...> высота которого 8,5 см, толщина 4,5 см и наибольшая ширина 7,5 см <...> просматривается изображение не то головы, не то черепа какой-то птицы — совы»* [Шавкунов 1989: 114]. При этом следы копоты на этой и аналогичных находках указывают на то, что в глазницы могли вставляться *«пропитанные жиром фитили, которые поджигались во время ритуальных действий»* [Шавкунов 1989: 116]. Развивая тему связи между рождением ребенка и птицами, исследователь заключает, что такие изображения *«могли использоваться в качестве духов-охранителей человеческих душ, в том числе и новорожденных»*, а пламя огня из глазниц и солярные знаки призваны были *«отгонять злых духов»* [Шавкунов 1989: 116]. Эта небольшая каменная «совка» в силу размеров могла таким образом интерпретироваться наблюдателями как сыч-уули в обряде, связанном с рождением. Но каком?

Ответ на это можно почерпнуть у Джувейни в его «Истории завоевателя мира»: уйгурский Буку-хан родился из освещенной небесным светом горы, которая появилась между двумя деревьями у слияния рек Тола и Селенга, а в каждой из пяти палаток находился мальчик с молочной трубкой у рта [Радлов 1893: 56–59]. Мальчики уже сидели, сами вышли из горы, вскоре после передачи кормилицам заговорили, а по прошествии некоторого времени и поучения правителя небесной девой на священной горе — *отправились в завоевательные походы*. С учетом приводимого описания в этом действе видится ритуал «второго рождения» лидера и его сподвижников после собирания сил и накануне решающей военной экспансии. Отметим, что в аналогичном ритуале у киданьских правителей принимал участие мальчик как символ новорожденного, а также *«шест с рогулькой (который. — С. Д.) символизировал <...> возможно, древнейшие представления о рождении от дерева»* [Кычанов 2010: 161–162]. При этом Е. И. Кычанов отмечал, что *«сходство сакрализации власти в легендах киданьской, маньчжурской, ойратской <...> — небесные девы, дочери Неба, верховного божества — тэнгри»* [Кычанов 2010: 295], т. е. общим источником мотива может служить все те же Приморье и Приамурье.

В свою очередь Д. С. Дугаров указывает на изображения сов на наскальных писаницах верхнего Енисея (где и обитали ойраты эпохи Чингис-хана. — С. Д.), а также уточняет, что *«на петроглифах Улуг-Хема запечатлены реальные совиные маски с рукоятками, за которые держали их перед лицом исполнители древних мистерий»* [Дугаров 1991: 133]. С учетом приводимых данных образ сыча-уули

из мифа обретает черты солярно-небесного атрибута шаманского обряда второго рождения племенного (государственного) лидера цоросов, а сам этот атрибут как символ Неба-отца закономерно отождествляется с фигурой действующего шамана. Учитывая, что первым исторически достоверным лицом в их генеалогии был Хутхай-тафу, а в реконструированном древе Улинтай-Бадан тайши рассматривается как его отец [Екеев 2008: 37, 40], время проведения такого обряда над последним можно отнести к середине XIV в., т. е. к периоду падения династии Юань в Китае и возвращению правящего монгольского двора в степь.

Тут же отметим, что образы птиц в этногонических мифах — при констатируемой древности соответствующих космогонических представлений [Боргояков 1984], прослеживаемой, например, в наскальных изображениях [Лебедев 2017: 23–24], — могли использоваться кочевыми сообществами Евразии в качестве элемента, указывающего на обретение политической независимости: при устойчивой увязке образа птицы (особенно водоплавающей) с матерью-Умай [Илимбетова 2023: 65–66; Бурнаков 2022: 869] рождение прародителя от небесной девы-птицы видится способом заявить об обнулении прежних вассальных отношений, в которых состояла данная группа, ведь все и всё рождено Великой Матерью — не исключая и бывшего сюзерена. В связи с означенным также видится интересной мысль А. П. Окладникова о том, что отдельные легенды о тотемных прародителях могли транслироваться в связи с издавна почитаемыми изображениями, которые таким образом служили основой для прикрепления к ним популярного мифологического сюжета, а равно могли заимствоваться у аборигенных племен с древней фольклорной традицией [Лебедев 2017: 23–24].

4.3. Буха < бугэ < бёгю < бөө

Значение имени Бёё-хана на материале монгольских языков вполне ясно — ‘шаман-хан’, что уводит нас к той эпохе, когда в роли родоплеменных лидеров выступали «шаманы-предводители» с титулом *беки* [Владимирцов 2002: 146], чьи способности к волхованию — особенно у найманов и ойратов — отмечались современниками и описаны в § 143 «Сокровенного сказания»: найманский Буирух-хан и ойратский Худуха-беки (*beki*) своим «волшебством» вызвали ливень и ураган [Козин 1941: 117, 238, 359; Rachewiltz 1972: 62; Cleaves 1982: 69]. В транслитерации П. Пеллио это слово приобретает форму *bäki* [Pelliot 1949: 40]. Связь *beki* с монгольским же *böge* ‘шаман’ и древнетюркским *bögü* ‘мудрый’ формально вполне прослеживается [ЭСМЯ 2015: 102; ДТС 1969: 116]. В свою очередь авторы «Этимологического словаря тюркских языков» тоже считают правомерным «объединение тюрко-монгольских форм *böge*, *bögü* и т. д., так как по крайней мере тюркская часть форм <...> восходит к глаголу *бүк-, *бөк- вместе с названием действия ‘чародейство’, ‘колдовство’» [ЭСТЯ 1978: 294].

При этом на материале тюркских языков, вероятно, самой очевидной параллелью к *beki* является **bek* / *beg* [СИГТЯ 2001: 320; ЭСТЯ 1978: 97–101]. Примечательно, что авторы словарных статей в *bek* склонны первоначально видеть ‘главу рода’, а уже позже — ‘правителя’, ‘государя’, ‘князя’ и т. д. Тюркологами выдвигались версии о китайском и даже иранском происхождении лексемы [ЭСТЯ 1978: 99–100]. Автор настоящей работы усматривает возможность реконструкции эволюции слова на материале собственно древнетюркского языка: *bögü* / *bügü* ‘мудрый’ << **B*G/Г*** >> *bögä* / *bökä* / *bükä* ‘герой, силач, богатырь’ > *begi* / *beki* ‘герой’ > *beg* ‘правитель’ [ДТС 1969: 91–92, 116–117, 131–132].

Подсказку тут мы можем найти при обращении к этнографическому материалу тюркских же народов. Н. П. Дыренкова рассматривала значение термина *bura* ~ *ryura* в связи с культом коня и оленя у тюрков Алтая [Дыренкова 2012]. При этом в шаманском камлании термином *бура* характеризуются: 1) незримый небесный конь; 2) реальный конь, приносимый в жертву; 3) бубен как конь шамана; 4) и сам шаман как воплощение *bura* [Дыренкова 2012: 209–210]. Л. П. Потапов уточнял: термином *pur* → *bur* || *pul* → *bul* древнейшие обитатели Алтая обозначали *диких рогатых животных*, затем этот термин перешел на хозяйственно освоенного оленя и от него позднее — на быка, верблюда, лошадь [Потапов 1935: 135–137]. Он же реконструировал и форму *bu(r)+gu(r)* в первоначальном значении ‘дикое <...> животное с рогами’ [Потапов 1935: 138]. Совокупность данных позволяет воссоздать инициальное значение термина как ‘олень; лось’, а эволюция его видится в следующем ключе: *бууи* (ср. общемонг. *бууи* ‘самец изюбря’ [ЭСМЯ 2015: 108]) << *bu(r)+gu(r)* ~ *буура* >> *бура* (ср. общемонг. *буура*, калм., халх. *буур*, бур. *буура* ‘верблюд-производитель’ [ЭСМЯ 2015: 109]).

Таким образом шаман как воплощение *bura* мог равным образом именоваться и термином *бууи* в значении ‘тотем-предок (олень, лось)’, который в связи с выполнением первым функций руководства родом-племенем закономерно приобрел коннотации ‘мудрый’, ‘герой’, ‘правитель’. Необходимость же разграничения понятий по мере усложнения социально-экономических отношений, вероятно, обусловила эволюцию лексем в направлении смягчения гласных, тогда как термины копытных остались почти неизменными. Процессы эти были гарантированно долгими и к моменту письменной фиксации лексем древнетюркского языка, очевидно, уже давно завершились. Отголоски ассоциирования *буура* (и производных) с правителями — кроме Бёё-хан — слышатся, например, в титуле правителей династии Караханидов — *Богра* [Казахстан 2004: 430], а также в сакральном *Bur(a)-qan / kan* [Потапов 1935: 151; Дыренкова 2012: 201].

А. П. Окладников уточняет, что изображения лося — сохатого — удерживают первое место «*среди памятников неолитического искусства Восточной Сибири*» [Окладников 1950а: 7]: от Енисея до Амура и от Байкала до Якутска палеолитический «пантерион» зверей сменяется — неолитическим «монотерионом» лося [Окладников 1950б: 285], причем «*культовым почитанием издревле пользовался вообще каждый реальный лось или олень, добытый охотником*» [Окладников 1950б: 285–286]. Примечательно, что высшее существо тунгусо-маньчжурских народов именуется ‘буга’, ‘боа’, ‘буха’, а само оно (и вся вселенная) представляется «*в облике конкретного живого существа и притом именно лося*» [Окладников 1950б: 288–289].

Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» поясняют: «*Можно считать установленным, что системы значений и фонетические формы названий самцов крупного рогатого скота (*buqa), лося — изюбря — оленя (<...> *бууи) и верблюда (<...> *буура / буур) пересекаются*», причем «*в паре ‘бык изюбра, лося’ — ‘бык крупного рогатого скота’ исходным, безусловно, является обозначение самцов диких парнокопытных, которое впоследствии, при переходе к животноводству было перенесено на домашнего быка*» [СИГТЯ 2001: 437–438].

Тут отметим, что Н. В. Екеев, отождествляя Буку-кагана и Бёгю-кагана уйгуров, таким образом сближает формы *буки* (ср. общемонг. *бука* ‘бык-произ-

водитель' [ЭСМЯ 2015: 115]) и *bögü / böge* [Екеев 2008: 39]. В пользу достоверности такого отождествления указывает то, что в мифе о даровании Буку-хана в качестве правителя уйгуров «с неба на средину той горы ниспадал свет, и день ко дню гора становилась больше», пока не разродилась пятью мальчиками [Радлов 1893: 57]. Именно Бёгю-каган (прав. 759–779 гг.) принял «религию света» — манихейство, которое вскоре и провозгласил государственной религией Уйгурского каганата [Камалов 2001: 47, 116].

Совокупность приводимых сведений сближает имена и образы Бёё-хана ойратов (калмыков) и Буха-нойона бурят. Интересно, что попытка к этому уже предпринималась неизвестным автором в «Памятной книжке Иркутской губернии» в 1881 г., где слово *буха* усматривалось как производное от устаревшего бурятского *бугэ* 'шаман' [Басаев 2009: 47]. Добавим, что *бугэ* употреблялось для обозначения шамана Д. Банзаровым в его фундаментальном труде «Черная вера, или шаманство у монголов» [Банзаров 1955: 65]. В пользу сближения Буха-нойона и Бёё-хана говорит и то, что в фольклорной традиции калмыков середины XVIII в. П. С. Палласом зафиксирована промежуточная форма — *Бөө-нойон* (*Böh Nojon*) [Pallas 1779: 49].

Наконец, настоящие наблюдения подкрепляются данными о фиксируемом этногенетическом родстве между бурятами и калмыками (включая цоросовский субклад со значением STR-маркера DYS385=11-11 [Джагурунов, Булуктаев 2024: 843], характеризующий SNP-маркером C-F8536 [Huang et al. 2018: 659, 661–662]) в разрезе мужской предковой линии, отмеченной SNP-маркером C-F10378 с расчетным возрастом общего предка имеющихся образов лишь 1 000 лет от настоящего времени [YFull.com: C-F10378].

5. Выводы

Проведенный анализ указывает на возможность интерпретации ряда значимых элементов этногонического мифа цоросов в следующем ключе.

В связи с тем, что название Бурхан-Халдун интерпретируется исследователями как 'священная ива', 'бог-ива', 'ивовый холм', а сама традиция почитания ивы как священного дерева у кочевников (и не только) по семантической цепочке «ива – дерево – огонь – шаманка» фиксируется в описании предков токуз-огузов не позднее середины VI в. н. э., удун-ива калмыцких (ойратских) нарративов, различаемая в числе прочего в имени самого Цороса — Одунтая Бодунтая, — видится элементом, намекающим на равное с чингисидами происхождение, а значит и равные права на власть.

В образе уули-сыча идентифицируется не столько сакральный сторож новорожденного, сколько сама его душа — душа сильного шамана и верховного жреца, духовным отцом которого в ритуале «второго рождения» выступает собственно шаман, а само событие на основании реконструированной генеалогии относится ко времени возвращения имперского двора монголов в степь после 1368 г.

При этом высказывается вывод, что образ сыча мог быть реально представлен в шаманской мистерии как орнитоморфная личина-навершие шаманского жезла, бытование которого зафиксировано в Приморье, Приамурье и верховьях Енисея, и таким образом стать частью этногонического нарратива. Сам же мотив рождения от птицы в целом интерпретируется как «декларация независимости»

от возможных притязаний бывшего сюзерена в связи с орнитоморфным же образом Великой Матери.

Общая шаманская канва этногонии цоросов фиксируется и в самом имени превопредка — Бёё-хана, т. е. ‘шамана-хана’. Предпринимаемая автором попытка этимологизации терминов *beki*, *böge* и других позволяет предположить, что первоначальной основой их в глубокой древности (а также прочих связанных лексем) могла быть *buγ-ra* > *buγ-a/-u*, подтверждение чему можно найти на этнографическом материале тюркских и тунгусо-маньчжурских народов.

Последний вывод лингвистического характера позволяет вновь говорить о сближении образов Буха-нойона бурят и Бёё-хана цоросов (ойратов), фиксируемом также по данным генетики и этнографическим параллелям.

Источники

- Бурятско-русский 2008 — Буряд-ород толи. Бурятско-русский словарь / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. В двух томах. Т. 1. А–Н. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2010. 636 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. XXXVIII+678 с.
- Казахстан 2004 — Казахстан: Национальная энциклопедия / гл. ред. Б. Аяган. Т. 1: А–В. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2004. 558 с.
- Калмыцко-русский 1977 — Калмыцко-русский словарь: 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 765 с.
- Киргизско-русский 1965 — Киргизско-русский словарь. Около 40 000 слов / сост. К. К. Юдахин. М.: Сов. энцикл., 1965. 973 с.
- Мифологический словарь 1990 — Мифологический словарь / [А. А. Аншба и др.]; гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энцикл., 1990. 672 с., [16] л. ил.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов и др. М.: Наука, 2001. 822 с.

Sources

- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: A–H. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. XXXVIII, 678 p. (In Old Turk. and Russ.)
- Ayagan B. (ed.) Kazakhstan: The National Encyclopedia. Vol. 1: A–B. Almaty: Qazaq Entsiklopediyasy, 2004. 558 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. 26 000 entries. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 765 p. (In Kalm. and Russ.)
- Yudakhin K. K. (comp.) Kyrgyz-Russian Dictionary. Ca. 40 000 entries. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. 973 p. (In Kyrg. and Russ.)
- Meletinsky E. M. (ed.) Mythological Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. 672 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R., Blagova G. F., Dobrodomov I. G. et al. Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Vocabulary. Second ed., suppl. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Turk. and Russ.)

- ЭСМЯ 2015 — Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. I: А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- ЭСМЯ 2016 — Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. II: G–P. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
- ЭСТЯ 1978 — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву “Б” / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1978. 349 с.
- YFull.com: C-F10378 — C-F10378 [электронный ресурс] // YFull.com. URL: <https://www.yfull.com/tree/C-F10378> / (дата обращения: 25.02.2026).
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Sheverнина Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Vol. I: A–E. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong. and Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Sheverнина Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Vol. II: G–P. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Mong. and Russ.)
- Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with ‘B’. N. Gadzhieva (ed.). Moscow: Nauka, 1978. 349 p. (In Turk. and Russ.)
- YFull.com: C-F10378 — C-F10378. On: YFull.com. Available at: <https://www.yfull.com/tree/C-F10378> / (accessed: 25 February 2026). (In Eng.)

Литература

- Бадмаев 2024 — Бадмаев А. А. Образы совы и филина в традиционном мировоззрении бурят // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Т. XXX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. С. 874–879.
- Бакаева 1994 — Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Бакаева 2017 — Бакаева Э. П. Этнические группы ойратов Монголии и калмыков России, субэтнические группы алтайцев и тувинцев: к проблеме этногенетических связей (Глава 2) // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016. С. 39–96.
- Банзаров 1955 — Банзаров Д. Собрание сочинений. М.: АН СССР, 1955. 373, [1] с.

References

- Badmaev A. A. Images of an owl and an eagle owl in the traditional worldview of Buryats. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Vol. XXX. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2024. Pp. 874–879. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: Essays in History and Ethnography. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Ethnic groups of Mongolia's Oirats and Russia's Kalmyks, subethnic groups of Altaians and Tuvans: Revisiting ethnogenetic ties (Chapter 2). In: *Cross-Border Culture: Comparative Research Essays on Traditions of Western Mongols and Kalmyks*. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. Pp. 39–96. (In Russ.)
- Banzarov D. Collected Works. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955. 373, [1] p. (In Russ.)

- Басаев 2009 — *Басаев Д. Э.* Калмыцкие народные легенды и предания: дисс. ... канд. ист. наук. Элиста, 2009. 175 с.
- Basaev D. E. Kalmyk Folk Legends and Tales. Cand. Sc. (history) thesis. Elista, 2009. 175 p. (In Russ.)
- Березницкий 2009 — *Березницкий С. В.* Современные представления дальневосточных эвенков о душе и смерти // Сибирский сборник — 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. I. СПб.: МАЭ РАН. 2009. С. 98–103.
- Bereznitsky S. V. The Far Eastern Evenki: Present-day ideas of soul and death. In: Siberian Digest — 1. Funerary Rites of Siberians and Their Neighbors. Book I. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS). 2009. Pp. 98–103. (In Russ.)
- Бертагаев 1973 — *Бертагаев Т. А.* Культ богини-матери и огня у монгольских племен // Советская этнография. 1973. № 6. С. 120–125.
- Bertagaev T. A. Cult of Mother-Goddess and fire among Mongols. *Sovetskaya etnografiya*. 1973. No. 6. Pp. 120–125. (In Russ.)
- Боргояков 1984 — *Боргояков М. И.* Об одном древнем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан: Хак. НИИЯЛИ. 1984. С. 135–141.
- Borgoyakov M. I. On one ancient mythological image, its evolution and representation in Eurasian folklore traditions. In: Questions of Ancient History in South Siberia. Abakan: Khakassia Institute of Language, Literature and History, 1984. Pp. 135–141. (In Russ.)
- Бурнаков 2022 — *Бурнаков В. А.* Лебедь и его образ в традиционной культуре хакасов (конец XIX – середина XX века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой научной сессии ИАЭТ СО РАН. Т. XXVII. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 863–871.
- Burnakov V. A. The swan and its image in the traditional Khakass culture (Late 19th – mid 20th century). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. 2022. Vol. XXVII. Pp. 863–871. (In Russ.)
- Бурнаков 2023 — *Бурнаков В. А.* Дерево и его производные в обрядности детского цикла хакасов (конец XIX – середина XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 104–111. DOI: 10.17223/15617793/490/12
- Burnakov V. A. The tree and its derivatives in the ritual of the Khakas children's cycle (Late 19th–mid-20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 2023. No. 490. Pp. 104–111. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/490/12
- Владимирцов 2002 — *Владимирцов Б. Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов / редкол.: В. М. Алпатов (пред.) и др. ; сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
- Vladimirtsov B. Ya. Mongols: Works on History and Ethnography. V. Alpatov et al. (eds.); G. Slesarchuk (comp.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 557 p. (In Russ.)
- Вяткина 1946 — *Вяткина К. В.* Пережитки материнского рода у бурят-монголов // Советская этнография. 1946. № 1. С. 137–144.
- Vyatkina K. V. Vestiges of matrifocal clan system among Buryat Mongols. *Sovetskaya etnografiya*. 1946. No. 1. Pp. 137–144. (In Russ.)

- Галданова 1980 — Галданова Г. Р. Культ огня у монголоязычных народов и его отражение в ламаизме // Советская этнография. 1980. № 3. С. 94–100.
- Галданова 1987 — Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 114 с.
- Далай 1983 — Далай Ч. Монголия в XIII–XIV вв. М.: Вост. лит., 1983. 233 с.
- Джагрунов 2025 — Джагрунов С. В. Олёт, тёлёс, зюн-гар: к истории и корреляции этнонимов // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 646–677. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-646-677
- Джагрунов, Булуктаев 2024 — Джагрунов С. В., Булуктаев А. А. Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 1: дербеты // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 835–848. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-835-848
- Дробышев 2023 — Дробышев Ю. И. «Монголы» и «татары» в XIII в.: две грани одного мифа // Игра престолов на Востоке: Политический миф и реальность / отв. ред. М. С. Круглова, Д. В. Дубровская; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2023. С. 217–233.
- Дугаров 1991 — Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Дыренкова 2012 — Дыренкова Н. П. Значение термина «*bura ~ puɣa*» у алтайских турок (в связи с культом коня и оленя) // Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VI. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 200–229.
- Екеев 2008 — Екеев Н. В. К проблеме этнической истории ойратов-чоросов // Мир Евразии. 2008. № 2. С. 37–41.
- Galdanova G. R. Cult of fire among Mongols and its representation in Lamaism. *Sovetskaya etnografiya*. 1980. No. 3. Pp. 94–100. (In Russ.)
- Galdanova G. R. Pre-Lamaist Beliefs of Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1987. 114 p. (In Russ.)
- Dalai Ch. Mongolia: Thirteenth–Fourteenth Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1983. 233 p. (In Russ.)
- Dzhagrunov S. V. Olot, Tölös, Züün-gar: Some remarks on the history and correlation of the ethnonyms. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. No. 4. Pp. 646–677. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-646-677
- Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A. Tsoros, Choros, Bayatud: Discussing origins of the Tsoros (with evidence from C2-F1067 Y-STR haplotypes of Kalmyks). Part 1: The Dorbet. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. No. 4. Pp. 835–848. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-835-848
- Drobyshev Yu. I. Thirteenth-century ‘Mongols’ and ‘Tatars’: Two facets of one myth. In: Kruglova M. S., Dubrovskaya D. V. (eds.) *Game of Thrones in the East: Political Myth and Reality*. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2023. Pp. 217–233. (In Russ.)
- Dugarov D. S. Historical Roots of White Shamanism: A Study of Buryat Ritual and Folklore. Moscow: Nauka, 1991. 300 p. (In Russ.)
- Dyrenkova N. P. Semantics of the term *bura ~ puɣa* among Altaian Turks: In relation to the horse / deer cult. In: Dyrenkova N. P. *Turks of the Sayan-Altai. Articles and Ethnographic Materials (Kunstkamera — Archives 6)*. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2012. Pp. 200–229. (In Russ.)
- Ekeev N. V. Ethnic history of the Oirat Choros revisited. *Mir Evrazii*. 2008. No. 2. Pp. 37–41. (In Russ.)

- Илимбетова 2023 — *Илимбетова А. Ф.* Образ мифической птицы Хумай в традиционном мировоззрении башкир // Известия Алтайского государственного университета. 2023. № 3(131). С. 61–67. DOI: 10.14258/izvasu(2023)3-09
- Илимбетова A. F. Mythical bird Humay in the traditional worldview of the Bashkirs. *Izvestiya of Altai State University*. 2023. No. 3(131). Pp. 61–67. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2023)3-09
- Камалов 2001 — *Камалов А. К.* Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы: Наш Мир, 2001, 216 с.
- Kamalov A. K. Ancient Uighurs, 8th–9th Centuries CE. Almaty: Nash Mir, 2001. 216 p. (In Russ.)
- Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Monggol-un niguča tobčiyān. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / отв. ред. А. П. Баранников, предисл. Н. Н. Поппе. М.; Л.: АН СССР, 1941. 619 с.
- Kozin S. A. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Chronicle of 1240 Titled ‘Monggolun niguča tobčiyān. Yuan chao bi shi’. Vol. 1: Research Introduction, Translation, Texts, Glossaries. A. Barannikov (ed.), N. Poppe (foreword). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 619 p. (In Russ. and Mong.)
- Кондаков 2023 — *Кондаков А.* Калмыцкая этимологическая сказка «Почему у Совы нет ноздрей» // Родной язык. 2023. № 2. С. 118–132.
- Kondakov A. Why the Owl Has No Nostrils: A Kalmyk etiological tale. *Rodnoy yazyk*. 2023. No. 2. Pp. 118–132. (In Russ.)
- Ксенофонтов 1928 — *Ксенофонтов Г. В.* Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов: (Материалы к мифологии урало-алтайск. племен в Сев. Азии). Ч. 1. Иркутск: тип. изд. “Власть труда”, 1928. 77 с.
- Ksenofontov G. V. Legends and Stories about Shamans [Recorded] from Yakuts, Buryats and Tunguses: Materials for Mythological Collections of Uralic and Altaic Tribes Inhabiting North Asia. Pt. 1. Irkutsk: Vlast Truda, 1928. 77 p. (In Russ.)
- Кыпчакова 1983 — *Кыпчакова Л. В.* К вопросу о культе деревьев у алтайцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд-во, 1983. С. 141–148.
- Kypchakova L. V. More on cult of tree among Altaians. In: Questions of Archaeology and Ethnography in Gorny Altai. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Book Publ., 1983. Pp. 141–148. (In Russ.)
- Кычанов 2010 — *Кычанов Е. И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.
- Kychanov E. I. History of China’s Ancient and Medieval Neighbor States: From the Xiongnu to the Manchu. Second ed., rev. and suppl. St. Petersburg: Peterburgskoe Lingvisticheskoe Obshchestvo, 2010. 364 p. (In Russ.)

- Лебедев 2017 — *Лебедев Р. В.* Отражение древнейших тэнгрианских представлений о первопредке-творце вселенной и человека в общевразийском изобразительном мотиве «рождения-тотема» // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. № 4. С. 21–40.
- Лунный свет 2003 — Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: пер. с калм. / сост., ред., вступ. сл., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.
- Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 127 с.
- Материалы 1984 — Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. [с кит.] и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.
- Окладников 1950а — *Окладников А. П.* Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири // Советская археология. Т. XIV. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 7–19.
- Окладников 1950б — *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Ист.-археол. исследование. Ч. 1–2 / Материалы и исследования по археологии СССР № 18. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1950. 412 с.
- Очир 2016 — *Очир А.* Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Петров 1963 — *Петров К. И.* Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе: АН Киргиз. ССР, 1963. 148 с.
- Lebedev R. V. Reflection of the oldest Tengrian notions about the primordial Creator of the Universe and man in the common Eurasian depiction of the motif — woman giving birth baby-totem. *BSU Bulletin. Humanities Research of Inner Asia*. 2017. No. 4. Pp. 21–40. (In Russ.)
- Badmaev A. V. (comp., ed.) *The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Texts*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. A. *Buryat Shamanistic and Pre-Shamanistic Terms: Atheistic Interpretations*. Moscow: Nauka, 1978. 127 p. (In Russ.)
- Taskin V. S. (comp.) *Ancient Nomadic Tribes of the Donghu: Historical Materials*. V. Taskin (foreword, transl., etc.). Moscow: Nauka, 1984. 486 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Cult of bear among Neolithic tribes of Eastern Siberia. *Sovetskaya arkheologiya*. 1950. Vol. XIV. Pp. 7–19. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Neolithic and Bronze Age Cisbaikalia: A Study in History and Archaeology. Pts. 1–2 (Materials and Studies in Soviet Archaeology 18). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. 412 p. (In Russ.)
- Ochir A. *Ethnonyms of Mongols: Insights into Genesis and Ethnic Composition of Mongolic Peoples*. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 286 p. (In Russ.)
- Petrov K. I. *The Kyrgyz: An Essay on Origins and Ethnogenesis*. Frunze: Academy of Sciences of the Kirghiz SSR, 1963. 148 p. (In Russ.)

- Потанин 1881 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполн. в 1876–1877 г. по поруч. Импер. Рус. геогр. о-ва чл. сотр. оною Г. Н. Потаниным. Вып. II: Материалы этнографические. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1881. [8], 182, 87, [3] с., 26 л. ил.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполн. в 1876–1877 г. по поруч. Импер. Рус. геогр. о-ва чл. сотр. оною Г. Н. Потаниным. Вып. V: Материалы этнографические. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1883. [18], 1026 с., 26 л. ил.
- Потапов 1935 — *Потапов Л. П.* Следы тотемических представлений у алтайцев // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 134–152.
- Радлов 1893 — *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика // Приложение к LXXII-му тому Записок Импер. Академии наук. № 2. СПб.: Тип. Импер. академии наук, 1893. 130 с.
- Слепцов 2008 — *Слепцов Е. П.* Образ дерева в шаманстве якутов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 12 (86). С. 101–106.
- Сундеева 2009 — *Сундеева Е. В.* Архаическая ландшафтная лексика в языке «Сокровенного сказания монголов» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 39(177). Филология. Искусствоведение. Вып. 38. С. 140–143.
- Цыбиков 1981 — *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды. Т. 2: О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. Новосибирск: Наука, 1981. 240 с., 16 л. ил.
- Шавкунов 1988 — *Шавкунов Э. В.* Согдийская колония VIII–X веков в Приморье // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток: [б. и.], 1988. С. 100–105.
- Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia: Outcomes of Travels Undertaken in 1876–1877 on Instructions from Imperial Russian Geographical Society by its Member G. N. Potanin. Vol. II: Ethnographic Materials. St. Petersburg: tip. V. Kirshbaum, 1881. [8], 182, 87, [3] p., 26 p. il. (In Russ.)
- Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia: Outcomes of Travels Undertaken in 1876–1877 on Instructions from Imperial Russian Geographical Society by its Member G. N. Potanin. Vol. IV: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1883. [18], 1026 p., 26 p. il. (In Russ.)
- Potapov L. P. Reminiscences of Totemic Beliefs among the Altaian (Turks). *Sovetskaya etnografiya*. 1935. No. 4–5. Pp. 134–152. (In Russ.)
- Radlov V. V. More on Uyghurs: Excerpts from a Foreword to the *Kutadgu Bilig*. *Zapiski Imper. Akademii nauk*. Vol. LXXII. Supplement 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1893. 130 p. (In Russ.)
- Sleptsov E. P. Tree image in Yakut shamanism. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008. No. 12(86). Pp. 101–106. (In Russ.)
- Sundueva E. V. Archaic landscape terms in the Secret History of the Mongols. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009. No. 39(177). Philology, Art Criticism 38. Pp. 140–143. (In Russ.)
- Tsybikov G. Ts. Selected Works. Vol. 2: About Central Tibet, Mongolia and Buryatia. Novosibirsk: Nauka, 1981. 240 p., 16 p. il. (In Russ.)
- Shavkunov E. V. Sogdian colony in eighth–tenth century Primorye. In: Materials on Ethnocultural Ties between Medieval Far Eastern Peoples. Vladivostok, 1988. Pp. 100–105. (In Russ.)

- Шавкунов 1989 — *Шавкунов Э. В.* Каменное навершие с личиной-черепом из-под села Кишиневка // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 113–119.
- Шавкунов 1994 — *Шавкунов Э. В.* О шаманстве бохайцев // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России: [сборник статей] / отв. ред. Э. В. Шавкунов. Владивосток: Дальнаука, 1994. С. 48–56.
- Шавкунов 2001 — *Шавкунов Э. В.* О слагаемых этноса и культуры Бохая // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай: материалы международной научной конференции (21–26 сентября 1998 г., Владивосток) / отв. ред. А. Р. Артемьев. Владивосток: [б. и.], 2001. С. 11–16.
- Шавкунов 2022 — *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и средневековая Корея // Россия и АТР. 2022. № 1. С. 41–47.
- Birtalan 2002 — *Birtalan Á.* An Oirat ethnogenetic myth in written and oral traditions (A case study of Oirat legitimacy) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2002. Vol. 55. No. 1–3. Pp. 69–88.
- Cleaves 1982 — Yüan-ch'ao pi-shih. The Secret History of the Mongols / transl. and ed. by F. W. Cleaves. Cambridge; London: Harvard University Press, 1982. LXV, 277 p.
- Huang et al. 2018 — *Huang Y.-Z., Wei L.-H., Yan S., Wen S.-Q., Wang C.-C., Yang Y.-J., Wang L. X., Lu Y., Zhang C., Xu S.-H., Yao D. L., Jin L., Li H.* Whole sequence analysis indicates a recent southern origin of Mongolian Y-chromosome C2c1a1a1-M407 // *Molecular Genetics and Genomics*. 2018. Vol. 293. Is. 3. Pp. 657–663.
- Shavkunov E. V. Stone pommel with a skull-mask excavated near Kishinevka village. In: *Newly Discovered Archaeological Materials from the Soviet Far East*. Vladivostok: USSR Academy of Sciences (Far Eastern Branch), 1989. Pp. 113–119. (In Russ.)
- Shavkunov E. V. About shamanism in Parhae/Balhae. In: *Shavkunov E. V. (ed.) Russia's Medieval Far East Rediscovered*. Collected articles. Vladivostok: Dalnauka, 1994. Pp. 48–56. (In Russ.)
- Shavkunov E. V. More on constituents of ethnos and culture in Parhae/Balhae. In: *Artemyev A. R. (ed.) Ancient and Medieval History of East Asia*. Jubilee conference proceedings (Vladivostok, 21–26 September 1998). Vladivostok, 2001. Pp. 11–16. (In Russ.)
- Shavkunov E. V. The Bohai state and medieval Korea. *Russia and the Pacific*. 2022. No. 1. Pp. 41–47. (In Russ.)
- Birtalan Á. An Oirat ethnogenetic myth in written and oral traditions (A case study of Oirat legitimacy). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2002. Vol. 55. No. 1–3. Pp. 69–88. (In Eng.)
- Cleaves F. W. (ed., transl.) Yüan-ch'ao pi-shih. The Secret History of the Mongols. Cambridge; London: Harvard University Press, 1982. LXV, 277 p. (In Eng.)
- Huang Y.-Z., Wei L.-H., Yan S., Wen S.-Q., Wang C.-C., Yang Y.-J., Wang L. X., Lu Y., Zhang C., Xu S.-H., Yao D. L., Jin L., Li H. Whole sequence analysis indicates a recent southern origin of Mongolian Y-chromosome C2c1a1a1-M407. *Molecular Genetics and Genomics*. 2018. Vol. 293. Is. 3. Pp. 657–663. (In Eng.)

- Miyawaki 2004 — *Miyawaki J.* Examples of the archival materials on Mongol history existing outside Mongolia // *Researching Archival Documents on Mongolian History: Observations on the Present and Plans for the Future*. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2004. Pp. 165–200.
- Okada 1987 — *Okada H.* Origins of the Dorben Oyirad // *Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. Band 7*. 1987. S. 181–211.
- Pallas 1779 — *Pallas P. S.* Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften (in einem ausführlichen Auszuge). Frankfurt, Leipzig: Johann Georg Fleischer, 1779. 350 s.
- Pelliot 1949 — *Pelliot P.* Histoire secrète des Mongols / Restitution du texte mongol et traduction des chapitres I à VI par Paul Pelliot. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1949. 198 p.
- Rachewiltz 1972 — *Rachewiltz I. de.* Index to the Secret History of the Mongols / Uralic and Altaic Series. Vol. 121. Bloomington: Indiana University Publications, 1972. 347 p.
- Ravdan et al. 2021 — *Ravdan E., Enkhjargal P., Oyunsuren T.* A name study of “Burqan Qaldun” in the Secret History of the Mongols [электронный ресурс] // *Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* 2021. № 4(82). С. 51–58.
- Miyawaki J. Examples of the archival materials on Mongol history existing outside Mongolia. In: Futaki H., Ulziibaatar D. (eds.) *Researching Archival Documents on Mongolian History: Observations on the Present and Plans for the Future*. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2004. Pp. 165–200. (In Eng.)
- Okada H. Origins of the Dorben Oyirad. *Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. Band 7*. 1987. Ss. 181–211. (In Eng.)
- Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften (in einem ausführlichen Auszuge). Frankfurt, Leipzig: Johann Georg Fleischer, 1779. 350 s. (In Germ.)
- Pelliot P. Histoire secrète des Mongols / Restitution du texte mongol et traduction des chapitres I à VI par Paul Pelliot. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1949. 198 p. (In Fr.)
- Rachewiltz I. de. Index to the Secret History of the Mongols (Uralic and Altaic Series 121). Bloomington: Indiana University Publications, 1972. 347 p. (In Eng.)
- Ravdan E., Enkhjargal P., Oyunsuren T. A name study of “Burqan Qaldun” in the Secret History of the Mongols. *Universum: Philology and Art Criticism*. 2021. No. 4(82). Pp. 51–58.

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 18, Is. 1, pp. 87–98, 2026
 DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-87-98

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 39

**«Рассеивая мрак неведения»:
 лампадка зула в буддийской
 традиции монгольских народов**

‘Dispelling the Darkness of Ignorance’: The Zul Lamp in the Buddhist Tradition of Mongolic Peoples

Анастасия Александровна Смирнова^{1,2} *Anastasiia A. Smirnova^{1,2}*

¹ Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (д. 32а, Ленинский просп., 119017 Москва, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (д. 1, Ленинские горы, 119991 Москва, Российская Федерация)

аспирант

N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32a, Leninsky Ave., 119017 Moscow, Russian Federation)

Junior Research Associate

Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russian Federation)

PhD Student

0000-0001-7914-6501. E-mail: [anastasiia.karpunina\[at\]yandex.ru](mailto:anastasiia.karpunina[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2026

© Смирнова А. А., 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Smirnova A. A., 2026

Аннотация. *Введение.* Зула (масляная лампада) является одним из наиболее распространенных ритуальных объектов в буддийской культуре монгольских народов. Несмотря на широкое использование лампад в религиозной практике, они редко становились самостоятельным предметом этнологического и антропологического анализа. Между тем зула представляет собой сложный феномен, объединяющий материальный объект, символическую систему и совокупность ритуальных практик. *Целью* статьи является анализ зулы как ритуального подношения и повседневной религиозной практики в буддийской традиции монгольских народов, а также выявление ее роли в современных формах религиозности Монголии, Бурятии и Калмыкии. *Материалы и методы.* Эмпирическую основу исследования составили материалы полевых исследований автора, собранные в Монголии, Бурятии, Калмыкии и Забайкальском крае в 2018–2025 гг., а также глубинные интервью с представителями буддийского духовенства и мирянами. Всего было опрошено 25 информантов. В работе использованы методы включенного наблюдения, полуструктурированного интервью, анализа нарративов и сравнительного этнографического анализа. *Методология.* Исследование опирается на подходы проживаемой религии (Lived Religion) и материальной религии (Material Religion), рассматривающие религи-

озные объекты через практики их использования, повседневные интерпретации и социальные контексты функционирования. Дополнительно привлекается теория ассамбляжей, позволяющая анализировать зулу как элемент сетей взаимодействия между людьми, материальными объектами и религиозными представлениями. *Результаты.* Установлено, что зула выступает не только подношением света, символизирующим мудрость и преодоление невежества, но и самостоятельной медитативной практикой, в которой процесс изготовления лампы приобретает нравственное и ритуальное значение. Анализ полевых материалов показывает многообразие функций зулы в современной религиозной жизни: она используется в ежедневных подношениях, поминальной обрядности, календарных праздниках и шаманских практиках. Особое внимание уделено трансформации традиции в условиях современности, включая распространение электрических лампадок и цифровизацию ритуальных услуг. Делается вывод, что зула является важным медиатором между человеком и сакральным миром и одним из механизмов воспроизводства религиозной памяти и культурной идентичности монгольских народов. **Ключевые слова:** зула, буддизм, монгольские народы, Монголия, Бурятия, Калмыкия, подношение света, материальная религия, проживаемая религия, повседневная религиозность

Благодарность. Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ (НИР 2) Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Смирнова А. А. «Рассеивая мрак неведения»: лампадка зула в буддийской традиции монгольских народов // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 87–98. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-87-98

Abstract. *Introduction.* Zul (a butter lamp) is one of the most widespread ritual objects in the Buddhist culture of Mongolic peoples. Despite its extensive use in both everyday and festive religious practices, it has rarely been examined as an independent subject of ethnological and anthropological inquiry, being more often treated merely as an element of Buddhist ritual. Yet zul represents a complex phenomenon that combines a material object, a symbolic system, and a set of embodied and ritual practices. The article *aims* to analyze zul as a ritual offering and a form of everyday religious practice in the Buddhist traditions of Mongolic peoples, and to explore its role in contemporary religiosity in Mongolia, Buryatia, and Kalmykia. *Materials and Methods.* The study is based on the author's field materials collected in Mongolia, Buryatia, Kalmykia, and Zabaykalsky Krai between 2018 and 2025, as well as in-depth interviews with Buddhist clergy and lay practitioners. In total, 25 informants were interviewed. The research employs participant observation, semi-structured interviews, narrative analysis, and comparative ethnographic analysis. *Methodology.* The study draws upon the approaches of Lived Religion and Material Religion, which examine religious objects through practices of use, everyday interpretations, and social contexts of their functioning. In addition, assemblage theory is employed to analyze zul as part of dynamic networks linking people, material objects, spaces, affects, and religious ideas. *Results.* The study demonstrates that zul functions not only as an offering of light symbolizing wisdom and the overcoming of ignorance, but also as an independent meditative practice in which the process of lamp-making acquires moral and ritual significance. Analysis of the field materials reveals the diversity of zul's functions in contemporary religious life: it is used in daily offerings, funerary and commemorative rituals, calendrical festivals, and shamanic practices. Particular attention is paid to the transformation of the tradition under contemporary conditions, including the spread of electric lamps and the digitalization of ritual services. The article concludes that zul should be understood not merely as an object of Buddhist worship but as a processual practice through which relationships between humans, the sacred realm, community, and ancestral memory are continuously reproduced. Through the offering of

light, Buddhist rituality adapts to modern conditions while preserving its key symbolic and social functions.

Keywords: zul, Buddhism, Mongolic peoples, Mongolia, Buryatia, Kalmykia, light offering, material religion, lived religion, everyday religiosity

Acknowledgements. The article was prepared in accordance with the Research Plan (Project no. 2) of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS.

For citation: Smirnova A. A. “Dispelling the Darkness of Ignorance”: The Zul Lamp in the Buddhist Tradition of Mongolic Peoples. *Mongolian Studies (Elista)*. 2026. Iss. 18. Is. 1. Pp. 87–98. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-87-98

1. Введение

В буддийской культуре монгольских народов зула (масляная лампада) является одним из наиболее распространенных ритуальных подношений и важным медиатором взаимодействия человека с сакральным миром. Несмотря на широкое распространение данной практики, в научной литературе она чаще рассматривается как элемент буддийской обрядности или символика света, тогда как ее процессуальное и телесно-практическое измерение остается недостаточно изученным [Отгонбаатар, Цендина 2016: 9–24; Ковалева и др. 2019: 25–28; Суворова 2012: 172–173]. Между тем в локальных традициях Монголии, Бурятии и Калмыкии зула выступает не только материальным объектом подношения, но и особой формой ритуального действия, включающей телесную дисциплину, моральное усилие и медитативную рефлексия. В представлениях информантов ее элементы соотносятся с ключевыми категориями буддийской доктрины, а сам процесс изготовления лампады рассматривается как способ накопления благих заслуг.

Цель статьи — исследовать зулу как элемент проживаемой религии в буддийской культуре Монголии, Бурятии и Калмыкии. Рассматривая лампадку не только как предмет культа, но и как объект повседневных практик, автор анализирует связанные с ней символические представления, ритуальные действия и способы взаимодействия человека с сакральным миром. Особое внимание уделяется тому, как через практики изготовления, возжигания и подношения зулы воспроизводятся религиозные знания, социальные связи и культурная память монгольских народов.

Научная новизна исследования заключается в том, что зула рассматривается не как статичный ритуальный объект, а как процессуально развернутая практика, в которой акт изготовления и акт подношения образуют единое целое. В работе показано, что материальные действия, связанные с созданием лампады, могут интерпретироваться как форма медитации, интегрированная в повседневную жизнь. Кроме того, выявляется множественность уровней символического осмысления зула — от доктринальных до эмпирических, — что позволяет уточнить представления о функционировании буддийской ритуальности в локальных культурных контекстах.

2. Методология и методы

Методологически исследование опирается на подходы проживаемой религии (Lived Religion), описанные в работах Н. Аммерман [Ammerman 1997], Р. Орси [Orsi 1997], Д. Холла [Hall 1997], и материальной религии (Material Religion),

описанных в работах Б. Майер [Meyer 2009], Д. Моргана [Morgan 2009], Б. Плэйта [Plate 2015], а также в работе вышеперечисленных трех авторов и К. Пейна [Meyer et al. 2010]. Эти подходы позволяют рассматривать ритуальные объекты в их включенности в практики и системы значений. Эмпирическую основу исследования составляют материалы полевых исследований и интервью с представителями монгольских народов, включая как духовенство, так и мирян, что обеспечивает возможность сопоставления нормативных и повседневных интерпретаций. Всего было опрошено 25 информантов, некоторые глубокие интервью велись под запись на диктофон, остальные беседы подробно записывались в полевом дневнике. Экспедиционные выезды совершались: в январе-июне 2018 г. (Монголия); августе 2020 г. (Бурятия); июле 2021 г. (Калмыкия); октябре и декабре 2021 г. – январе 2022 г. (Бурятия); сентябре 2023 г. (Монголия); феврале-марте 2025 г. (Забайкальский край и Бурятия); июне 2025 г. (Забайкальский край).

3. Символика лампы зула

3.1. Зула и ее свет

Зула является одним из основных видов буддийских подношений и широко используется как в индивидуальных, так и в коллективных ритуалах. Ламы подчеркивают, что лампада, как и чаши для подношений или балин, не является объектом поклонения сама по себе. Объектом почитания выступают будды и просветленные существа, тогда как зула представляет собой материальное подношение света [ПМА 2025: Инф. 1]. Вместе с тем в беседах с мирянами нередко встречались представления о почитании самого огня, а некоторые информанты рассказывали, что видят в пламени образ Будды [ПМА 2021: Инф. 2].

В буддийской интерпретации зула символизирует мудрость, рассеивающую мрак неведения. Ее свет связывается с очищением, благопожеланием и продвижением по пути к Просветлению, а в некоторых локальных представлениях — также с жизненной силой человека [ПМА 2025: Инф. 3]. Как отмечал один из информантов: «Зула рассеивает мрак неведения. Свет от зулы можно представлять как мудрость, которая рассеивает наше невежество» [ПМА 2025: Инф. 4]. Существенным элементом традиции считается самостоятельное изготовление лампы. Создание зулы собственными руками рассматривается как способ накопления заслуг (монг. *буян*) и нередко описывается информантами как своеобразная форма медитации.

Особое значение имеет символическая интерпретация устройства лампы. В объяснениях буддийских учителей фитиль соотносится с человеческим эго, масло — с океаном сансарических страданий, а пламя — с мудростью, постигшей пустотность явлений. Возжигая лампаду, практикующий должен представлять, как мудрость постепенно уничтожает эго и «сжигает» океан страданий, создавая условия для освобождения от неведения [ПМА 2025: Инф. 5]. При этом предпочтительным считается дать лампадке догореть самостоятельно, не гася ее дыханием или задуванием, поскольку подобное действие рассматривается как ритуально недопустимое [ПМА 2025: Инф. 5].

Свет зулы мыслится как распространяющийся на все живые существа без исключения. Возжигание лампы приносит заслуги самому практикующему, а также рассматривается как подношение, вызывающее благосклонность будд,

божеств и защитников учения. По словам информантов, «накапливается буян, заслуги, а божества радуются такому подношению и поэтому будут охранять дарителя и присматривать за ним» [ПМА 2025: Инф. 6]. Таким образом, зула выступает одновременно материальным подношением, символом мудрости и важным средством повседневной буддийской практики.

3.2. Изготовление зулы: технология и медитативный аспект

В традиции монгольских народов изготовление зулы представляет собой не просто подготовку ритуального предмета, а самостоятельную практику, имеющую нравственное и медитативное значение. По словам информантов, лампадку желательно изготавливать собственноручно, поскольку уже сам процесс ее создания рассматривается как добродетельное деяние и способ накопления заслуг [ПМА 2025: Инф. 1; ПМА 2025: Инф. 7]. Изготовление требует телесной чистоты, сосредоточенности и правильного умонастроения, поэтому воспринимается как часть ритуального действия. Перед работой рекомендуется вымыть руки, а иногда даже надеть маску, чтобы исключить попадание в лампаду дыхания и посторонних запахов [ПМА 2025: Инф. 1]. Сосуд для лампы может быть выполнен из металла, дерева или керамики, а в прошлом использовались и более простые материалы, включая тесто и картофель [ПМА 2025: Инф. 5].

Центральным элементом зулы является фитиль. У монголов и бурят его основой служит ковыль (бур. *хилгана*, монг. *хялгана*), у калмыков также используется житняк (калм. *йөркүгэ*), поверх которого наматывается вата. В народных интерпретациях каждый элемент наделяется символическим значением: ковыль соотносится с мудростью, три витка ваты — с нравственностью, терпением и усердием, а устойчиво установленный фитиль символизирует сосредоточение (самадхи) [ПМА 2025: Инф. 1; ПМА 2025: Инф. 5]. После этого сосуд наполняют топленным маслом, которое трактуется как даяние, благодаря чему лампада становится материальным воплощением шести парамит [ПМА 2025: Инф. 1]. При этом важен не только результат, но и сам процесс изготовления: по словам информантов, медитация может осуществляться во время наматывания фитиля, заливки масла или очистки сосуда, когда человек размышляет о страданиях живых существ и стремлении к пробуждению [ПМА 2025: Инф. 5].

В ряде семей изготовлением зулы чаще занимается хозяйка дома или старшая женщина рода, однако религиозных ограничений здесь нет: лампаду может изготовить любой член семьи при соблюдении чистоты и уважительного отношения к подношению [ПМА 2025: Инф. 1; ПМА 2025: Инф. 5; ПМА 2025: Инф. 7]. Особое развитие эта практика получает в калмыцкий праздник Зул. В этот день изготавливаются специальные лампы — *насна зул* («лампада жизни») и *цөгц* с девятью фитилями (калм. *йисн хол*). *Насна зул* делают из пресного теста в форме лодки, помещая в нее фитили по числу членов семьи; количество травинок в каждом из них соответствует возрасту человека с добавлением одной-двух «на продление жизни» [ПМА 2021: Инф. 8]. *Цөгц* с девятью фитилями связан, как разъяснила одна из информантов, с представлениями о полноте, благополучии и умножении жизненной силы. После завершения обряда тестяную основу обеих лампад обжаривают и съедают семьей [ПМА 2021: Инф. 8]. Таким образом, изготовление зулы представляет собой единый процесс, в котором технические действия, символическая интерпретация и медитативное размышление образуют целостную ритуальную практику.

3.3. Электрическая зула

Электрическая зула представляет собой пример адаптации буддийской ритуальной практики к условиям современной жизни. Полевые материалы фиксируют неоднозначное отношение к ее использованию. Часть буддийского духовенства отмечает отсутствие канонических оснований для признания полной эквивалентности электрической и масляной лампадки, подчеркивая особую значимость живого огня как источника эмоционального и духовного переживания [ПМА 2025: Инф. 11]. В то же время многие миряне рассматривают электрическую зулу как допустимую замену традиционной лампадке, акцентируя внимание на ее безопасности и удобстве в повседневном использовании [ПМА 2025: Инф. 13]. Таким образом, электрическая зула выступает компромиссной формой, сочетающей сохранение ритуальной традиции с ее адаптацией к современным условиям.

3.4. Зула как подношение

А. М. Позднеев рассматривал зулу как часть традиционного комплекса подношений, совершаемых перед изображениями будд и божеств. В классическом варианте этот комплекс включает семь чаш с водой для омовения и питья, цветами, благовониями, светом, ароматизированной водой и пищей; зула занимает место подношения света [Позднеев 1993: 89–91]. Несмотря на значительные социальные изменения последнего столетия, данная традиция сохраняется в Монголии, Бурятии и Калмыкии: перед домашними и храмовыми алтарями по-прежнему устанавливают чаши с подношениями и лампадку, а важным считается не только соблюдение ритуального порядка, но и благой настрой практикующего [ПМА 2025: Инф. 6]. Зула возжигается как в дни крупных буддийских праздников, так и в повседневной жизни, выступая для многих людей привычным способом поддержания связи с сакральным миром и семейной традицией [ПМА 2025: Инф. 11]. Показательно, что практика сохранялась и в советский период: к примеру, по воспоминаниям монаха Санала Мукубенова, его бабушка во время депортации калмыков продолжала тайно зажигать лампадку на Цаган Сар, Зул и в дни поста, несмотря на запрет религиозной деятельности [Бакараева 2013]. В современной религиозной жизни возле бурятских дацанов и святых мест часто располагаются специальные *Зулын гэр* («домики лампад»), где верующие могут оставить подношение за здоровье, долголетие, благополучие семьи или в память об умерших [ПМА 2025: Инф. 1; ПМА 2025: Инф. 7; ПМА 2025: Инф. 14; ПМА 2025: Инф. 15]. При этом, по словам информантов, решающее значение имеет не количество лампад, а мотивация человека: подношение света должно сопровождаться развитием сострадания и пожеланием блага всем живым существам [ПМА 2025: Инф. 11]. Наряду с этим зула связывается с внутренним покоем, накоплением заслуг и защитой, а в отдельных локальных практиках может выступать и средством гадания по пламени, особенно в калмыцкой традиции праздника Зул. Таким образом, в современной культуре Монголии, Бурятии и Калмыкии зула остается не только элементом буддийского алтаря, но и важной формой повседневной религиозной практики, объединяющей подношение света, память о предках и связь человека с буддийской традицией.

3.5. Подношение зулы в поминальной практике

Подношение зулы в современной буддийской традиции Монголии, Бурятии и Калмыкии связано с поминовением умерших родственников и близких. В интер-

вью возжигание лампадки описывается как создание света для души покойного, помогающего ей достичь благого перерождения, тогда как в буддийской интерпретации свет зулы рассеивает препятствия и неведение, а само подношение становится способом накопления заслуг, посвящаемых усопшему [ПМА 2025: Инф. 1; ПМА 2025: Инф. 3; ПМА 2025: Инф. 11]. Исторические и современные материалы демонстрируют устойчивость этих представлений: зулу традиционно поддерживали непрерывно в течение семи или сорока девяти дней после смерти человека, считая ее свет проводником между миром живых и миром умерших [Бакаева, Гучинова 1988: 105; Суворова 2012: 172–173; ПМА 2025: Инф. 12; ПМА 2021: Инф. 16]. Одновременно возжигание лампадки выступает знаком памяти со стороны живых и важным элементом семейной религиозной традиции. Наряду с домашними практиками сегодня распространены и коллективные формы подношения, в том числе ритуал возжигания 108 лампад, который может быть заказан в дацанах как очно, так и через интернет. Таким образом, несмотря на трансформацию способов исполнения обряда, подношение зулы остается одной из наиболее устойчивых практик буддийской поминальной обрядности, сохраняя значение светового проводника между живыми и умершими.

3.6. Зула у шаманов

Зула не является исключительно буддийским ритуальным объектом и используется также в шаманской практике Бурятии. В представлениях информантов она выступает символом домашнего очага, подношением духам и предкам, а также посредником между человеческим и иным мирами: считается, что на ее свет приходят призываемые божества и духи, а сам огонь служит ориентиром во время шаманских ритуалов [ПМА 2018: Инф. 9; ПМА 2018: Инф. 10]. Как и в буддийской традиции, предпочтение отдается лампадкам с топленным маслом, а обращение с огнем сопровождается особыми предписаниями. Полевые материалы также показывают, что граница между шаманскими и буддийскими практиками нередко оказывается проницаемой, что свидетельствует о характерном для региона сосуществовании и взаимопроникновении различных религиозных традиций.

3.7. Праздник тысячи лампад

Праздник Зул (монг. *Зулын хурал*, бур. *Зула хурал*, калм. *Зул хурал*), известный также как «Праздник тысячи лампад», посвящен памяти Цонкапы (1357–1419), основателя школы гелуг, которой придерживаются буддисты Монголии, Бурятии и Калмыкии. Согласно традиции, впервые он был проведен в 1420 г., через год после ухода Цонкапы в паринирвану, когда его ученики начали возжигать масляные лампы в знак почитания учителя. С этого времени подношение света стало центральным ритуальным действием праздника. Несмотря на общую религиозную основу, даты празднования могут различаться из-за особенностей календарных систем: Бурятия следует календарю, общему с Монголией, тогда как в Калмыкии Зул иногда отмечается на месяц позже в связи с наличием дополнительного месяца — *давхр сар*.

Одно из наиболее ярких описаний праздника принадлежит А. М. Поздневу, который отмечал, что в день Зула тысячи лампад зажигались внутри и снаружи юрт, в храмах и на территории монастырей, превращая все пространство в море огней [Позднеев 1993: 370–371]. Это описание показывает, что в конце XIX в. подношение света являлось главным символическим центром праздника. Данная

традиция сохраняется и сегодня. В Бурятии Зула хурал обычно длится три дня и включает чтение сутр, молебны в честь Цонкапы, подношение 108 лампадок и ритуал призывания благосостояния «даллага». Особенностью бурятского контекста является совпадение праздника с периодом забоя скота, поэтому возжигание лампад и чтение мантры «Мигзэм» могут осмысляться как посвящение заслуг животным и способ смягчения кармических последствий хозяйственной деятельности.

В Калмыкии Зул воспринимается не только как буддийский праздник лампад, но и как начало нового года. Если Цаган Сар связан с приходом весны и обновлением природы, то Зул концентрирует идеи продления жизни и возрастного перехода. Традиционно в этот день калмыки символически прибавляли себе один год, поэтому праздник известен также как «День прибавления возраста у калмыцкого народа» [ПМА 2021: Инф. 2]. Этнографические материалы показывают, что Зул остается прежде всего семейным праздником: накануне готовят борцоки и праздничные угощения, утром зажигают лампадку перед домашним алтарем, совершают молитвы и собираются за общим столом [ПМА 2021: Инф. 8; ПМА 2021: Инф. 16]. Таким образом, Зул у монгольских народов представляет собой сложный ритуальный комплекс, в котором подношение света соединяет память о Цонкапе, буддийские представления о заслуге и благопожелании, а также локальные формы семейной и календарной обрядности.

3.8. Зула в обрядах защиты и исцеления

Помимо подношений, поминальной обрядности и календарных праздников, лампадки использовались и в лечебно-охранительных практиках. Так, Р. Отгонбаатар и А. Д. Цендина описывают бытовой обряд «Девять черных лампадок» (монг. *Есөн хар зул*), который совершался в случаях, когда ребенок много плакал. Для обряда из теста лепили небольшие чашечки для подношений (монг. *цэгц*), окрашивали их в черный цвет, наполняли маслом, вставляли фитили и зажигали, после чего лампадки расставляли вокруг ребенка. По словам информантов Р. Отгонбаатара и А. Д. Цендиной, особенно распространенным этот обряд был в 1930–1940-е гг., когда традиционные религиозные институты были разрушены, а система медицинской помощи еще не получила широкого распространения. Исследователи отмечают, что практика несет на себе заметное влияние буддийской ритуальной культуры и представляет собой пример использования зулы в качестве средства защиты и восстановления благополучия ребенка [Отгонбаатар, Цендина 2016: 9–24].

3.9. Немного об ассамбляжах

Рассмотрение зулы через теорию ассамбляжей позволяет сместить аналитический фокус с интерпретации ее символических значений на анализ эффектов, возникающих в конкретных практиках использования. В этом подходе религиозные предметы понимаются не как пассивные носители смыслов, а как участники сетей взаимодействия, включающих людей, тела, материалы, пространства, аффекты и нормативные представления. Религиозная действенность зулы возникает не сама по себе, а в процессе соединения этих элементов в конкретной ситуации.

Такой подход показывает, что зула не только символизирует свет мудрости, но и организует повседневные религиозные практики. Она структурирует временные режимы (поминальные циклы, праздники, ежедневные подношения),

формирует телесные действия (зажигание, доливание масла, уход за огнем), а также поддерживает отношения памяти, заботы и ответственности по отношению к живым и умершим. Горящая лампадка становится точкой концентрации внимания, надежды и памяти, тогда как ее угасание может восприниматься как нарушение ритуального порядка, требующее вмешательства.

Особое значение приобретают ситуации трансформации традиции. Появление электрических лампадок и возможность онлайн-заказа подношений позволяют увидеть, какие элементы практики считаются принципиально важными, а какие могут быть заменены. Дискуссии о допустимости электрической зулы показывают, что значение имеет не только сам источник света, но и связанные с ним запах масла, живой огонь, телесная вовлеченность и эмоциональный опыт взаимодействия с лампадкой. Аналогичным образом такие ситуации, как затухание огня или необходимость доливания масла, демонстрируют, что религиозная практика требует постоянного внимания и участия.

Таким образом, в перспективе теории ассамбляжей зула выступает не просто символом буддийского мировоззрения, а активным участником религиозной жизни, посредством которого воспроизводятся повседневные практики, социальные связи и формы моральной ответственности в современных буддийских сообществах.

4. Заключение

Проведенное исследование показывает, что зула занимает важное место в религиозной культуре монгольских народов и представляет собой значительно более сложный феномен, чем один из элементов буддийского алтаря. Анализ полевых материалов и этнографических источников позволяет рассматривать ее как ритуальный объект, соединяющий материальное, символическое и социальное измерения. Подношение света выступает одновременно формой почитания будд и просветленных существ, способом накопления заслуг, практикой памяти об умерших и средством поддержания связи между человеком и сакральным миром.

Исследование показало, что зула сохраняет значимость в различных сферах современной религиозной жизни Монголии, Бурятии и Калмыкии. Она используется в ежедневных подношениях, поминальной обрядности, календарных праздниках и отдельных шаманских практиках. При этом ее значение не исчерпывается доктринальными буддийскими интерпретациями. В повседневных представлениях верующих лампадка может восприниматься как символ благополучия, проводник для души умершего, средство очищения пространства и форма коммуникации с предками. Такая многозначность свидетельствует о том, что религиозный смысл зулы формируется не только в рамках религиозного учения, но и в живом опыте практикующих.

Материалы исследования также демонстрируют устойчивость данной традиции в условиях социальных и технологических изменений. Распространение электрических лампадок и цифровизация ритуальных услуг не приводят к исчезновению практики подношения света, а становятся одной из форм ее адаптации к современности. Это позволяет говорить о высокой жизнеспособности буддийской ритуальной культуры и ее способности сохранять символическое ядро при изменении способов исполнения.

Применение подходов Lived Religion и Material Religion позволило рассмотреть зулу не только как предмет, но и как процессуальную практику, через

которую воспроизводятся религиозные знания, моральные представления и культурная память. Таким образом, зула выступает важным медиатором между материальным и сакральным мирами и одним из механизмов воспроизводства религиозной идентичности монгольских народов. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется сравнительное изучение практик подношения света в различных буддийских традициях Внутренней Азии и анализ влияния цифровизации на трансформацию современной ритуальной сферы.

Полевые материалы автора

Author's Field Data

ПМА 2025: Инф. 1 — лама из Иволгинско-го дацана (примерно 1985 г. р.), записи 2018 г., 2019 г. и 2025 г. в Иволгинском дацане, Республика Бурятия.

Informant 1: lama of Ivolginsky Datsan, male, ca. 1985. Rec. at Ivolginsky Datsan (Republic of Buryatia, Russia), 2018, 2019, 2025. (In Bur., Mong. and Russ.)

ПМА 2021: Инф. 2 — житель Элисты (1994 г. р.), запись 2021 г. в г. Элисте, Республика Калмыкия.

Informant 2: resident of Elista, male, b. 1994. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

ПМА 2025: Инф. 3 — лама из дацана на Верхней Березовке Хамбын Хурэ (примерно 1980 г. р.), запись 2025 г. в г. Улан-Удэ, Республика Бурятия.

Informant 3: lama of Khambyн Khure Datsan, male, ca. 1980. Rec. in Ulan-Ude (Republic of Buryatia, Russia), 2025. (In Russ.)

ПМА 2025: Инф. 4 — лама из дацана Ринпоче Багша (примерно 1980 г. р.), запись 2025 г. в г. Улан-Удэ, Республика Бурятия.

Informant 4: lama of Rinpoche Bagsha Datsan, male, ca. 1980. Rec. in Ulan-Ude (Republic of Buryatia, Russia), 2025. (In Russ.)

ПМА 2025: Инф. 5 — лама из Агинского дацана (примерно 1970 г. р.), запись в 2025 г. в Агинском дацане, Забайкальский край.

Informant 5: lama of Aginsky Datsan, male, ca. 1970. Rec. at Aginsky Datsan (Zabaykalsky Krai, Russia), 2025. (In Russ.)

ПМА 2025: Инф. 6 — лама из дацана Ринпоче Багша (примерно 1970 г. р.), запись в 2025 г. в Улан-Удэ, Республика Бурятия.

Informant 6: lama of Rinpoche Bagsha Datsan, male, ca. 1970. Rec. in Ulan-Ude (Republic of Buryatia, Russia), 2025. (In Russ.)

ПМА 2025: Инф. 7 — житель с. Укурик (примерно 1940 г. р.), запись в 2025 г. в Укурике, Забайкальский край.

Informant 7: resident of Ukurik village, male, ca. 1940. Rec. in Ukurik (Zabaykalsky Krai, Russia), 2025. (In Bur. and Russ.)

ПМА 2021: Инф. 8 — жительница г. Элисты (1994 г. р.), запись в 2021 г. в г. Элисте, Республика Калмыкия.

Informant 8: resident of Elista, female, b. 1994. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

ПМА 2018: Инф. 9 — житель с. Курумкан, муниципальный служащий (1972 г. р.), запись 2018 г. в пригороде Курумкана, Республика Бурятия.

Informant 9: municipal employee from Kurumkan district, male, b. 1972. Rec. near Kurumkan (Republic of Buryatia, Russia), 2018. (In Bur. and Russ.)

ПМА 2018: Инф. 10 — жительница с. Аргада (1972 г. р.), запись 2018 г. в с. Аргада, Республика Бурятия.

Informant 10: resident of Argada village, female, b. 1972. Rec. in Argada (Republic of Buryatia, Russia), 2018. (In Russ.)

- ПМА 2025: Инф. 11 — лама из Агинского дацана (примерно 1970 г. р.), запись 2025 г. в Агинском дацане, Забайкальский край.
- ПМА 2025: Инф. 12 — жительница п. Агинское, учительница (1993 г. р.), запись 2025 г. в п. Агинское, Забайкальский край.
- ПМА 2025: Инф. 13 — жительница п. Агинское, учительница (1994 г. р.), запись 2025 г. в п. Агинское, Забайкальский край.
- ПМА 2025: Инф. 14 — житель с. Укурик (примерно 1960 г. р.), запись 2025 г. в с. Укурик, Забайкальский край.
- ПМА 2025: Инф. 15 — жительница с. Укурик, скульптор (примерно 1960 г. р.), запись 2025 г. в с. Укурик, Забайкальский край.
- ПМА 2021: Инф. 16 — житель г. Элисты (1995 г. р.), запись 2021 г. в г. Элисте, Республика Калмыкия.
- Informant 11: lama of Aginsky Datsan, male, ca. 1970. Rec. at Aginsky Datsan (Zabaykalsky Krai, Russia), 2025. (In Bur. and Russ.)
- Informant 12: school teacher from Aginskoye, female, b. 1993. Rec. in Aginskoye (Zabaykalsky Krai, Russia), 2025. (In Bur. and Russ.)
- Informant 13: school teacher from Aginskoye, female, b. 1994. Rec. in Aginskoye (Zabaykalsky Krai, Russia), 2025. (In Bur. and Russ.)
- Informant 14: resident of Ukurik village, male, ca. 1960. Rec. in Ukurik (Zabaykalsky Krai, Russia), 2025. (In Bur. and Russ.)
- Informant 15: sculptor from Ukurik village, female, ca. 1960. Rec. in Ukurik (Zabaykalsky Krai, Russia), 2025. (In Bur. and Russ.)
- Informant 16: resident of Elista, male, b. 1995. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Литература

- Бакаева, Гучинова 1988 — Бакаева Э. П., Гучинова Э.-Б. М. Погребальный обряд у калмыков в XVII–XX вв. // Советская этнография. 1988. № 4. С. 98–110.
- Бакараева 2013 — Бакараева Н. Буддийский монах Санал Мукубенов о традициях калмыков [электронный ресурс] // Шакьямуни. 21.03.2013. URL: <https://shakyamuni.ru/articles/89> (дата обращения: 12.06.2026).
- Ковалева и др. 2019 — Ковалева Т. И., Нимяева В. А., Ескина Е. Ю. Народные праздники как часть духовной жизни и культуры калмыцкого этноса // Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык – культура – образование – музей (теоретические и прикладные проблемы): сб. материалов регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Элиста: КалМГУ, 2019. С. 25–28.

References

- Bakaeva E. P., Guchinova E.-B. M. Funeral Rites among the Kalmyks in the 17th–20th Centuries. *Sovetskaya Etnografiya*. 1988. No. 4. Pp. 98–110. (In Russ.)
- Bakaraeva N. Buddhist Monk Sanal Mukubenov on Kalmyk Traditions. Shakyamuni. 21 March 2013. Available at: <https://shakyamuni.ru/articles/89> (accessed: 12 June 2026). (In Russ.)
- Kovaleva T. I., Nimyaeva V. A., Eskina E. Yu. Folk Festivals as Part of the Spiritual Life and Culture of the Kalmyk Ethnic Group. In: *Personality in the Paradigm of Intercultural Communication: Language – Culture – Education – Museum (Theoretical and Applied Problems)*. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference with International Participation. Elista: Kalmyk University, 2019. Pp. 25–28. (In Russ.)

- Отгонбаатар, Цендина 2016 — *Отгонбаатар Р., Цендина А. Д.* Заговоры от детского плача у монголов: устные и письменные традиции // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 12(21). С. 9–24.
- Отгонбаатар Р., Тсэндина А. Д. Incantations against Infant Crying among the Mongols: Oral and Written Traditions. *RSUH Bulletin*. 2016. No. 12 (21). Pp. 9–24. (In Russ.)
- Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
- Позднеев А. М. Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia in Connection with their Relations with the People. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 512 p. (In Russ.)
- Суворова 2012 — *Суворова А. С.* Буддийские традиции в погребальной обрядности бурят-буддистов // Санжеевские чтения-7. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. С. 172–173.
- Суворова А. С. Buddhist Traditions in the Funeral Rites of Buryat Buddhists. In: *Sanzhhevskie chteniya-7*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (RAS), 2012. Pp. 172–173. (In Russ.)
- Ammerman 1997 — *Ammerman N.* Golden Rule Christianity: Lived Religion in the American Mainstream // *Lived Religion in America: Toward a History of Practice* / ed. by D. D. Hall. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. Pp. 196–216.
- Ammerman N. Golden Rule Christianity: Lived Religion in the American Mainstream. In: Hall D. D. (ed.) *Lived Religion in America: Toward a History of Practice*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. Pp. 196–216. (In Eng.)
- Hall 1997 — *Hall D. D.* (ed.). *Lived Religion in America: Toward a History of Practice*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 280 p.
- Hall D. D. (ed.) *Lived Religion in America: Toward a History of Practice*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 280 p. (In Eng.)
- Meyer 2009 — *Meyer B.* *Aesthetic Formations: Media, Religion, and the Senses*. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 278 p.
- Meyer B. *Aesthetic Formations: Media, Religion, and the Senses*. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 278 p. (In Eng.)
- Meyer et al. 2010 — *Meyer B., Morgan D., Paine C., Plate S. B.* The Origin and Mission of Material Religion // *Religion*. 2010. Vol. 40. No. 3. Pp. 207–211.
- Meyer B., Morgan D., Paine C., Plate S. B. The Origin and Mission of Material Religion. *Religion*. 2010. Vol. 40. No. 3. Pp. 207–211. (In Eng.)
- Morgan 2009 — *Morgan D.* *Religion and Material Culture: The Matter of Belief*. London: Routledge, 2009. 306 p.
- Morgan D. *Religion and Material Culture: the Matter of Belief*. London: Routledge, 2009. 306 p. (In Eng.)
- Orsi 1997 — *Orsi R.* Everyday Miracles: The Study of Lived Religion // *Lived Religion in America: Toward a History of Practice* / ed. by D. D. Hall. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. Pp. 4–21.
- Orsi R. Everyday Miracles: The Study of Lived Religion. In: Hall D. D. (ed.) *Lived Religion in America: Toward a History of Practice*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. Pp. 4–21. (In Eng.)
- Plate 2015 — *Plate S. B.* *Key Terms in Material Religion*. London: Bloomsbury Academic, 2015. 304 p.
- Plate S. B. *Key Terms in Material Religion*. London: Bloomsbury Academic, 2015. 304 p. (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 18, Is. 1, pp. 99–112, 2026
 DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-99-112

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 314.146+ 347.791.38

Многодетность монголов как этнографический факт

Владислав Игоревич Терентьев¹

The Large Family of Mongolians as an Ethnographic Fact

Vladislav I. Terentyev¹

¹ Новосибирский государственный технический университет (д. 20, пр. К. Маркса, 630073 Новосибирск, Российская Федерация)

Novosibirsk State Technical University (20, K. Marks Ave., 630073 Novosibirsk, Russian Federation)

кандидат исторических наук, доцент

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-1258-6865. E-mail: vlad33[at]bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Терентьев В. И., 2026

© Terentyev V. I., 2026

Аннотация. *Введение.* Семья выступает ключевым институтом трансляции последующим поколениям этнической культуры, языка и идентичности. В представлениях современных монголов семья должна быть многодетной. Именно такая семья, по мнению в том числе и молодежи, является счастливой. Однако статистика фиксирует снижение рождаемости и трансформацию института семьи. Это создает противоречие между четкой установкой на многодетность в национальном самосознании и реальными демографическими тенденциями. *Цель* данной статьи сводится к разъяснению кажущихся противоречий между устойчивыми традиционными представлениями в монгольском обществе, согласно которым настоящая и счастливая семья обязательно является многодетной, и объективными социологическими и статистическими данными, фиксирующими снижение суммарного коэффициента рождаемости в стране. *Материалы и методы.* Исследование базируется на междисциплинарном подходе и сочетает методы классической полевой этнографии с данными социологии, статистики, политологии и лингвистики. В статье «этнографический факт» трактуется как явление традиционной культуры, включенное в систему народных представлений и доступное для интерпретации. *Результаты.* Многодетность (минимум 3–4 ребенка) остается важным элементом национальной идентичности монголов, несмотря на глобальные тенденции по сокращению рождаемости и общей трансформации семьи. Хотя данные статистики и некоторые исследования указывают на возможное постепенное снижение суммарного коэффициента рождаемости, политика, направленная на многодетность, продолжает активно поддерживаться на бытовом и государственном уровнях. Феномен устойчив благодаря традиционной системе воспитания с привлечением большого количества родственников и особому восприятию детей как главного богатства. Кроме того, в обществе сохраняется восприятие всей нации как единой семьи, что укрепляется

в повседневном общении через использование терминов родства. *Выводы.* Феномен многодетности в современной Монголии представляет собой сложное противоречие между объективными демографическими тенденциями и глубокими культурными установками. Несмотря на статистическое снижение рождаемости, модель семьи с тремя и более детьми сохраняет статус одной из ключевых социальных норм и символов успеха.

Ключевые слова: Монголия, семья, фертильность, демография, национальная идентичность, этнографический факт, традиционная культура, ценности, пост-современность

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Новосибирского государственного технического университета в рамках проекта № ТП-И-иП-1_26.

Для цитирования: Терентьев В. И. Многодетность монголов как этнографический факт // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 99–112. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-99-112

Abstract. Introduction. The family acts as a key institution for transmitting ethnic culture, language and identity to subsequent generations. In the minds of Mongols including modern youth, a family should have many children and such a family is a happy one. However, current statistic records show a decrease in the birth rate and the transformation of the family institution. This creates a contradiction between a clear attitude in the national consciousness towards having many children and real demographic trends. The *purpose* of this article is indeed to clarify the apparent contradictions between the stable traditional view in Mongolian society, according to which a real and happy family must have many children, and objective sociological and statistical data recording a decrease in the total fertility rate in the country. *Materials and Methods.* The research is based on an interdisciplinary approach and combines the methods of classical field ethnography with data from sociology, statistics, political science and linguistics. In the article, the «ethnographic fact» is interpreted as a phenomenon of traditional culture, included in the system of folk beliefs and available for interpretation. *Results and Discussion.* Having many children (at least 3–4 children) remains an important element of the national identity of the Mongols, despite global trends towards a decrease in the birth rate. Although statistical data and some studies indicate a possible gradual decrease in the total fertility rate, this practice continues to be actively supported at the household and state level. The phenomenon is stable due to the traditional parenting system involving a large number of relatives and the special perception of children as the main wealth. In addition, society retains the perception of the entire nation as a single family, which is reinforced in everyday communication through the use of kinship terms. *Conclusion.* The phenomenon of having many children in modern Mongolia is a complex contradiction between objective demographic trends and deep cultural attitudes. Despite the statistical decrease in the birth rate, the family model with three or more children retains the status of a key social norm and a symbol of success.

Keywords: Mongolia, family, fertility, demography, national identity, ethnographic fact, traditional culture, values, postmodernity

Acknowledgements. The reported study was funded by Novosibirsk State Technical University, project no. TP-IiP-1_26.

For citation: Terentyev V. I. The Large Family of Mongolians as an Ethnographic Fact. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 18. Is. 1. Pp. 99–112. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-99-112

1. Введение

У современных монголов, как и большинства других этнических общностей, сохраняющих черты традиционности, семья продолжает оставаться, преимущественно, многодетной и выполняет ключевые функции в процессе воспитания человека в его культуре, являясь одним из основных механизмов трансляции этноисторической памяти. В семье закладываются и через нее передаются от поколения к поколению основные черты и компоненты этничности, ключевые этнокультурные ценности: родной язык, обычаи, религиозные установки, обряды, поведенческие и моральные нормы, этнические ценности, — все они, тем не менее, в процессе взросления в отдельных случаях могут кардинальным образом изменяться.

Современная монгольская семья, как и раньше, является уникальным общественным институтом, который не только воспитывает личность в ее этническом окружении и наполнении, в конкретной хозяйственной деятельности, основанной на кочевом скотоводстве, но и развивает у человека национальную идентичность, закладывает основные компоненты гражданского национализма, который в Монголии неразрывно связан с этничностью и исторической памятью. Эти установки, компоненты этничности, освященные семьей и простирающиеся вглубь истории рода и — шире — всей этнической общности, остаются у большинства монголов ориентирами в их собственном процессе самоидентификации.

Отличительным признаком монгольской семьи в разные исторические периоды, в том числе и в эпоху социалистической модернизации, являлась многодетность. Отношение к многодетности как к само собой разумеющемуся обстоятельству, присущему полноценной семье, по сути, доминирует в традиционных представлениях о семье среди современных монголов: «у монгольской молодежи счастливая семья, как правило, ассоциируется с понятиями многодетная семья и родительская семья» [Оюунсүрэн, Ермолаев 2019б: 989]. Такая установка является своего рода этнографическим фактом, который диссонирует с конкретными социологическими и статистическими данными. Анализ данной ситуации посвящена настоящая статья.

Социальный институт семьи у монголов сравнительно хорошо изучен. Так, важность семьи как общественного института и семейных ценностей в процессе передачи этничности отмечали многие авторы [Монгольский мир 2014: 242–256; Рэнцэнханд 2024: 65–69; Ушаков 2018: 192–207; Ушаков 2020: 48–64]. В ряде работ освещаются трансформационные процессы, присущие современной монгольской семье [Анисимова, Северьянов 2021: 70–75; Бадараев и др. 2012: 75–82; Бурэн-Улзий, Цэдэв 2015: 175–180; Винокурова и др. 2012: 72–78; Винокурова и др. 2021: 190–202; Винокурова 2013: 81–85; Намжил 2004: 132–160; Оюунсүрэн, Ермолаев 2019а: 65–72; Оюунсүрэн, Ермолаев 2019б: 989–997; Оюун-Эрдэнэ 2012: 37–49]. Промежуточные выводы по формам, ценностям, современному положению монгольской семьи и сохранению в ней этнической культуры приведены в коллективной обобщающей монографии [Үндэсний соёл 2017: 150–232].

Наряду с этим отмечаются негативные характеристики, свидетельствующие о четко наметившемся процессе трансформации семьи как института, такие как юное материнство, которое ведет «к риску потери нравственного, физического и духовного здоровья нации» [Балтуева 2015: 51], «падение рождаемости, рост количества разводов и социальной приемлемости гражданских браков, рост количества неполных семей, воспитывающих детей (матерей-одиночек),

значительное повышение возраста вступления в первый брак» [Оюунсүрэн, Ермолаев 2019б: 990]¹.

В некоторых случаях в литературе по нашей теме встречаются неоднозначные и требующие дополнительных комментариев утверждения, согласно которым сегодня в Монголии «...желание стать матерью (отцом) отходит на второй план..., большинство людей воспринимают детей как нейтральный, а чаще всего негативный фактор во всех существенных моментах социальной жизнедеятельности» [Бадарав и др. 2012: 81], «а размер семьи становится все меньше и меньше» [Буянтуева 2015: 154].

Безусловно, сегодня в Монголии уже не так часто и повсеместно встретишь молодую семью с 5–6 и более детьми (тем не менее в нашем продолжительном полевом опыте неоднократно встречались и такие случаи), но аналогичным редким исключением являются и семьи с одним ребенком. Почти повсеместна практика наличия 2–3 и более детей в одной семье. Особое отношение к миру детства, к детям как непосредственным соучастникам общественных процессов, этнокультурная специфика продолжающего эволюционировать института семьи, при которой роль родителей и детей в обществе по-прежнему остается на достаточно высоком уровне — все эти перечисленные обстоятельства в полной мере дают возможность говорить о наличии в Монголии «культы детей» [Ушаков 2020: 61].

Проведенный обзор имеющейся литературы демонстрирует наличие значительной проработанности темы «монгольская семья» по многим аспектам (этнографические, социологические, психологические, демографические). Тем не менее публикации, связанные с изучением многодетности как этнографического факта, практически не встречаются. Кроме того, отмечаемая установка на сокращение количества детей в семьях, фиксируемая данными статистики и социологами, противоречит традиционной установке на многодетность и убежденности в ее наличии, существующей в национальном самосознании монголов.

2. Материалы и методы исследования

Настоящее исследование основано прежде всего на методах классической полевой этнографии. В работе активно привлекаются и данные социологии, статистики, сведения из политологии и лингвистики. Указанные обстоятельства позволяют утверждать о применении междисциплинарного подхода.

Ключевой термин «этнографический факт», используемый в данной статье, понимается как «любое явление, актуальное для традиционной культуры, включенное в систему народных представлений, доступное для дальнейшей интерпретации» [Дмитриев 2015: 40], т. е. этнографический факт естественным образом выступает как «потенциальный признак этнической специфики» [Дмитриев 2015: 37]. Информация, составляющая этнографический факт и являющаяся им, не исчезает при смене наблюдателя [Дмитриев 2016: 35].

3. Многодетность в Монголии: демографическая оценка

Многодетность является важным признаком монгольской национальной идентичности. Богатство в монгольском обществе понимается в том числе и как

¹ Обзор статистических данных, правительственных и ведомственных отчетов по теме также приводится в этой статье [Оюунсүрэн, Ермолаев 2019б: 990].

наличие большой семьи, имеющей, минимум, 3–4 детей. Установка на многодетность, являющаяся, по факту, массово распространенной в Монголии, вызывает отдельный научный интерес, учитывая общемировую тенденцию на сокращение количества детей в семье до одного ребенка либо на отказ от деторождения до достижения определенного возрастного, карьерного и имущественного порога будущих родителей.

Исследования российских и монгольских авторов демонстрируют общее состояние рассматриваемого феномена монгольской семьи. В среде монгольской молодежи многодетность как доминанта выявляется методами социологических опросов: 41 % респондентов отвечали, что наиболее предпочтительно иметь четверых детей; 34 % — троих; 14 % — двоих; 12 % — пятерых, только 1 % планируют ограничиться одним ребенком [Евразийский мир 2010: 148]. Данные других, еще более ранних, опросов (2006–2007 гг.) показывают примерно схожие результаты: наличие трех и более детей поддерживали 34 % респондентов, двоих детей — 55 %, одного ребенка — 4 % [Замогильный и др. 2008: 151].

55 % респондентов, опрошенных почти два десятилетия назад и высказывавших желание иметь только двоих детей, позволяют в некоторых случаях небесспорно утверждать о наличии в Монголии тенденции к отходу от многодетности, о чем еще будет сказано ниже. Как бы то ни было, по мнению 31 % опрошенной монгольской молодежи, в счастливой семье должно быть «четверо и больше детей», по мнению 25 % — трое, 10 % — двое, 16 % считают, что в счастливой семье детей должно быть «как можно больше», причем вариант «один ребенок» не выбрал никто [Оюунсүрэн, Ермолаев 2019б: 993]. Традиционно в кочевом обществе многодетная мать всегда имела особый социальный статус, но в целом сегодня монгольская молодежь на 1/4 меньше по сравнению со старшим поколением ориентирована на семью, состоящую из трех и более детей [Монгольский мир 2014: 243].

Суммарный коэффициент рождаемости (т. е. сколько бы родила каждая женщина в репродуктивный период при сохранении уровня рождаемости в год, для которого вычисляется коэффициент) в Монголии в 1975 г. составлял 7,0. С тех пор он постепенно, но уверенно падает, достигнув исторического минимума к началу 2000-х гг. в 2,0 единицы, он сравнительно увеличился к 2019 г., составив 3,0 единицы, и с тех пор вновь сокращается. Сейчас данный показатель равен 2,6–2,7 [Монгол Улс 2023: 18]. Согласно отчету Фонда ООН в области народонаселения (англ. United Nations Population Fund (UNFPA)), составленному при участии монгольских коллег, суммарный коэффициент рождаемости продолжит уменьшаться и к 2035–2040 гг. составит при позитивном сценарии 2,49, при негативном раскладе — 1,89. Средний вариант гипотетически предполагает снижение уровня фертильности к указанному сроку до отметки в 2,19 [Implications 2012: 113]. В то же время сам Национальный статистический комитет Монголии прогнозирует рост суммарного коэффициента рождаемости до 3,32–3,67 к 2040–2045 гг. [Хүн ам 2017: 27]. Интересно, что и в первом случае UNFPA ссылается в публикуемых данных на сведения, полученные из Национального статистического комитета страны.

Для сохранения численности населения этот коэффициент должен равняться 2,1–2,2. Высокий коэффициент рождаемости является причиной естественного роста населения страны. На этом основании в демографической литературе

утверждается, что в Монголии происходит «снижение рождаемости»: *«все большее распространение получает ориентация не на количество, а на „качество“ детей»* [Винокурова и др. 2021: 194].

Согласно утверждениям социологов, в стране *«формирование установки на повышение благосостояния за счет внутренних материальных ресурсов ведет к сознательному ограничению числа детей»* [Винокурова 2013: 85]. Приводимое цитируемым автором совместно с монгольскими коллегами *«суждение: „пусть детей в семье будет меньше, но у них будет все самое лучшее“»* [Винокурова и др. 2021: 194], становящееся, по их мнению, *«все более популярным»* [Винокурова и др. 2021: 194], не встречалось нам в среде наших собеседников ни во время экспедиционных поездок в Монголию (2008–2012 гг.), ни за весь период проживания в Улан-Баторе (2013–2022 гг.). Могут ли этнографические факты противоречить неумолимым данным статистики?

Действительно, показатели фертильности в Монголии по годам на более длительном промежутке времени имеют волнообразный характер колебания: постепенное снижение фертильности в 1980-е гг., когда на одну женщину в Монголии приходилось в среднем по 5 детей, завершилось «демографической ямой» 1990-х гг. со средним показателем в 2,5 ребенка. Плавное увеличение показателя фертильности в 2000–2010-е гг. дало в среднем коэффициент приблизительно на уровне около 2,8 [Хүн ам 2017: 26]. Присовокупив разнонаправленные прогнозы, предлагаемые ООН и государственными статистическими органами Монголии, а также собственные убеждения монголов в наличии безостановочного роста численности населения и многодетности как факта, присущего современным монголам, приходим к выводу о том, что тезис о «снижении рождаемости» в Монголии потребует некоторых оговорок.

4. Многодетность у монголов в этнографическом осмыслении

Прежде чем перейти непосредственно к этнографическому рассмотрению многодетности как социокультурному феномену современного монгольского общества, необходимо остановиться на характеристике такого элемента культуры, как планирование и особенности его функционирования в монгольской среде.

Кочевому обществу в меньшей степени присуще устойчивое планирование в том смысле, в каком это понимается в контексте земледельческой и, преимущественно, урбанистической цивилизации. В этническом самосознании монголов не столь сильно проявляется перспективное мышление, что заметно, как минимум, в общеизвестном отношении ко времени (*маргааш* ‘завтра’ как некое не конкретизированное будущее, а не реальный день, наступающий вслед за сегодняшним). Такая установка базируется в том числе и на цикличном существовании скотовода в условиях перекочевки по сезонным пастбищам, четко привязанным к конкретным временам года. Так, российскому исследователю и в последующем дипломату И. М. Майскому во время его поездки по Внешней Монголии в 1919–1920 гг. местные проводники без зазрения совести буднично не раз говорили: *«поспешишь — замерзнешь»* (монг. *яарвал даарна*) и *«зачем спешить: в году дней много»*. Отсутствие сбережений у большинства населения страны, показательно проявившееся в условиях коронакризиса (экономического кризиса, возникшего вследствие пандемии коронавирусной инфекции COVID-19) в 2020–2021 гг., также является подтверждением данной черты национальной идентичности монголов.

В этом аспекте просматривается и отсутствие практики планирования детей. Кроме того, дети (именно их количество), по-прежнему, повторимся, воспринимаются как сокровище, мерило богатства и выражение трансцендентного счастья, причем при знакомстве монгольского мужчины с иностранцем всегда в числе первых будет задан вопрос о количестве детей. Удовлетворительным считается наличие минимум троих детей. Отвечая «двое», можно услышать в ответ о том, что «ты несчастный» или «возможно, больной» [ПМА 2014–2022]. Последний вариант будет нести оттенок сострадания, первый — коннотацию осуждения.

В качестве еще одного подтверждения сказанному приведем этнографическое наблюдение барнаульского философа А. В. Иванова: «*Монголы однажды по-доброму высмеяли нас и даже шутливо подвергли сомнению нашу мужскую состоятельность, когда узнали, что у нас с моим другом два и, соответственно, один ребенок*» [Иванов 2004: 169].

В Монголии в условиях, которые в бытовом и материальном плане не способствуют многодетности, наблюдается обратная тенденция, не объяснимая рациональными доводами. Нехватка в стране и в особенности в Улан-Баторе в широком доступе благоустроенных детских площадок¹, безопасных тротуаров (когда двор, как прилегающая к дому территория, становится для автомобилистов сквозной проезжей частью, на которую даже наносится дорожная разметка), достаточного количества государственных детских садов и школ, а также факт проживания большинства населения страны (в особенности жителей столичных юрточных кварталов) в окружении, далеком от комфорта, без электричества, центрального водоснабжения и отопления, в сумме с повышенной загрязненностью воздуха — все это должно было стать сдерживающим фактором в практиках населения по планированию семей и числа детей в них. В действительности же этого не происходит. Ключевая причина кроется не только в отсутствии представления подавляющего большинства населения столицы (в недавнем прошлом — кочевников-минималистов) о критериях социального комфорта, присущих городу, но и в наличии традиционализма как важного системообразующего элемента современной монгольской национальной идентичности.

Собственно, феномен монгольской многодетности существует исключительно благодаря традиционной системе внутрисемейного воспитания с активным привлечением родственников, что актуализирует и без того значимые для большинства монголов родственные связи. Без активной помощи и поддержки представителей старшего поколения, старших братьев и сестер самого ребенка, кузенов и кузин было бы в принципе физически и морально невозможно воспитание одновременно нескольких детей-погодок или детей с небольшой разницей в возрасте, что нередко встречается в современной Монголии [ПМА 2014–2022].

Многодетность как сохраняющийся аспект традиционализма можно отчасти

¹ Наши личные визуальные наблюдения в Улан-Баторе дополняются сообщением бывшего столичного мэра Д. Сумьяабазара (2020–2023 гг.), согласно которому по состоянию на май 2021 г. 70 % от всех существовавших в городе детских площадок не отвечали положенным стандартам и представляли угрозу для жизни и здоровья детей [Лутбаяр 2021]. Официальным сведениям вторят монгольские социологи: «*в настоящее время осталось очень мало мест для внешкольной активности детей. Такая ситуация вынуждает многих подростков бесцельно бродить по улицам, подтверждая вывод, что в Улан-Баторе нет благоприятной среды для детей*» [Оролмаа и др. 2019: 116].

объяснить существующим представлением о необходимости деторождения как «исполнения долга перед обществом» (считалось, что само рождение детей избавляет женщину от скверны, а бездетность рассматривается как «наказание свыше») [Нанзатов, Содномпилова 2013: 7–9] и «инстинктивным стремлением к самосохранению народа» (по примеру сравнения с бурятами XIX в. [Дондокова 2002: 79]). Только последнее свойственно, преимущественно, обществу, в котором присутствует естественная убыль населения, чего нельзя сказать о современных монголах, которые объясняют свою установку на многодетность конкретными мотивами.

Во-первых, это действительно связано с общей численностью населения страны, в особенности в сопоставлении с аналогичными показателями соседних стран: России и, в большей степени, КНР. Кроме того, в беседе на данную тему почти каждый монгол может привести несколько исторических аргументов. Согласно одному из них, не так давно процветавшие и даже подчинившие Китай и саму Монголию маньчжуры постепенно ассимилировались среди китайского населения [ПМА 2014–2022]. Параллелизм гипотетической ситуации ассимиляции народа-нации подчеркивается не только соседством с Китаем, но и общим скотоводческим образом жизни маньчжуров и монголов. Также показателен в представлении современных монголов опыт исторического существования так называемых «внутренних монголов» (т. е. монголов Автономного района Внутренняя Монголия КНР).

На протяжении всей новейшей независимой истории Монголии наблюдается тенденция стабильного роста населения, также сохраняющаяся и в демократический период, но темпы роста считаются недостаточными. Риторика необходимости увеличения деторождения в Монголии усилилась в период ожидания появления на свет 3-х миллионного гражданина страны (в конце 2014 – начале 2015 г.). Его рождение 24 января 2015 г. стало необъявленным общенациональным праздником.

Во-вторых, встречаясь на общесемейных торжествах или церемониях всей семьей, ее члены могут видеть друг друга и общую численность собравшихся. Наличие в таких ситуациях даже трех братьев / сестер и их детей считается недостаточным количеством [ПМА 2014–2022].

Государство поддерживает многодетность не столько материально [Анисимова, Северьянов 2021: 70–75], сколько идеологически и символически через сохраняющуюся с социалистических времен и несколько дополненную систему награждения матерей-героинь. За рождение 4 детей женщина получает орден «Материнская слава¹» (монг. *Алдарт эх*) 2-й степени, за 6 и более детей — 1-й степени (при социализме этой наградой отмечали матерей 8 детей). Помимо этого, с начала 2010-х гг. существует система награждения нагрудными знаками и специальными званиями матерей, внесших особый вклад в увеличение численности населения страны. Так, женщина, родившая 3 и более сыновей-наследников, получает нагрудный знак и звание «Мастерица-невестка» (монг. *Дархан бэр*), родившая 3 и более дочерей — «Искусная невестка» (монг. *Уран бэр*) или «Царица-невестка» (монг. *Хатан бэр*). Процесс награждения матерей орденами регулярно широко освещается в средствах массовой информации.

¹ Букв. «Великая мать».

5. Многодетность монголов: лингвистический анализ

Обращение руководства страны к награждаемым многодетным женщинам как к своим невесткам (или невесткам единой персонифицированной нации) свидетельствует о том, что все монголы воспринимаются как члены одной семьи-нации. Эта мысль подтверждается не только на официальном государственном уровне, но и на бытовом, в условиях повседневного общения, когда собеседник-монгол рассказывает, что *«даже если этот человек не мой дядя или брат, то он точно брат или дядя моего дяди или брата»* [ПМА 2014], особенно если речь идет о ком-то из родного для собеседника аймака. Также само обращение монголов друг к другу «старший брат» / «дядя» (монг. *ах*), «младший брат» (монг. *дүү*), «старшая сестра» / «тетя» (монг. *эгч*), «младшая сестра» (монг. *дүү*) не только усиливает самоощущение отдельных представителей нации как членов единой семьи, но и реально свидетельствует о фактическом равенстве в Монголии понятий «семья» и «нация».

В условиях отсутствия иных нейтральных синонимов («молодой человек», «парень», «девушка», «мужчина», «женщина» и т. п.) с такими же словами, выражающими категории родства, в зависимости от возраста монголы обращаются и к иностранцу (при общении именно на монгольском языке, а в англоязычном варианте более употребительны обращения *sorry / excuse me*). Вообще в Монголии широко распространена мысль, выражаемая неоднократно слышимой нами фразой: *«Монголия очень маленькая, все друг друга знают»* [ПМА 2014–2022]. И это, действительно, регулярно подтверждается в обыденной жизни. Но в рассмотренном восприятии нации как семьи общее знакомство всех со всеми расширяется до факта семейности-родства.

Справедливости ради стоит сказать, что довольно часто младшие обращаются к женщинам / девушкам старше себя, используя эвфемизм *аниа*, который сложно перевести на русский язык. «Большой академический монгольско-русский словарь» не дает перевода, комментируя это слово фразой «табуированное обращение к старшим родственникам» [БАМРС 2001: 113]. Сами монголы переводят его на русский язык как «сестренка» / «сестрица» [ПМА 2014–2022]. Словарное уточнение, согласно которому это обращение используется только по отношению к родственникам, на практике не соблюдается. Словом *аниа* к старшим обращаются не только родственники и довольно близкие по общению люди, но малознакомые люди. Это опять же утверждает нас в выводе о наличии в Монголии нации-семьи и в символическом, и в кровном отношении.

В традиционном обществе начала XX в. родство и близость большинства монголов ощущались отчетливее. Именно в тех условиях малочисленности населения соблюдение экзогамии, функционирование родовой номенклатуры и обращение друг к другу с использованием категорий родства было более оправданным и не могло вызывать отторжение. К началу XXI в. данные обращения сохранились с соблюдением переноса категорий родства на уровень нации.

6. Заключение

В результате проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Сегодня в Монголии в отношении осмысления многодетности существует противоречие между статистическими тенденциями и этнокультурной установкой. Данные демографии фиксируют общее снижение суммарного коэффициента

рождаемости в Монголии с исторически высоких значений, равнявшихся полвека назад 7,0, вплоть до современных показателей в 2,6–2,7. Однако в национальном самосознании многодетность (3–4 ребенка и более) остается устойчивой нормой, ключевым маркером счастливой и успешной семьи и выражением значимого социального статуса.

2. Многодетность у монголов поддерживается благодаря продолжающей сохраняться, но и активно трансформирующейся системе традиционных ценностей и специфическому мировоззрению. Установка на многодетность уходит корнями в кочевое прошлое с присущей ему уникальной формой ведения хозяйства и соприкасается с традиционным восприятием монголами времени. Эта установка фиксируется даже в условиях столичной жизни с ее объективными инфраструктурными сложностями и экологическими проблемами. Вероятно, продолжающаяся социально-экономическая трансформация монгольского общества внесет свои коррективы в практику более осмысленного планирования количества детей в молодых семьях. В таком случае можно будет уверенно говорить о демографическом переходе как свершившемся факте и констатировать смену типа воспроизводства населения.

3. Монголия как государство активно культивирует идеологию многодетности на уровне символической политики. Поддержка проявляется не столько в масштабной материальной помощи, сколько в системе государственных наград и званий для многодетных матерей (*Алдарт эх*, *Дархан бэр*, *Уран бэр*, *Хатан бэр*), что укрепляет связь между деторождением и национальным престижем. Широкое освещение таких награждений в средствах массовой информации способствует утверждению многодетности как элемента национальной гордости в общественном сознании.

4. На примере повседневного общения демонстрируется то, что монгольское общество нередко осмысляет себя посредством модели расширенной семьи. Лингвистический анализ показывает, что в бытовых языковых практиках среди монголов доминируют термины родства, которые применяются и к незнакомым людям, а нация концептуализируется как единая большая семья. Подобное обстоятельство создает социально-психологический контекст, в котором многодетность воспринимается как условие естественное и необходимое для поддержания целостности «нации-семьи».

5. Для комплексного осмысления феномена монгольской многодетности необходим междисциплинарный подход с опорой на методы полевой этнографии. Для понимания ситуации недостаточно только социологических и статистических данных, фиксирующих сокращение средней численности детей в семьях и прогнозирующих потенциальное снижение суммарного коэффициента рождаемости. Этнографические методы (включенное продолжительное наблюдение, беседы, интервьюирование и анализ повседневных практик), позволяют выявить и объяснить незыблемость глубокой культурной установки на многодетность у современных монголов, которая диссонирует с количественными показателями, но остается ключевым элементом национальной идентичности.

Полевые материалы автора

ПИМА 2014 — Инф. 1: NN (1989 г. р.),
г. Ховд Ховдского аймака (2014).

Author's Field Data

Informant 1: N. N., b. 1989, Khovd, Khovd
aimag, 2021.

ПИМА 2014–2022 — Полевые материалы автора — наблюдения в г. Улан-Баторе (2014–2022).

The author's field materials — the observations in Ulaanbaatar (2014–2022).

Литература

- Анисимова, Северьянов 2021 — *Анисимова Л. Ю., Северьянов М. Д.* Трансформация системы социального обеспечения семьи в Монголии в конце XX – начале XXI вв. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4(46). С. 70–75.
- Бадараев и др. 2012 — *Бадараев Д. Д., Винокурова А. В., Батжаргал Д.* Основные тенденции развития ценностных ориентаций семьи в контексте трансформационных процессов в современном монгольском обществе // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 75–82.
- Балтуева 2015 — *Балтуева С. В.* Юное материнство в Монголии: социальные аспекты // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. № 6. С. 51–53.
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: в 4-х тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1: А–Г. М.: Academia, 2001. 486 с.
- Бурэн-Улзий, Цэдэв 2015 — *Бурэн-Улзий И., Цэдэв Н. Х.* Современная монгольская семья в гендерном измерении (по результатам социологического исследования в Ховдском аймаке) // Этносоциальные процессы в Сибири: сб. ст. Вып. 10. Новосибирск: СО РАН, 2015. С. 175–180.
- Буянтуева 2015 — *Буянтуева Г. Ц-Д.* Роль семьи в развитии современной бурятской и монгольской молодежи // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 8(1). С. 154–156.

References

- Anisimova L. Yu., Severyanov M. D. Transformation of the Family Social Security System in Mongolia in the late 20th – early 21st Centuries. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2021. No. 4 (46). Pp. 70–75. (In Russ.)
- Badaraev D. D., Vinokurova A. V., Batzhar-gal D. Main Tendencies of Family Value Orientations Development in the Context of Social Transformations in Contemporary Mongolian Society. *Theory and Practice of Social Development*. 2012. No. 5. Pp. 75–82. (In Russ.)
- Baltueva S. V. The Young Motherhood in Mongolia: Social Aspects. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2015. No. 6. Pp. 51–53. (In Russ.)
- The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In. 4 vols. G. Ts. Pyurbееv (chief ed.). Vol. 1: A–G. Moscow: Academia, 2001. 486 p. (In Mong. and Russ.)
- Buren-Ulzij I., Tsedev N. Kh. Modern Mongolian Family Gender Dimension (according to the Results of Sociological Research in Khovd Aimag)]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri* / Yu. V. Popkov [ed.]. Iss. 10. Novosibirsk: SB RAS, 2015. Pp. 175–180. (In Russ.)
- Buyantueva G. Ts-D. The Role of Family in the Development of the Modern Buryat and Mongolian Youth. *The Buryat State University Bulletin*. 2015. Iss. 8(1). Pp. 154–156. (In Russ.)

- Винокурова 2013 — Винокурова А. В. Трансформация семейных ценностей в контексте общественных преобразований (на примере российских и монгольских семей) // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 81–85.
- Винокурова и др. 2012 — Винокурова А. В., Бадараев Д. Д., Батжаргал Д., Энхболд Д. Соотношение семейных и внесемейных ценностей в структуре ценностных ориентаций современной монгольской семьи // Известия Восточного института. 2012. № 1. С. 72–78.
- Винокурова и др. 2021 — Винокурова А. В., Оролмаа О., Шагдар О. Демографическое поведение и миграционные настроения населения современной Монголии: основные тренды и динамика развития // Социальные и экономические системы. 2021. № 3. С. 190–202.
- Дмитриев 2015 — Дмитриев В. А. Об актуальности категории «этнографический факт». Часть 1. Факт и источник // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 37–41.
- Дмитриев 2016 — Дмитриев В. А. Об актуальности категории «этнографический факт». Часть 2. Факт и информация // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 1. С. 31–36.
- Дондокова 2002 — Дондокова Л. Ю. О свободе добрачных половых отношений у бурят и монголов на рубеже XIX–XX вв. (анализ литературных источников) // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 77–85.
- Евразийский мир 2010 — Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / А. В. Иванов [и др.]. Новосибирск: Nonparel', 2010. 449 с.
- Замогильный и др. 2008 — Замогильный С. И., Ставропольский Ю. В., Дорждагва Т. Конкретно-эмпирические формы ценностных установок молодежи России и Монголии // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 3. С. 140–155.
- Vinokurova A. V. Transformation of Family Values in the Context of Social Changes (on the Example of Russian and Mongolian Families). *The Buryat State University Bulletin*. 2013. No. 6. Pp. 81–85. (In Russ.)
- Vinokurova A. V., Badaraev D. D., Batzhargal D., Enkhbold D. The Relationship Between Family and Extra-family Values in the Structure of Value Orientations of the Contemporary Mongolian Family. *Oriental Institute Journal*. 2012. No. 1. Pp. 72–78. (In Russ.)
- Vinokurova A. V., Orolmaa O., Shagdar O. Demographic Behaviour and Migratory Sentiments among the Population in Modern Mongolia: Main Trends and Dynamics of Development. *Social and Economic Systems*. 2021. No. 3. Pp. 190–202. (In Russ.)
- Dmitriev V. A. On the Relevance of «Ethnographic Fact» Category: Part 1: The Fact and the Source. *Humanities and Law Research*. 2015. No. 4. Pp. 37–41. (In Russ.)
- Dmitriev V. A. On the Relevance of «Ethnographic Fact» Category: Part 1: The Fact and the Information. *Humanities and Law Research*. 2016. No. 1. Pp. 31–36. (In Russ.)
- Dondokova L. Yu. On the Freedom of Pre-marital Sex Relations among the Buryats and Mongols at the turn of the 19th – 20th Centuries (an analysis of literary sources). *Ethnographic Review*. 2002. No. 2. Pp. 77–85. (In Russ.)
- The Eurasian World: Values, Constants, Self-Organization / A. V. Ivanov et al. Novosibirsk: Nonparel', 2010. 449 p. (In Russ.)
- Zamogil'nyj S. I., Stavropol'skij Yu. V., Dorzhdagva T. Concretly-Empirical Forms of Valuable Aims of Russian and Mongolian Youth. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2008. No. 3. Pp. 140–155. (In Russ.)

- Иванов 2004 — *Иванов А. В.* Западная Монголия — узловой центр Евразии // Москва. 2004. № 2. С. 166–176.
- Иванов A. V. Western Mongolia — the Nodal Center of Eurasia. *Moskva*. 2004. No. 2. Pp. 166–176. (In Russ.)
- Лутбаяр 2021 — *Лутбаяр Д.* Хүүхдийн тоглоомын талбайн 70 хувь нь стандартын бус, аюултай (= 70 % детских площадок не соответствуют стандартам и представляют опасность.) [электронный ресурс] // Gogo.mn. 2021. URL: <https://gogo.mn/r/50yq8> (дата обращения: 25.05.2025)
- Lutbayar D. 70% of Playgrounds do not Meet the Standards and are Dangerous. Available at: Gogo.mn. 2021. URL: <https://gogo.mn/r/50yq8> (accessed: May 25, 2025) (In Mong.)
- Монгол Улс 2023 — Монгол Улсын хүн ам 2022 (= Население Монголии в 2022 году). Улаанбаатар: Монгол Улсын Үндэсний статистикийн хороо, 2023. 33 х.
- The Population of Mongolia 2022. Ulaanbaatar: Mongol Ulsyn Yndesnij statistikijn khoroo, 2023. 33 p. (In Mong.)
- Монгольский мир 2014 — Монгольский мир: между Востоком и Западом / Ю. В. Попков [и др.]. Новосибирск: Автограф, 2014. 351 с.
- The Mongolian World: Between East and West. Yu. V. Popkov [et al.]. Novosibirsk: Avtograf, 2014. 351 p. (In Russ.)
- Намжил 2004 — *Намжил Т., Тунгалаг Д., Увш П.* Монгол гэр бүл: хөгжил, өөрчлөлт, төлөв (= Монгольская семья: развитие, изменения, планирование). Улаанбаатар хот: Олз-Оч ХХК, 2004. 174 х.
- Namzhil T., Tungalag D., Uvsh P. The Mongolian Family: Development, Changes, Planning. Ulaanbaatar: Olz-Och, 2004. 174 p. (In Mong.)
- Нанзатов, Содномпилова 2013 — *Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М.* Группа «невестки» в концептуальном универсуме монгольского общества // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2013. № 3(11). С. 7–18.
- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. The Daughter-In-Law Group in the Conceptual Universe of the Mongolian Society. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS*. 2013. No. 3(11). Pp. 7–18. (In Russ.)
- Оролмаа и др. 2019 — *Оролмаа М., Тэгшээ Б., Дашзэвэг М.* Социология образования: многосменное школьное обучение в Улан-Баторе // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 2. С. 107–124.
- Orolmaa M., Tegshee B., Dashzeveg M. Sociology of Education: Multi-Shift Schooling in Ulaanbaatar. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. Pp. 107–124. (In Russ.)
- Оюунсүрэн, Ермолаев 2019а — *Оюунсүрэн Ж., Ермолаев В. В.* Семейные ценности в психологии российской и монгольской молодежи: кросскультурный анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2019. Т. 5(71). № 4. С. 65–72.
- Oyuunsuren Zh., Ermolaev V. V. Crosscultural Analysis of Family Values among Russian and Mongolian Youth]. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2019. Vol. 5(71). No. 4. Pp. 65–72. (In Russ.)

- Оюунсүрэн, Ермолаев 2019б — *Оюунсүрэн Ж., Ермолаев В. В.* Счастливая семья: кросс-культурный анализ представлений российской и монгольской молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 989–997.
- Оюун-Эрдэнэ 2012 — *Оюун-Эрдэнэ Б.* Монгол гэр бүлийн бүтэц хэв маяг, харилцааны онцлог, тулгамдаж буй асуудал (= Структура монгольской семьи, особенности взаимоотношений и вопросы интерпретации) // Proceedings of the Mongolian Academy of Sciences. 2012. Vol. 52. № 3. P. 37–49.
- Рэнцэнханд 2024 — *Рэнцэнханд Б.* Сравнительный анализ традиций воспитания в монгольских и русских семьях // Педагогическое образование. 2024. Т. 5. № 4. С. 65–69.
- Ушаков 2018 — *Ушаков Д. В.* Семья как институт воспроизводства этничности (на примере Монголии) // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16. № 4. С. 192–207.
- Ушаков 2020 — *Ушаков Д. В.* Этнокультурные ценности учащейся молодежи Монголии // Философия образования. 2020. Т. 20. № 4. С. 48–64.
- Үндэсний соёл 2017 — Үндэсний соёл — гэр бүл (= Семья – это национальная культура) / ред. Ш. Эрдэнэцэцэг. Улаанбаатар: Дэлхийн сонор, 2017. 248 х.
- Хүн ам 2017 — Хүн амын 2015–2045 оны шинэчилсэн хэтийн тооцоо (= Обновленные прогнозы численности населения на 2015–2045 годы). Улаанбаатар: Монгол Улсын Үндэсний статистикийн хороо, 2017. 153 х.
- Implications 2012 — Implications of Demographic Trends for Socio-Economic Development and Public Policy in Mongolia. Ulaanbaatar: UNFPA, 2012. 168 p.
- Oyuunsuren Zh., Ermolaev V. V. Happy Family Representation: a Cross-Cultural Analysis of Russian and Mongolian Youth. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. Vol. 21. No. 4. Pp. 989–997. (In Russ.)
- Oyuun-Erdene B. Mongolian Family Structure, Relationship Features, and Interpretational Issues. *Proceedings of the Mongolian Academy of Sciences*. 2012. Vol. 52. No. 3. Pp. 37–49. (In Mong.)
- Rentsenkhand B. Comparative Analysis of Eraditions of Upbringing in Mongolian and Russian Families. *Pedagogical Education*. 2024. Vol. 5. No. 4. Pp. 65–69. (In Russ.)
- Ushakov D. V. Family as Institution for the Reproduction of Ethnicity (The Case of Mongolia). *The Siberian Journal of Philosophy*. 2018. Vol. 16. No. 4. Pp. 192–207. (In Russ.)
- Ushakov D. V. Ethno-Cultural Values of Mongolian Student Youth. *Philosophy of Education*. 2020. Vol. 20. No. 4. Pp. 48–64. (In Russ.)
- Family is a National Culture. Sh. Erdenetsetseg (ed.). Ulaanbaatar: Delkhijn sonor, 2017. 248 p. (In Mong.)
- Updated Population Projections for 2015–2045. Ulaanbaatar: Mongol Ulsyn Yndesnij statistikijn khoroo, 2017. 153 p. (In Mong.)
- Implications of Demographic Trends for Socio-Economic Development and Public Policy in Mongolia. Ulaanbaatar: UNFPA, 2012. 168 p. (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 18, Is. 1, pp. 113–124, 2026
 DOI: 10.22162/2500-1523-2026-113-124

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК / UDC 294.321

Нартанский Кангюр как объект археографического исследования и культового почитания в Бурятии

*Андрей Александрович Базаров¹,
 Соелма Ринчиновна Батомункуева²*

Nartan Kangyur as an Object of Archaeological Research and Cult Practice in Buryatia

*Andrey A. Bazarov¹,
 Soelma R. Batomunkueva²*

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-6837-7280. E-mail: bazarow_andr[at]mail.ru

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy.), Leading Research Associate

²Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат философских наук, научный сотрудник

 0000-0002-5060-0296. E-mail: soelmul[at]mail.ru

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St, 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy), Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2026

© Базаров А. А., Батомункуева С. Р., 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Bazarov A. A., Batomunkueva S. R., 2026

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию нартанского издания Кангюра из коллекции тибетского фонда Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, представленного в четырех наборах — одном комплектном и тремя неполными. *Актуальность* исследования обусловлена необходимостью репрезентации буддийского канона не только в качестве источника, заключающего в себе всю суть и богатство буддийского учения, но также как культового объекта почитания, обладающего религиозной значимостью в конструировании и функционировании духовного пространства разных обществ. *Целью* работы является ввод в научный оборот коллекции нартанских Кангюров тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и их структурное описание. *Выводы.* Издания нартанского Кангюра, хранящиеся в тибетском фонде Института монголоведения, буддологии

и тибетологии СО РАН, представляют собой уникальный источник для проведения многочисленных исследований, прежде всего историко-источниковедческого и археографического характера. Анализ историко-археографических данных выявил, что нартанский Кангюр занимает обособленное положение среди ксилографических изданий буддийского канона, демонстрируя особую значимость для повседневной культовой культуры буддистов-бурят. Преобладание наборов буддийского канона нартанского издания в тибетском фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН позволяет характеризовать их как наиболее существенные не только в количественном отношении, но и по степени воздействия на религиозное пространство Бурятии.

Ключевые слова: Ганжур, Данжур, Кангюр, Тенгюр, тибетский буддийский канон, нартанский Кангюр, тибетские тексты

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственного задания «Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации» (номер госрегистрации: 125091010220-3).

Для цитирования: Базаров А. А., Батомункуева С. Р. Нартанский Кангюр как объект археографического исследования и культового почитания в Бурятии // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 113–124. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-113-124

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the Narthang edition of Kangyur from the collection of the Tibetan fund of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS presented there in one complete and three incomplete versions. *The relevance of the study* is concerned with the need to represent the Buddhist canon not only as a source contains the essence and richness of Buddhism but also as a sacral object of religious veneration and possessing true significance in the constructing and functioning in the spiritual space of various societies. *The aim of this work* is to introduce the collection of Narthang Kangyurs from Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS into scientific circulation and to describe its structure. *Conclusions.* The editions of the Nartan Kangyur kept in the Tibetan collection from the Institute for Buddhist, Mongolian and Tibetan studies represent a unique source for various studies primarily in the fields of historical, source-study and archaeographic directions. An analysis of historical and archaeographic datasets revealed that the Narthang Kangyur occupies an important and a unique position among the other woodcut editions of the Buddhist canon, demonstrating its particular significance for the everyday religious culture of Buryat Buddhists. The predominance of Narthang editions of the Buddhist canon allows them to be characterized as the most significant not only in terms of quantity but also in terms of their impact on the religious space of Buryatia.

Keywords: Ganjur, Danjur, Kangyur, Tengyur, Tibetan Buddhist canon, Narthang edition, tibetan texts

Acknowledgements. The reported study was carried out within the framework of the state assignment “Russia, Mongolia, and China: Historical Experience of Cross-Border Interaction, Economic Priorities, and Sociocultural Communication” (pr. no. 125091010220-3).

For citation: Bazarov A. A., Batomunkueva S. R. Nartan Kangyur as an Object of Archaeological Research and Cult Practice in Buryatia. *Mongolian Studies (Elista)*. 2026. Vol. 18. Is. 1. Pp. 113–124. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-113-124

1. Введение

В тибетском фонде (далее — ТФ) Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения

Российской академии наук (далее — ИМБТ СО РАН) сосредоточено одно из крупнейших в мире хранилищ буддийского письменного наследия, включающее как ксилографы и рукописи на тибетском языке, так и предметы религиозно-культурного назначения. Особое место в ТФ ИМБТ занимает тибетский буддийский канон (далее — ТБК) — Кангьюр (тиб. *bka' gyur*), который представлен пятью различными редакциями (это ксилографические издания: Деге, Нартанг, Пекин, Чоне, Урга, а также несколько рукописных).

В данной статье рассматриваются наборы Кангюра нартанского издания, количество единиц хранения которых в ТФ ИМБТ значительно превосходит остальные канонические издания. До сегодняшнего дня ксилографические издания Кангюра нартанской печати не вводились в научный оборот и не подвергались детальному анализу, в связи с чем открываются возможности его исследования. Представленные издания могут дать ценную информацию, позволяющую выявить влияние нартанского Кангюра не только на распространение и развитие буддизма среди бурят, но и на процессы формирования оригинальной бурятской буддийской книжной культуры. Это может стать основой дальнейших исследований, связанных с изучением влияния буддийской литературы, в особенности канона Кангюр, на общество и культуру бурят в целом. Актуальность социально-археографического исследования нартанского Кангюра заключается в возможности изучения важнейшего письменного источника, представляющего конкретный исторический документ, связанный с историей развития бурятской буддийской литературы и книжности. Это исследование также позволяет реконструировать исторические реалии того периода, когда буряты приобретали различные издания буддийского канона, и выявить социальную роль, которую этот канонический сборник сыграл в жизни бурятского общества. Исследование имеет потенциал не только для академической среды, но и для широкой общественности, интересующейся буддийским письменным наследием и аспектами его влияния на общество. Важно, что результаты исследования могут быть полезны для формирования более глубокого понимания культурных и исторических связей между народами, исповедующими буддизм, а также для сохранения и популяризации буддийского наследия в современном мире. Таким образом, социально-археографическое исследование нартанского Кангюра не только углубит наши знания о бурятской буддийской традиции, но и станет важным вкладом в изучение буддийской книжности в целом. Материалом исследования являются 4 различных набора нартанского Кангюра, хранящиеся в тибетском фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

2. К истории нартанского ксилографического Кангюра

В настоящее время известны десятки как рукописных, так и ксилографических вариантов изданий ТБК. Долгое время бытовало мнение, что наиболее ранним рукописным сводом является нартанский. В результате сравнительных исследований были выявлены две линии Ганжура: цхалпа (*tshal pa*) и темпангма (*them spangs ma*) [Stanley 2005]. Считалось, что обе эти линии принадлежат нартанской, однако исследования показали, что две линии достаточно отличны друг от друга [Stanley 2005; Зорин и др. 2017: 10].

Нартанский Кангюр был издан в период с 1730 г. по 1932 г. Начало изданию положено при поддержке регента Далай-ламы VII Полхане Сонам Тобгье (тиб.

mi dbang pho lha nas bson nams stobs rgyas, 1689–1747). В первой половине 1730 г. Полхане задумался о необходимости осуществления какого-нибудь грандиозного религиозного проекта, который мог бы возвеличить его, что привело к подготовке к изданию и публикации ксилографического нартанского Кангьюра и Тенгьюра. Согласно биографии Полхане Сонам Тобгье, идея издания канона пришла ему во сне, после чего он приказал начать подготовительные работы [Tucci 1949: 480]. По окончании всех приготовлений, 5 октября 1730 г. начались работы по гравировке досок в печатне Денжи чойкоркан (тиб. *bden bzhi'i chos 'khor kan*). Эта печатня находилась недалеко от Шелькардзона (тиб. *shel dkar rdzong*), что было связано, по мнению Дж. Туччи, с удобным расположением для поставки древесины для досок [Tucci 1949: 480]. Для скорейшего завершения работ Полхане собрал высококвалифицированных мастеров из разных районов Тибета. Благодаря усердному труду и колоссальному материальному обеспечению завершение работ по гравировке планировалось к концу 1731 г., однако доски-матрицы были подготовлены с незначительным отставанием к 21 февраля 1732 г. [Petech 1950: 144–145]. Вторая часть канона — Тенгюр — был подготовлен на десятилетие позже. Работа была начата 27 мая 1741 г., а завершена 25 мая 1742 г. [Petech 1950: 144–145].

А. И. Востриков пишет, что благодаря тому, что нартанское издание Кангьюра было осуществлено в необычайно короткие сроки, оно получило название «Волшебная повозка» (тиб. *rdzu 'phrul gyi shing rta*) [Востриков 1962: 318].

Кроме того, необходимо отметить, что Полхане также является инициатором и спонсором создания «Золотой рукописи» (тиб. *gsar gyi lag bris ma*) — издания Тенгьюра в 225 томах, выполненного золотыми чернилами. Исследователи биографии Полхане отмечают, что ни один из высокопоставленных чиновников того периода, даже сами Далай-ламы не смогли организовать и осуществить такие грандиозные проекты, которые он воплотил в реальность [Moallem 2022]. На то, что издание 1730–1732 гг. является продолжением работы, начатой при Далай-ламе V, указывает и монгольский исследователь — составитель каталогов к Кангьюрам Г. Мягмарсурэн [Мягмарсурэн 2023: 4].

По мнению исследователей, нартанский Кагьюр во многом похож на пекинский, но он относится к разряду «смешанных изданий». Исследования, проведенные Х. Эймером [Eimer 1983; Eimer 1988], в частности, позволили идентифицировать два источника нартанского ксилографического издания: один из них — рукопись из Чинпа такце (тиб. *'phying ba stag rtse*) редакции цхалпа, а другой — копия рукописи из Шелькардзона редакции тхемпанма, восходящей к наиболее ранней нартанской версии. Несмотря на то, что в основе данного издания лежат две разные версии канона, оно, по-видимому, не смешивает их прочтения, текст за текстом следуя одному изданию. Вместе с тем исследователи отмечают, что версия цхалпа оказала большее влияние на нартанское ксилографическое издание Кагьюра [Harrison 1996: 81–84; Eimer 1988: 67; Зорин и др. 2017: 10].

3. О роли Кангьюра в бурятском обществе

Кангюр сыграл невероятно важную роль в жизни бурятского духовенства и общества, начиная с начала XVII в., когда буддизм активно распространялся в регионе. Ритуальное чтение, изучение и почитание Кангьюра являлось неотъемлемой частью религиозной практики бурятских лам. Каждый крупный

бурятский дацан стремился обзавестись полным собранием Кангьюра и, при возможности, Тенгьюра (тиб. *bstan 'gyur*). Повсеместное распространение буддийской литературы, канонических сводов в особенности, стало показателем рецепции учения среди бурят. Можно утверждать, что Слово Будды, заключенное в Кангьюре, являлось для бурятских монастырей главным объектом почитания и поклонения. Наличие этого священного канона в монастыре было не только необходимым, но и престижным, резко повышая авторитет дацана в глазах лам и верующих прихожан. Кангюр занимал центральное место в буддийской общине, выполняя сразу несколько важных функций. Во-первых, он служил основным объектом изучения для монахов. Во-вторых, Кангюр был объектом глубокого почитания и поклонения, ведь в нем были записаны слова самого Будды. Верующие приходили в монастыри, чтобы услышать чтение сутр из Кангьюра, получить благословение и заслуги от одного лишь соприкосновения с этим священным текстом. В-третьих, наличие Кангьюра в монастыре повышало его престиж и авторитет, делая его центром притяжения для монахов и мирян. Богатые прихожане жертвовали средства на монастыри, чтобы те могли приобретать, содержать и почитать Кангюр.

Поскольку бурятские монастыри невольно стали центрами, объединяющими бурятское общество, Кангюр стал не только духовной основой буддизма в Бурятии, но и сыграл важную роль в социальной и экономической жизни как самих монастырей, так и всего бурятского общества. В настоящее время в религиозной жизни бурят особое значение имеет служба *Ганжур хурал* — декламация всего канонического свода, проводимая в определенные дни. Даже если верующие не понимают содержания читаемых на тибетском языке текстов, само их слушание и присутствие на хурале приравнивается к получению наставлений от самого Будды и накоплению благих заслуг. После завершения хурала верующие делают *гороо* — ритуальный обход вокруг храмового комплекса с томами Кангьюра в руках, что также имеет огромное сакральное значение. В среде верующих высокой ценностью обладает раздел Кангьюра — Юм, как наиболее значимый, в котором излагается доктринальное учение о пустотности. Считается большим благодеянием хранение на алтаре именно этого раздела буддийского канона.

Другим аспектом значимости тибетского Кангьюра в среде буддистов Бурятии является его влияние на развитие тибетской версии буддизма в этом регионе. Бурятские ламы, как и большинство монгольских лам того времени, приняли тибетский язык в качестве основного для изучения и практики буддизма. Несмотря на наличие Кангьюра на монгольском языке, изучение и ритуальная практика чтения на этом языке все же оставались малопопулярными среди монголов и бурят, за исключением отдельных редких дацанов. К таким редким примерам можно отнести факты наличия комплекта в Агинском дацане: «*Ганжур на монгольском языке из 114 томов хранится на втором этаже Цокчен дугана, налево от центра. Каждый том обернут одинарным жанчи*» (цит. по: [Нацов 1998: 67]); в собрании рукописей в Чесанском дацане: «*комплект томов Ганжура на монгольском языке стоимостью 3 000 рублей*» (цит. по: [Намнанов 2018: 63]) и т. д.

Что касается ксилографических нартанских Кангьюров, согласно многочисленным свидетельствам, подобные издания хранились в разных дацанах: «*в 1871 г. Агинский дацан купил в Арою — Бандид-Ихновском хурэне ... Ганжур*

и *Данжур тибетский, т. н. „нартимской“ ксилографической печати, в общей сложности 235 томов*» (цит. по: [Сыртыпова и др. 2006: 37]); книги нартанской печатни имелись в Джидинском / Атаганском дацане [Нацов 1998: 25]; в храме Дуйнхор Агинского дацана «находился 108-томный Ганжур нартанского издания» (цит. по: [Нацов 1998: 66]); также есть упоминание о том, что «108-томный тибетский Ганжур нартанского издания был вложен в статую Майдари бурхана» (цит. по: [Нацов 1998: 67]). Здесь возникает вопрос относительно количества томов в «нартанских» комплектах. Возможно, респоденты не знали, что в нартанском Кангюре содержится 103 тома.

Отдельного упоминания заслуживает нартанский Кангюр с относительно «ясной» историей появления, который в настоящее время хранится в селе Шергольджин Красночикойского района Читинской области. В 1975 г. Б. Б. Бадараевым ставился вопрос перед руководством Бурятского института общественных наук СО АН СССР о приобретении этой коллекции для научного исследования и сохранения [Буддизм 2014: 126]. Как отмечает С. Д. Сыртыпова, данный Ганжур был доставлен в Бурсомон Тундупом Бологоевым, который служил при Бурсомонском дугане до того, как отправился в Тибет в 1880 г. На протяжении восемнадцати лет он проживал и учился в монастыре Сэра, где также работал в монастырской книгопечатне. Перед возвращением домой он приобрел Ганжур для того, чтобы увезти на родину, однако по доносу был схвачен, обвинен в шпионаже и приговорен к смертной казни. Несмотря на столь сложную ситуацию, он сумел добиться аудиенции у Далай-ламы. Т. Бологоев был отпущен из тюрьмы, в 1909 г. тайно вывез из Лхасы в Ургу священное писание. В том же году, вернувшись домой, организовал сбор денег и на двадцати подводах прибыл в Ургу, откуда и вывез Ганджур в Бурсомон [Буддизм 2014: 128].

Нартанские издания количественно превосходили другие ксилографические комплекты Кангюра в России, современное хранение в отечественных тибетских фондах в некоторой степени подтверждает этот факт. В собрании Института восточных рукописей РАН наибольшим по количеству наборов является нартанский Кангюр. Там хранится два полных и семь неполных экземпляров данного издания [Зорин и др. 2017: 69]. Один полный и три неполных комплекта нартанского Кангюра хранятся в ИМБТ СО РАН. Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова обладает неполным собранием нартанского Кангюра — 97 томов [Базаров 2013: 108]. В результате возникает вопрос, почему самая далекая от России тибетская монастырская печатня (нартанская) поставляла наибольшее количество экземпляров ксилографического Кангюра. Ургинская печатня находилась в Монголии, чонеская — в Амдо, дегеская — в Каме, пекинская — рядом с Пекином, а нартанская — в Центральном Тибете, в У-Цзане, что требует отдельного исследования.

В буддийской культуре Бурятии большое значение придавалось переписке буддийских канонических сочинений, в соответствии с положением буддийской догматики, трактующим размножение священных текстов как в высшей степени добродетельный акт. Это стало основой для появления многочисленных рукописных комплектов Кангюра в регионе. Благодаря записи Г.-Д. Нацова сохранилось свидетельство о том, что переписывались именно нартанские издания: в Агинский дацан «в 1850 году из Гусиноозерского дацана привезли Ганжур нартанского издания и начали его переписывать ... работа была закончена в

1858 году ... разместили на втором этаже в главном храме Цокчен» (цит. по: [Нацов 1998: 66]). Соответственно появилась гипотеза о том, что именно нартанские издания послужили образцом для переписки Кангьюров в Бурятии. Для проверки данной гипотезы была начата работа по разбору и каталогизации рукописных версий канона, хранящихся в фонде ИМБТ СО РАН. Предварительная работа с отдельными томами позволяет говорить о том, что в основе рукописных экземпляров может находиться нартанский Кангюр: раздел Виная полностью совпадает. Тем не менее при дальнейшем сравнении нартанская и рукописные версии Кангюра в отдельных моментах не совпадают.

4. Краткое описание наборов Кангюра нартанского ксилографического издания из ТФ ИМБТ

В ТФ ИМБТ СО РАН хранятся 4 набора Кангюра нартанского издания. Первый набор ТСНК1 состоит из 103 томов и представляет собой полный комплект нартанского Кангюра. Также имеются и некомплектные наборы: ТСНК2, включающий 64 тома; ТСНК3 и ТСНК4, состоящие из 45-ти и 25-ти томов соответственно.

К сожалению, мы не располагаем конкретными данными о происхождении Кангюров нартанского издания у бурят, за исключением сведений Г.-Д. Нацова, которые были приведены выше. Нет и точных данных об их поступлении в ТФ, и, в данном случае нам повезло меньше, чем Институту восточных рукописей РАН, который располагает относительно точными сведениями о нартанском Кангюре в его тибетском фонде: *«с высокой степенью уверенности можно утверждать, что экз. I поступил в АМ в первой половине 1920-х гг. (по предположению С. В. Дмитриева, в 1923 г.) из Этнографического отдела Русского музея, для которого он был приобретен вместе с комплектом Тэнгюра в Лхасе калмыцким ламой Дамбо Ульяновым в 1905 г. ... Экземпляры II и III, скорее всего, поступили в 1920-е гг.»* (цит. по: [Зорин и др. 2017: 7, 72]).

И все же на данный момент есть единственное свидетельство перехода одного из наборов нартанского издания с территории цинского Китая на территорию Российской империи в виде таможенного штампа на 60-м томе из набора ТСНК2 (ТФ ИМБТ СО РАН), где указан 1826 г.

В период распространения и расцвета буддизма среди бурят практически все дацаны, в особенности крупные, старались обзавестись буддийским канонам, в связи с чем появились священные своды разных изданий. Как отмечалось ранее, наибольшую популярность приобрел ТБК нартанской печатни, в связи с чем достаточно сложно выяснить, какому именно дацану принадлежали наборы из ТФ ИМБТ СО РАН. Известно, что в 1930-х гг. повсеместно закрывались религиозно-культовые заведения, дацаны в частности, в результате чего сохранившиеся предметы буддийского культового наследия передавались в Антирелигиозный музей. В 1958 г. после реорганизации музея часть имущества была передана в рукописный отдел Бурятского комплексного научно-исследовательского института (БКНИИ, позже — ИМБТ СО РАН) [Дандарон, Семичов 1960: 131; ЦВРК]. Несмотря на очевидность того, что наборы нартанского Кангюра были в числе переданного имущества, на данный момент не удалось найти точных сведений, которые подтвердили бы это [ЦВРК]. Наше предположение о музейном происхождении нартанских наборов также связано с учетной записью, обнаруженной

на первой странице каждого тома. Заметим, что подобные записи имеются и на других изданиях: чонэском и дэргеском. Хотя эти записи и не указывают на прямую связь с Антирелигиозным музеем, они, тем не менее, характерны для инвентарных работ данного учреждения. Исходя из записей можно говорить о том, что первичная инвентаризация собраний была произведена в течение 1943 г. в Антирелигиозном музее (Одигитриевский собор) двумя неизвестными сотрудниками и одним известным — Юрием Мазуркевичем. Имя последнего указано на 61 томе набора TCNK2. Следует также отметить, что, очевидно, инвентаризаторы не владели тибетским языком, поскольку записи на русском языке были внесены в перевернутом положении относительно тибетского текста.

Как было отмечено ранее, **комплект TCNK1** является полным и состоит из 103 томов. В данном издании 12 разделов:

- 1) Виная *'dul ba* состоит из 13 томов: TCNK1-1–TCNK1-13 (*ka-pa*);
 - 2) Стотысячная *'bum* включает 12 томов: TCNK1-14–TCNK1-25 (*ka-na*);
 - 3) Двадцатитысячная *nyi khri* состоит из 3 томов: TCNK1-26–TCNK1-28 (*ka-ga*);
 - 4) Восемнадцатитысячная *khri brgyad* состоит из 3 томов: TCNK1-29–TCNK1-31 (*ka-ga*);
 - 5) Десятитысячная *shes khri* — 1 том: TCNK1-32 (*ka*);
 - 6) Восьмитысячная *brgyad stong* — 1 том: TCNK1-33 (*ka*);
 - 7) Разное *sna tshogs* — 1 том: TCNK1-34 (*ka*);
 - 8) Ратнакута *dkon brtsegs* состоит из 6 томов: TCNK1-35–TCNK1-40 (*ka-cha*);
 - 9) Аватамсака *phal chen* — 6 томов: TCNK1-41–TCNK1-46 (*ka-cha*);
 - 10) *mdo sde* содержит наибольшее количество в 31 том: TCNK1-48–TCNK1-77 (*ka-ki*);
 - 11) Махапаринирвана-сутра *myang 'das* — 2 тома: TCNK1-78–TCNK-79 (*ka, kha*);
 - 12) Тантра *rgyud* состоит из 22 томов: TCNK1-80–TCNK101 (*ka-zha*).
- Два последних тома: TCNK1-102 — гарчак и TCNK1-103 — дополнительный том (*kha skong*).

Комплект TCNK2 состоит из 64 томов и является неполным.

- 1) Виная *'dul ba* содержит 7 томов: TCNK2-001–TCNK2-007 (*ga, nga, cha, ja, nya, da, pa*);
- 2) Стотысячная *'bum* включает 9 томов: TCNK2-008–TCNK2-016 (*ka, kha, ca, cha, ja, ta, tha, da, na*);
- 3) Двадцатитысячная *nyi khri* состоит из 2 томов: TCNK2-017–TCNK2-018 (*ka, kha*);
- 4) Восемнадцатитысячная *khri brgyad* состоит из 2 томов: TCNK2-019–TCNK2-020 (*kha, ga*);
- 5) Десятитысячная *shes khri* — 1 том: TCNK2-021 (*ka*);
- 6) Восьмитысячная *brgyad stong pa* — 1 том: TCNK2-022 (*ka*);
- 7) Разное *sna tshogs* — 1 том: TCNK2-023 (*ka*);
- 8) Ратнакута *dkon brtsegs* — 4 тома: TCNK2-024–TCNK2-027 (*ga, nga, ca, cha*);
- 9) Аватамсака *phal chen* — 2 тома: TCNK2-028–TCNK2-029 (*ka, ca*);
- 10) Сутры *mdo sde* — 17 томов: TCNK2-030–TCNK2-046 (*kha, ga, nga, ca, ta, da, tsha, wa, zha, a, ya, ra, la, sha, sa, A, ki*).

- 11) Махапаринирвана-сутра *myang 'das* — 1 том: TCNK2-047 (*kha*);
- 12) Тантра *rgyud* состоит из томов: TCNK2-048–TCNK2-063 (*ka, kha, ga, ca, cha, ja, ta, na, pha, ba gong, ba 'og, ma, tsa, dza, wa, zha*).

Также имеется справочно-библиографический том — гарчак — TCNK2-064.

Следующий некомплектный набор нартанского **Кангьюра TCNK3** состоит из 45 томов. Отсутствуют разделы: Десятитысячная *shes khri*; Восьмитысячная *brgyad stong pa*; Разное *sna tshogs* и гарчак.

- 1) Виняя *'dul ba* содержит 4 тома: TCNK3-001–TCNK3-004 (*ka, kha, na, pa*);
- 2) Сотысячная *'bum* включает 10 томов: TCNK3-005–TCNK3-014 (*ka-nga, cha-ta, da, na*);
- 3) Двадцатитысячная *nyi khri* состоит из 2 томов: TCNK3-015–TCNK3-016 (*ka, kha*);
- 4) Восемнадцатитысячная *khri brgyad* — 1 том: TCNK3-017 (*kha*);
- 5) Ратнакута *dkon brtsegs* — 1 том: TCNK3-018 (*ca*);
- 6) Аватамсака *phal chen* — 3 тома: TCNK3-019–TCNK3-021 (*kha, ga, cha*);
- 7) Сутры *mdo sde* содержит 9 томов: TCNK3-022–TCNK3-030 (*kha, ga, cha, pa, ba, tsa, ra, sha, ha*);
- 8) Махапаринирвана-сутра *myang 'das* — 1 том: TCNK3-031 (*ka*);
- 9) Тантра *rgyud* состоит из 12 томов: TCNK3-032–TCNK3-044 (*ka, kha, nga, ta, tha, da, pa, pha, ba 'og, ma, tsa, tsha*).

Справочно-библиографический том отсутствует, но имеется один дополнительный том — *kha skong* — TCNK3-045.

Набор нартанского **Кангьюра TCNK4** состоит из 25 томов, также некомплектен. Справочно-библиографический и дополнительный тома отсутствуют.

- 1) Виняя *'dul ba* содержит 4 тома: TCNK4-001–TCNK4-004 (*ka, kha, na, na*);
- 2) Сотысячная *'bum* включает 3 тома: TCNK4-005–TCNK4-007 (*ga, nya, tha*);
- 3) Двадцатитысячная *nyi khri* состоит из 2 томов: TCNK4-008–TCNK4-009 (*ka, kha*);
- 4) Восемнадцатитысячная *khri brgyad* — 1 том: TCNK4-010 (*ka*);
- 5) Ратнакута *dkon brtsegs* — 3 тома: TCNK4-011–TCNK4-013 (*ka, ka, kha*);
- 6) Сутры *mdo sde* — 6 томов: TCNK4-014–TCNK4-019 (*kha, ra, ra, sha, ha, ha*);
- 7) Махапаринирвана-сутра *myang 'das* — 1 том: TCNK4-020 (*ka*);
- 8) Тантра *rgyud* состоит из 4 томов: TCNK4-021–TCNK4-024 (*nga, ta, ta, tsa*).
- 9) Сутры *mdo* — 1 том TCNK4-025 (*ka*).

Из основных и общих характеристик всех наборов нартанского Кангьюра ТФ ИМБТ можно отметить то, что все издания осуществлены на тибетской бумаге, цвет которой варьируется от белого, переходящего к бледно-желтому, текст отпечатан черными чернилами. Читательность и сохранность всех томов от средней до хорошей степени. Во всех томах текст на семи строках, однако на первой и последней страницах количество строк колеблется от двух до семи. Пагинация на тибетском языке дана на левой лицевой стороне каждого листа. Тома завернуты в несколько слоев специальных тканей (бур. *жаниши*, тиб. *dpe res*) разных цветов и качества. Кроме того, тома помещены между двумя дополнительными деревянными досками, также разного качества и сохранности. Наборы TCNK1 и TCNK2 схожи как по внешним (лист), так и по внутренним размерам (рамки):

64,5 см × 17,5 см и 57,5 см × 11,5 см. Размеры набора TCNK3 — 66,0 см × 17,5 см и 57,5 см × 11,5 см; набора TCNK4 — 66,0 см × 17,0 см и 57,5 см × 11,5 см.

5. Выводы

Научное осмысление буддийских канонических сочинений вносит неоспоримый вклад в совокупность буддологических и тибетологических исследований. Нартанский Кангюр, представленный в тибетском фонде ИМБТ СО РАН, является уникальным источником для проведения многочисленных исследований, прежде всего историко-источниковедческого и археографического характера. Этот книжный сборник выступает в роли фундаментального письменного памятника Востока, обеспечивая условия для научного развития отечественной буддологии на протяжении длительного периода. Следует подчеркнуть, что тибетские каноны обладают своими оригинальными чертами, связанными с их территориальными рамками и особенностями производства, присущими отдельным печатным домам. Это дает возможность говорить о том, что каждое издание представляет собой уникальный и оригинальный материал для исследования.

Анализ историко-археографических данных выявил, что нартанский Кангюр занимает обособленное положение среди ксилографических изданий буддийского канона, демонстрируя особую значимость для повседневной культовой культуры буддистов-бурят. Преобладание наборов буддийского канона нартанского издания позволяет характеризовать их как наиболее существенные не только в количественном отношении, но и по степени воздействия на религиозное пространство Бурятии. Подтверждением данного влияния на культовую практику региона может служить устойчивое представление местного населения о нартанском каноническом оригинале как об источнике для многочисленных переписываний, что рассматривается как акт высочайшей добродетели и спасительности.

Источники

ЦВРК — Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 35а.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. F. 17. Op. 1. D. 35a.

Литература

Базаров 2013 — Базаров А. А. Восточная книжная коллекция Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова // Ученые записки ЗабГГПУ. 2013. № 2(49). С. 107–111.

Буддизм 2014 — Буддизм в истории и культуре бурят / коллективная монография; под ред. И. Р. Гарри. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 418 с.

References

Bazarov A.A. Collection of Oriental Books of the Zabaikalsky Krai Museum of Local Lore In: Scientific Notes of the Trans-Baikal State Humanitarian-Pedagogical University. 2013. Vol. 2(49). Pp. 107–111. (In Russ.)

Buddhism in the History and Culture of the Buryats Collective Monograph; I. Harry (ed.). Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2014. 418 p. (In Russ.)

- Востриков 1962 — *Востриков А. И.* Тибетская историческая литература. М.: Вост. лит., 1962. 428 с.
- Востриков A. I. Tibetan Historical Literature. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962. 428 p. (In Russ.)
- Дандарон, Семичов 1960 — *Дандарон Б. Д., Семичов Б. В.* Тибетский фонд нашего института // Краткие сообщения Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Вып. 2. Улан-Удэ: Тип. Министерства культуры Бурятской АССР, 1960. С. 131–134.
- Dandaron B. D., Semichov B. V. Tibetan Collection of our Institute. Brief Communications of the Buryat Complex Scientific Research Institute. No. 2. Ulan-Ude: Printing House of the Ministry of Culture of the Buryat ASSR, 1960. Pp. 131–134. (In Russ.)
- Зорин и др. 2017 — *Зорин А. В., Митруев Б. Л., Сабрукова С. С., Сизова А. А.* Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИВР РАН. Вып. 1: Кагьюр и Тэнгьюр / под общ. ред. А. В. Зорина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 509 с.
- Zorin A. V., Mitruiev B. L., Sabrukova S. S., Sizova A. A. The Catalogue of Texts of the Tibetan Buddhist Canon Kept at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS. Vol. 1. St. Petersburg: Centre for Oriental Studies Publishers, 2017. 509 p. (In Russ.)
- Мягмарсурэн 2023 — *Мягмарсурэн Гомбодоржийн.* Ганжуурын гарчиг. Улаанбаатар: Бэмбисан хэвлэл уйлдвэр, 2023. 47 с.
- Myagmarsuren Gombodorzhijn. Ganzhuuryn Garchig. Ulaanbaatar: Bem-bisan hevlel ujldver, 2023. 47 p. (In Mong.)
- Намнанов 2018 — *Намнанов Д. Д.* Чесанский дацан: история и современность / науч. ред. В. В. Номогоева. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2018. 312 с.
- Namnanov D. D. Chesansky Datsan: History and Modernity. V. Nomogoeva (ed.). Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University, 2018. 312 p. (In Russ.)
- Нацов 1998 — *Нацов Г.-Д.* Материалы по ламаизму в Бурятии. Предисл., пер., примеч. и глоссарий Г. Р. Галдановой. Ч. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1998. 186 с.
- Nacov G.-D. Materials on Lamaism in Buryatia. Part 2. G. Galdanova (pref., trans., notes, glossary). Ulan-Ude: BSC of SB RAS Publishing House, 1998. 187 p. (In Russ.)
- Сыртыпова 2007 — *Сыртыпова С. Д.* Святыни кочевников Трансбайкаля (Традиционные культовые объекты как памятники истории и культуры). Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2007. 269 с.
- Syrtyanova S. D. Sacred Sites and Shrines of the Transbaikalian Nomads (Traditional Religious Sites as Historical and Cultural Monuments). Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University, 2007. 269 p. (In Russ.)
- Сыртыпова и др. 2006 — *Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Базаров А. А.* Буддийское книгопечатание Бурятии XVIII – нач. XX в. Улан-Батор: Адмон, 2006. 222 с.
- Syrtyanova S. D., Garmayeva H. Zh., Bazarov A. A. Buddhist Printing of Buryatia in the 18th – 20th Centuries. Ulaanbaatar: Admon, 2006. 222 p. (In Russ.)
- Еймер 1983 — *Eimer H.* Some Results on Recent Kanjur Research. Bonn: Wissenschaftsverlag, 1983. 21 p.
- Eimer H. Some Results on Recent Kanjur Research. Bonn: Wissenschaftsverlag, 1983. 21 p. (In Eng.)

- Eimer 1988 — *Eimer H.* A Note on the History of the Tibetan Kanjur // *Central Asiatic Journal*. Vol. 32. No. 1/2. 1988. Pp. 64–72.
- Harrison 1996 — *Harrison P.* A Brief History of the Tibetan *bka'* 'gyur // *Tibetan Literature: Studies in Genre*. Ed. by José Cabezón and Roger R. Jackson. Ithaca: Snow Lion, 1996. Pp. 70–94.
- Moallem 2022 — *Moallem A. J.* Polhane Sonam Tobgye, Treasury of Lives, 2022 [электронный ресурс] // URL: <https://treasuryoflives.org/biographies/view/pho-lha-nas-bsod-nams-stobs---rgyas/5805> (дата обращения: 28.08.2025).
- Petech 1950 — *Petech L.* China and Tibet in the Early 18th Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: Brill, 1950. 286 p.
- Stanley 2005 — *Stanley D. Ph.* The Tibetan Buddhist Canon, Copyright, 2005 [электронный ресурс] // URL: <https://www.thlib.org/encyclopedias/literary/canons/index.php#!essay> (дата обращения: 28.08.2025).
- Tucci 1949 — *Tucci G.* Tibetan Notes // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 12. No. 3/4. 1949. Pp. 477–496.
- Eimer H. A Note on the History of the Tibetan Kanjur. *Central Asiatic Journal*. Vol. 32. No. 1/2. 1988. Pp. 64–72. (In Eng.)
- Harrison P. A Brief history of the Tibetan *bka'* 'gyur // *Tibetan Literature: Studies in Genre*. J. Cabezón and R. Jackson (eds). Ithaca: Snow Lion, 1996. Pp. 70–94. (In Eng.)
- Moallem A. J.* Polhane Sonam Tobgye, Treasury of Lives, 2022. Available at: <https://treasuryoflives.org/biographies/view/pho-lha-nas-bsod-nams-stobs---rgyas/5805> (accessed: 28 August 2025).
- Petech L. China and Tibet in the Early 18th Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: Brill, 1950. 286 p. (In Eng.)
- Stanley D. Ph. The Tibetan Buddhist Canon, Copyright, 2005. Available at: <https://www.thlib.org/encyclopedias/literary/canons/index.php#!essay> (accessed: 24 April 2024).
- Tucci G. Tibetan Notes. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 12. No. 3/4. 1949. Pp. 477–496. (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 18, Is. 1, pp. 125–140, 2026
 DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-125-140

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 91/929

Об исследователях Тибета конца XIX – начала XX вв. и их дневниках

About the Researchers of Tibet of the end of the 19th – beginning 20th Centuries and their Diaries

Цымжит Пурбуевна Ванчикова¹

Tsymzhit P. Vanchikova¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-1381-6186. E-mail: [vanchikova.ts\[at\]gmail.com](mailto:vanchikova.ts[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Ванчикова Ц. П., 2026

© Vanchikova Ts. P., 2026

Аннотация. *Введение.* Тибет на рубеже XIX–XX вв. был объектом геополитических интересов Англии и России. Этот период известен в истории как период «Большой игры». В конце XIX – начале XX в. Тибет был закрыт правительством Китая и тибетскими властями для въезда иностранцев, кроме ограниченного посещения буддистами-паломниками. Он стал объектом активного изучения со стороны всех заинтересованных стран, в нем побывали и индийские паломники-путешественники, в том числе ученый Сарат Чандра Дас, несколько японских паломников-исследователей, наиболее известным из которых является японский буддийский монах Экай Кавагути (1866–1945), а также российские исследователи и путешественники — Г. Ц. Цыбиков и О. М. Норзунов. *Цель статьи* — дать краткое описание их жизни и деятельности, а также дневников и путевых заметок в качестве источников по истории Тибета и для характеристики их вклада в изучение Тибета, тибетского общества и буддизма рассматриваемого периода. *Материалы и методы.* Материалами для исследований послужили дневники путешественников, посетивших с исследовательской целью Тибет в XIX – начале XX вв. В работе применялись сравнительно-сопоставительный метод для выявления уникальности материалов дневников, методы источниковедческого анализа источников, такие как хронологический и ретроспективный, позволившие выявить и рассмотреть приводимые в дневниках сведения в последовательности и выявить изменения, произошедшие со времени их повествования, и их значение для изучения, восстановления и реконструкции утраченных явлений и памятников архитектуры и

культуры, что делает актуальным специальное изучение письменного наследия Г. Ц. Цыбикова, О. М. Норзунова, Сарат Чандра Даса и Экай Кавагути и их контент-анализ. *Результаты и выводы.* Хотя статусы, социальное и материальное положение исследователей Тибета были разные: от привилегированного положения С. Ч. Даса, положения О. М. Норзунова и Г. Ц. Цыбикова, за которыми стояло Российское государство, до авантюрного путешествия буддийского монаха, паломника Экай Кавагути, — все они были выдающимися людьми. Их дневники независимо от целей и установок содержат в той или иной степени полноты ценные сведения о социально-культурной, экономической жизни Тибета и тибетцев наряду с обширной фактической информацией.

Ключевые слова: Сарат Чандра Дас, Овше Норзунов, Гомбожаб Цыбиков, Экай Кавагути, дневники путешествий, Тибет, паломники

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственного задания «Памятники письменности истории и культуры народов России и Внутренней Азии: источниковедческие исследования и создание базы данных» (№ 126020616774-8).

Для цитирования: Ванчикова Ц. П. Об исследователях Тибета конца XIX – начала XX вв. и их дневниках // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 125–140. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-125-140

Abstract. Introduction. Tibet at the turn of the 19th–20th centuries was an object of the geopolitical interests of Britain and Russia in relation to Tibet and China. This period is known in history as the “Big Game” period. In the late 19th and early 20th centuries Tibet has been closed by the Chinese government and Tibetan authorities to foreigners, except for limited visits by Buddhist pilgrims. It has become the object of active study by all interested countries, and has been visited by Indian pilgrim travelers, including scientist Sarath Chandra Das, several Japanese pilgrim researchers, the most famous of whom was Ekai Kawaguchi (1866–1945), a Japanese Buddhist monk, as well as Russian researchers and travelers G. Ts. Tsybikov and O. M. Norzunov. The goal of the article is to provide a brief description of their lives and activities, as well as their diaries and travel notes as sources on the history of Tibet and for characterizing their contribution to the study of Tibet, Tibetan society and Buddhism during the period under review. *Materials and methods.* The materials for the research were the diaries of travelers who visited Tibet for research purposes in the 19th and early 20th centuries. The work used a comparative method to identify the uniqueness of the materials of the diaries, methods of source analysis of sources, such as chronological and retrospective, which made it possible to identify and consider the information given in the diaries in sequence and to identify the changes that have occurred since their narration, and their significance for the study, restoration and reconstruction of lost phenomena and monuments of architecture and culture., which makes relevant the special study of the written heritage of G. Ts. Tsybikov, O. M. Norzunova, Sarat Chandra Dasa and Ekai Kawaguchi and their content analysis/ *Results and conclusions.* Though their statuses, social and financial status of the researchers were different: from the privileged position of Das, the position of O. M. Norzunov and G. Ts. Tsybikov, who were backed by the Russian state, to the adventurous journey of the Buddhist monk Ekai Kawaguchi, who was repeatedly on the verge of death, they all were outstanding people, scientists, researchers. Their diaries, regardless of their goals and tasks, contain, to varying degrees of completeness, valuable information about the socio-cultural and economic life of Tibet and Tibetans along with extensive factual information.

Keywords: Gombozhav Tsybikov, Ovshe Norzunov, Sarat Chandra Das, Ekai Kawaguchi, travel diaries, Tibet, pilgrims

Acknowledgements. The research was carried out within the state assignment “Written Heritage of Russia and Inner Asia: Source Studies and Database Development” (project no. 126020616774-8).

For citation: Vanchikova Ts. P. About the Researchers of Tibet at the end of the 19th – beginning 20th Centuries. and their Diaries. *Mongolian Studies (Elista)*. 2026. Vol. 18. Is. 1. Pp. 125–140. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-125-140

1. Введение

Россия в XIX – начале XX вв. уделяла большое внимание изучению Тибета и районов, граничащих с ним, что было обусловлено ее геополитическими интересами и активной внешней политикой на Востоке.

Царское правительство приняло решение использовать канал религиозных связей бурят и калмыков. Бурятские и калмыцкие паломники попадали в Тибет с торговыми караванами вместе с монгольскими паломниками. В числе путешественников-исследователей были Овше Норзунов и Гомбожаб Цыбиков. Если жизнь, деятельность и научное наследие Г. Ц. Цыбикова хорошо изучены [Цыбиков 2008; Доржиев, Кондратов 1990; Цыдендамбаев 1976; Семичов 1957; Воробьева-Десятовская 2011; и др.], то об О. М. Норзунове [Deniker 1901; Deniker 1903; Deniker 1904; Бакаева 1997; Митруев, Воронина 2018] и Экай Кавагути известно лишь узкому кругу специалистов [Hyer, Narita 1979; Berry 1989; Kawaguchi 2000]. После нескольких неудачных попыток российских экспедиций попасть в Центральный Тибет, особенно в Лхасу, было сложно, и именно О. М. Норзунову и Г. Ц. Цыбикову удалось это осуществить.

Интерес к Тибету проявляли и другие страны. Великобритания использовала для сбора информации индусов и непальцев, кашмирцев и турецких торговцев, которые все проходили специальную предварительную подготовку и попадали в Тибет в качестве паломников, желающих посетить буддистские монастыри и святыни Тибета [Younghusband 1910; Kimura, Berry 1990]. Примерно в это же время в Тибете побывал японский монах Экай Кавагути. Их деятельность представляет интерес по ряду причин, прежде всего, потому что Тибет оказался вне зоны доступа для многих экспедиций и исследователей, посланных крупнейшими политическими акторами на рубеже веков, и именно Сарат Чандра Дасу, О. М. Норзунову, Г. Ц. Цыбикову и Экай Кавагучи не только удалось проникнуть в закрытую страну, но и оставить уникальные экспедиционные дневники и воспоминания

По времени поездки в Тибет были совершены: 1) самая ранняя — Сарат Чандра Дасом (1849–1917) в 1879 г. Следующее путешествие было совершено им в 1881–1882 гг. Его дневник под названием «Путешествие в Тибет» был издан почти через 20 лет, в 1902 г., а перевод на русский язык был издан в Санкт-Петербурге уже в 1904 г. [Das 1902a; Дас 1904]; 2) О. М. Норзуновым (1877–1929?) совершены 3 краткосрочные поездки в Тибет в 1898–1901 гг. Дневниковые записи о его поездках были опубликованы в 1904 г. на французском языке Ж. Деникером [Deniker 1904: 217–240], а в 2018 г. переведены на русский язык [Митруев, Воронина 2018]; 3) Г. Ц. Цыбиковым (1873–1930) — одна поездка в 1899–1902 гг. Его дневник «Буддист паломник у святынь Тибета» был напечатан в 1919 г. в Петрограде [Цыбиков 1919] и много раз был переиздан и переведен на разные языки [Cybikow 1975; Cybikov 1987; Cuibikefu 1993; Tsybikov 2017]; 4) Экай Кавагути (1866–1945) — 4 поездки в Непал (в 1899, 1903, 1905 гг. и 1913 г.), и две — в Тибет (4 июля 1900 г. –15 июня 1902 г., 1913–1915 гг.). Дневник «Три года в Тибете» опубликован в 1909 г. [Kawaguchi 1909].

Цель статьи — дать оценку деятельности выдающихся исследователей Тибета и охарактеризовать их дневники.

2. Материалы и методы

При написании статьи был использован сравнительно-сопоставительный метод, который позволил выявить специфику и своеобразие их дневников, выявить отличия в описании и характеристике жизни как местного населения, так и жизни и деятельности буддийских монастырей. Применялись также методы источниковедческого анализа источников, такие как хронологический и ретроспективный, позволившие выявить и рассмотреть приводимые в дневниках сведения в последовательности и выявить изменения, произошедшие со времени их повествования, и их значение для изучения, восстановления и реконструкции утраченных явлений и памятников архитектуры и культуры, что делает актуальным специальное изучение письменного наследия Г. Ц. Цыбикова, О. М. Норзунова, Сарат Чандра Даса и Экай Кавагути и их контент-анализ

Материалами для исследования выступили дневники путешественников, посетивших с исследовательской целью Тибет в XIX – начале XX вв.

3. Сарат Чандра Дас и его путешествия в Тибет

На протяжении XIX в. английские власти Индии пользовались любым случаем, чтобы добыть информацию о Тибете, используя для этого людей разных социальных условий из местного населения, обитающих в приграничных с Тибетом регионах. Наиболее ценными из них были специально подготовленные ученые-пандиты, которых обучали делать топографическую съемку и снабжали инструментами, а дальше отправляли в «паломничество» по Тибету в качестве разведчиков. Им вменялся сбор сведений географического характера, составление карт местностей и описание маршрутов [Das 1902a; Younghusband 1910]. Наиболее известный из индийских пандита Сарат Чандра Дас (1849–1917) совершил два путешествия в Тибет: в 1879 г. и 1881–1882 гг. [Дас 1904: XXXVIII–XLIV].

Сарат Чандра Дас родился в семье бенгальских индуистов — вайдья-брахманов, учился в Президентском колледже Калькуттского университета и получил европейское образование инженера-строителя. В 1874 г. он принял предложение о работе в школе-интернате Бхутия в Дарджилинге, создаваемой специально для обучения местных учеников в качестве переводчиков (студенты изучали английский и тибетский языки), географов, топографов, проводников-разведчиков на случай возможного открытия Тибета для англичан. Этому решению поспособствовало то, что он заболел малярией и, когда предложили эту работу, он решил, что горный гималайский климат будет полезен для его здоровья. Так С. Ч. Дас стал руководить школой, готовившей агентов для работы в Тибете [Дас 1904: XXXVIII].

В 1878 г. тибетец, лама Угьен-Гьяцо, преподававший в школе-интернате тибетский язык и культуру, помог оформить паспорт для Сарат Чандра Даса, которого посылали в Тибет, в монастырь Ташилхунпо. В 1879 г. С. Ч. Дас, иногда маскировавшийся под тибетского ламу, иногда под торговца из Непала, и Угьен-гьяцо совершили несколько поездок в Тибет в качестве агентов секретных служб Британской Индии. Они провели в Тибете шесть месяцев, вернулись в Дарджилинг с большой коллекцией книг на тибетском языке и на санскрите

[Das 1902a: 6]. 1880 год Сарат Чандра Дас провел в Дарджилинге, изучая и обрабатывая собранные им материалы. В ноябре 1881 г. Сарат Чандра Дас и Ургьен-Гьяцо отправились в Тибет с целью исследовать долину р. Ярлунг-Цангпо и вернулись в январе 1883 г. Два отчета, написанные С. Ч. Дасом о его втором 14-месячном путешествии, хранились в тайне до 1890-х гг. [Das 1893]. В 1902 г. после строгой цензуры его дневники были собраны в книгу «Путешествие в Лхасу и Центральный Тибет» с предисловием У. В. Рокхилла и опубликованы небольшим тиражом [Das 1902a].

1903–1904 гг. — годы подготовки к экспедиции и начала военного вторжения британцев в Тибет. Материалы поездок Сарат Чандра Даса, собранная им подробная самого разнообразного характера информация о топографии, общественному и административному устройству Тибета, его населении, о монастырях, о Лхасе и многих аспектах тибетской жизни стали для британской экспедиции своего рода справочным пособием, ориентиром. Ф. Янгхазбенд, возглавлявший военную экспедицию, писал, что наиболее подробная и ценная информация была собрана С. Ч. Дасом, прекрасно осведомленным о политических, экономических и военных реалиях Тибета, и что без его картографических и топографических сведений, эрудиции и советов его экспедиция, скорее всего, столкнулась бы с гораздо большими трудностями в общении, навигации и понимании мотивов действий тибетцев. Таким образом, в успехе экспедиции значительная роль принадлежала Сарат Чандре Дасу [Younghusband 1910: 40, 257].

Посланный Великобританией для проведения секретной разведки, составления карт и сбора данных о стране, народе и его культуре, тем не менее, Сарат Чандра Дас не мог не увлечься и не погрузиться в историю Тибета, культуру его народа, что связало его на всю оставшуюся жизнь с Тибетом. Даже, в некотором смысле, он никогда «не покидает Тибет», так как последнюю часть своей жизни С. Ч. Дас прожил в Дарджилинге в построенной им вилле, названной «Вилла Лхаса» [Das 1902a: VIII–IX], работая с привезенными из Тибета книгами, занимаясь их переводами [Das 1882], составляя одну из самых ранних современных грамматик тибетского языка [Das 1915] и один из лучших тибетско-английских словарей [Das 1902b]. Тем самым он внес огромный вклад в тибетологию.

4. О. М. Норзунов и его путешествия в Тибет

Овше Мучкинович Норзунов (1877–1929?) — калмык, родился в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии в зажиточной семье, восходящей к роду зайсангов. Сведения о его биографии, особенно раннего и позднего периодов его жизни, очень скудны. Благодаря его дневниковым записям сохранились сведения о двух успешных поездках в Тибет и одной неудавшейся попытке 1900 г. [Митруев, Воронина 2018].

Поездка 1898–1899 гг. была организована по инициативе Агвана Доржиева, которому надо было передать письмо Далай-ламе XIII с информацией о результатах его переговоров с Николаем II. В это краткосрочное путешествие О. М. Норзунов ездил через Монголию, получив аудиенцию у Далай-ламы XIII, и, не задерживаясь, вернулся в Петербург [Митруев, Воронина: 2018: 48].

Вторая его поездка в Тибет в 1900 г. была также инициирована Агваном Доржиевым, ее целью было получить в Париже изготовленные по заказу А. Доржиева буддийские культовые предметы и передать их монастырю Дрепунг. Потому

в эту поездку с большим грузом для монастыря Дрепунг он отправился через Дарджилинг [Андреев 2006: 88]. Помимо основной версии о цели данной поездки, он имел и иное задание, и потому вез с собой современное оборудование (фотокамеру, телескоп, фонограф), специально выданное ему Императорским Русским географическим обществом (далее — ИРГО) [Митруев, Воронина 2008: 37]. Однако он был задержан индийскими властями и не был допущен к пересечению границы. Так сорвалась попытка попасть в Тибет.

В третью поездку в Тибет О. М. Норзунов отправился в конце того же года с шестью попутчиками, возглавляемыми Агваном Доржиевым, через Монголию и западный Китай. В феврале 1901 г. они достигли Лхасы. О. М. Норзунов в этой поездке провел около месяца. Ему удалось получить аудиенцию у Далай-ламы XIII и сделать фотографии Лхасы и ряда крупных тибетских монастырей, которые стали первыми фотографиями, попавшими в Европу. В дневнике приведено подробное описание Поталы, внутреннего устройства дворца Далай-ламы, деталей аудиенции, самого Далай-ламы, его одеяния и внешнего вида. Представляют интерес краткие описания монастырей, в частности Галдана, его административного устройства, молебнов, учебных занятий и количества монахов. Красочно описаны город Лхаса, его население, торговля и ходовая «валюта», рынок и товары, жители и их образ жизни, разнообразные украшения и одеяния женщин и многое другое. О. М. Норзунов отметил, что женщины *«руководят всем в доме... и вообще в общественной жизни, кроме того, что касается отправления культа»* [Митруев, Воронина 2018: 53].

Из этой поездки О. М. Норзунов вернулся в Россию вместе с А. Доржиевым в составе тибетского посольства, которое было направлено к русскому двору для подписания русско-тибетского договора. По результатам экспедиции О. М. Норзунов в 1901 г. был удостоен большой серебряной медали ИРГО за ценные материалы и фотографии Лхасы и ее окрестностей [Отчет ИРГО 1902: 39; Митруев, Воронина 2018: 37–38]. Одна из его фотографий Поталы, дворца Далай-лам, была впервые опубликована известным французским антропологом Дж. Деникером в 1901 г. в журнале «La Geographie» [Deniker 1901: 242; Deniker 1903: 544–554], а краткий отчет, точнее краткие дневниковые записи о путешествии, были переведены на французский язык и опубликованы в 1904 г. [Deniker 1904].

Привезенные О. М. Норзуновым фотографии и материалы о Тибете хранятся в архиве Географического общества (г. Санкт-Петербург) [Алексеева 2010: 108]. Путевые заметки О. М. Норзунова, изданные Дж. Деникером и впервые переведенные на русский язык Б. Л. Митруевым, Д. К. Ворониной [Deniker 1904: 217–240; Митруев, Воронина 2018: 36–72], являются важным историческим источником.

Известия ИРГО в 1903 г. опубликовали доклад-отчет Г. Ц. Цыбикова, сделанный им на заседании ИРГО об итогах его долгосрочной экспедиции в Тибет [Цыбиков 1903]. Особую ценность этому докладу прибавил приложенный список фотографий, из которых 45 (плюс 9 дополнительных фото) были сделаны О. М. Норзуновым и 32 фотографии — Г. Ц. Цыбиковым [Цыбиков 1903; Лхаса и главнейшие монастыри 1903; Митруев, Воронина 2018]. Этот список и фотографии были напечатаны отдельным подарочным изданием в том же году [Лхаса и главнейшие монастыри 1903]. Таким образом, О. М. Норзунов стал автором первой опубликованной фотографии Лхасы [Deniker 1901: 242; Митруев, Воронина 2018: 36].

Вопрос о том, что вторая и третья поездки О. М. Норзунова в Тибет финансировались тем же самым учреждением, что и поездка Г. Ц. Цыбикова, не вызывает сомнений. Как сообщает Г. Ц. Цыбиков в своем дневнике: *«26 февраля [1901 г.] приехал из нашего отчества Агван Доржиев вместе со своими спутниками бурятами и ставропольским калмыком Овие Норзуновым, который взялся сделать снимки для Императорского Русского Географического Общества. Он снабжен таким же аппаратом, каким я уже с осени делаю снимки»* [Цыбиков, 1 1991: 116].

О том, как сложилась жизнь О. М. Норзунова после возвращения из Тибета, к сожалению, известно немного. Краткие сведения о нем и о его деятельности приводятся в работах А. И. Андреева [Андреев 2004], П. Э. Алексеевой [Алексеева 2010], Э. П. Бакаевой [Бакаева 1997] и Б. Л. Митруева [Митруев, Воронина 2018]. Известно, что О. М. Норзунов в ноябре 1910 г. поселился в Санкт-Петербургском буддийском храме и следил за ходом его строительства [Snelling 1993: 144], а с 1911 г. стал с семьей жить в доме, построенном рядом с храмом [Андреев 2004: 59–60].

5. Г. Ц. Цыбиков и его дневник

Гомбожаб Цыбикович Цыбиков (1873–1930) в общей сложности с 25 ноября 1899 г. по 4 апреля 1902 г. провел 888 дней в сложнейшей экспедиции, из которых непосредственно в Лхасе пробыл с 3 августа 1900 г. по март-апрель 1902 г. По поручению ИРГО ему удалось вместе с караваном монгольских и бурятских паломников достичь Тибета и совершить путешествие по Восточному и Центральному Тибету в конце XIX – начале XX в. Основной целью его путешествия являлось изучение на *«месте жизни большого буддийского монастыря ... и жизни его обитателей — монахов... выяснить основу духовной культуры всех современных нам монголо-тибетских народностей, так как эта сторона их жизни, по нашему мнению, была до сих пор мало исследована»* [Цыбиков, 2 1991: 1]. В соответствии с поставленной целью ему удалось посетить, сделать фотографии и дать подробные описания нескольких наиболее крупных тибетских монастырей и городов, удостоиться аудиенции Далай-ламы XIII и издать в 1918 г. экспедиционный дневник, состоящий из 17 глав и озаглавленный «Буддист паломник у святынь Тибета» [Цыбиков 1919].

Г. Ц. Цыбиков вел дневник ежедневно, одной из отличительных его черт являются пространные вкрапленные в общую канву повествования обстоятельные статьи по истории Тибета, административному управлению, истории монастырей, их типам, а также об известных ученых-ламах, Лхасе и ее главных святынях. Особую ценность имеют его сведения о различиях между школами гелугпа и другими буддийскими школами, их доктринальными особенностями и школьным образовательным процессом, главное отличие которых заключается в том, что в гелугпинских монастырях изучают всю буддийскую философию по системе, введенной древними индийскими учеными в древних буддийских университетах Индии [Цыбиков, 2 1991: 65].

О том, каким сложным было для Г. Ц. Цыбикова пребывание в Тибете, говорят его слова, сказанные во время отчетного доклада на собрании Русского географического общества: *«... как трудно дать значительные сведения тому, кто проник в запретную зону под видом ... паломника и в сношениях с местными*

жителями должен был представлять простого же паломника, ищущего в священной стране душещипательного, ежеминутно опасаясь, чтобы чем-нибудь не выделиться из среды своих товарищей-монголов и не дать повода даже малейшему подозрению в нем человека, причастного к европейцам!» [Цыби́ков, 2019: 10]. Тем не менее он успешно справился с поставленной целью: «изучить на месте жизнь большого буддийского монастыря и составить подробный очерк как самого монастыря, так и жизни его обитателей — монахов» [Цыби́ков 1908: 183].

6. Кавагути Экай

Еще одним крупным, но мало известным широкой общественности путешественником, посетившим Тибет примерно в те же годы, что и Г. Ц. Цыби́ков и О. М. Норзунов, был Кавагути Экай (1866–1945), буддийский монах, первый японский путешественник, совершивший четыре поездки в Непал (в 1899 г., 1903 г., 1905 г. и 1913 г.) и две — в Тибет (4 июля 1900 г. – 15 июня 1902 г., 1913–1915 гг.) [Hyer, Narita 1979: 12–19]. Отправившийся из Токио в мае 1897 г., он впервые ступил на тибетскую землю 4 июля 1900 г. В отличие от О. М. Норзунова его биография подробно изучена. О его жизни и путешествии в Тибет и Непал изданы две монографии на английском языке: американским биографом С. Берри [Berry 1989] и непальским ученым Абхи Субеди [Subedi 1999]. Его наиболее достоверная биография «Экай Кавагути — первый японец, посетивший Тибет», была написана Кавагути Акирой (1918–1962), его племянником и наследником [Kawaguchi 2000].

Кавагути Экай (1866–1945), урожденный Садахиро (имя до ухода в монастырь), монашеское посвящение и образование получил в дзэнском храме Гохяку-ракан (Gohyaku rakan) в пригороде Токио. Дома он познакомился от своей матери, которая происходила из семьи врачей, с основами традиционной японской медицины, знания которой очень помогли ему в Тибете [Berry 1989: 5]. Он был учеником выдающегося японского санскритолога Нандзё Бунью (1849–1927) [Zumoto 2004], увлекшего его изучением канонических буддийских текстов на оригинале, поскольку некоторые тексты на санскрите, с которых были выполнены переводы на китайский, а затем на японский, не сохранились, то движимый желанием отыскать тибетские переводы махаянских буддийских сочинений, он в возрасте 33 лет, в 1897 г. отправился в Тибет через Гималаи для поиска оригинальных текстов, с которых были осуществлены переводы для японской Трипитаки. В Японию после тяжелых странствий он вернулся в 1903 г.

Перед тем как отправиться непосредственно в Тибет он с рекомендательным письмом к Сарат Чандре Дасу, полученным от Общества Маха Бодхи (Maha Boddhi Society) в Калькутте, прибыл в Дарджилинг, где начал изучать тибетский язык у престарелого монгольского ламы в монастыре Гумпал [Kawaguchi 1909: 11], кроме того, дополнительно изучал тибетский и английский языки в Школе Бхутиа в Дарджилинге, возглавляемой С. Ч. Дасом, который к тому времени уже совершил две разведывательно-картографические экспедиции в Тибет: в 1879 и 1881 гг. Понимая, что кроме изучения тибетских сочинений и буддийской философии, ему понадобится знание и разговорного тибетского языка, он поселился в тибетской семье и получил возможность свободно овладеть тибетским языком, который в то время не преподавался систематически иностранцам, а также смог

ознакомиться с жизнью и обычаями тибетцев [Kawaguchi 1909: 13]. Он пробыл в Дарджилинге до самого конца 1898 г. Так закончился его усиленный двухлетний подготовительный этап путешествия, во время которого он освоил письменный и разговорный тибетский язык. В Калькутту он прибыл 5 января 1899 г., чтобы оттуда начать свое путешествие в Тибет через Непал.

Почти после трех лет чрезвычайно сложного и трудного пути, после остановок в разных монастырях, паломничества на гору Кайлас, Э. Кавагути прибыл в Лхасу весной 1901 г. По Тибету он путешествовал в облиии китайского монаха. Значительную часть своего пребывания в Тибете он прожил в монастыре Сэра. Судя по дневнику, Э. Кавагути был неординарным человеком, истинным верующим буддистом, соблюдающим все обеты, и, пожалуй, единственным из путешественников вегетарианцем. Как он пишет в дневнике, он часто был на грани смерти, теряя дорогу и направление, замерзая в гималайских снегах, утопая в ледяных горных реках при переходе через них, умирая от голода и истощения, болезней и боли, спасаясь собственными практиками медитации.

Позднее, уже будучи в Лхасе, из-за того, что у него был запас китайских лекарств, прославился как хороший врач, благодаря чему он смог получить аудиенцию у Далай-ламы XIII (1876–1933) [Kawaguchi 1909: 310–321], подробно описанную в его дневнике. Упоминает в дневнике Э. Кавагути и Агвана Доржиева, о котором он отзывается как о *«русском шпионе из Монголии, имевшем степень доктора и занимавшем должность цангит-хамбо»*, *«монголе, работающем на правительство России»*, который имел большое влияние на Далай-ламу и на его политику в отношении России [Kawaguchi 1909: 301; 499–501; 672].

И самого Э. Кавагути обвиняли в шпионаже в пользу С. Ч. Даса [Kawaguchi 1909: 673], но конкретных доказательств этому нет, а внимательное прочтение его дневника делает это маловероятным. Так же, как и сведений о том, что он был секретным агентом японского правительства, посланным для сбора информации о политической ситуации.

В 1912 г. Экай Кавагути вновь отправился в Непал с целью посетить столб Ашоки в Лумбини. В 1914 г. из Непала он отправился в Лхасу вместе с тремя японцами, двумя монахами, Аоки Бункё и Тада Токан, и военным инструктором Ядзима Ясудзиро [Kimura, Berry 1990: 105].

После возвращения в Японию он поселился в монастыре Гохяку-ракан (Gohyaku rakan), настоятелем которого был до отправления в путешествие. Всю свою последующую жизнь он посвятил изучению привезенных им из Тибета буддийских сутр и сравнению их с текстами на японском языке, а также проповеднической деятельности по распространению буддийского учения, чтению публичных лекций. В 1921 г. Экай Кавагути стал профессором Университета Тайсё, в котором преподавал тибетский язык, литературу и историю страны. Уйдя из монастыря, он жил с семьей своего брата на средства, получаемые от научных публикаций. В 1926 г. он издал книгу «Буддизм упасаки» (или «Буддизм мирянина»), являвшуюся популярным изложением основ учения буддизма для мирян [Kawaguchi 1926]. Последние годы жизни Э. Кавагути посвятил составлению тибетско-японского словаря.

Его дневник путешествия в Тибет, озаглавленный «Три года в Тибете», был издан в 1909 г. в Мадрасе и впоследствии несколько раз переиздавался [Kawaguchi 1909].

Если дневники С. Ч. Даса и Г. Ц. Цыбикова отличаются позитивным отношением к тибетцам и тибетским монахам, то своеобразной чертой дневника Э. Кавагути является его негативная оценка многих сторон их жизни, обычаев и нравов. Особенно он поражается лениости практически всех тибетских монахов-студентов, за исключением немногих ученых лам, их общей нечистоплотности и деградации, объясняя это их *«национальной слабостью — предельной и вечной праздностью»*, несоблюдению основных заветов буддийского учения [Kawaguchi 1909: 345]. По его мнению, главной целью тибетцев, вступающих в духовенство, является *«приобретение как можно большего состояния, а также максимально возможной славы»* [Kawaguchi 1909: 312]. При этом, приводя сравнение с монгольскими ламами-студентами, он пишет: *«С монголами дело обстоит иначе: никто никогда не видел, чтобы они так лениво развлекались. Они очень усердно учатся и всегда принимают активное участие в богослужебных занятиях главным образом потому, что они привержены цели, ради которой они приехали так далеко от своего дома и страны»* [Kawaguchi 1909: 346].

Еще одним фактом, удивившим его, было социальное различие между представителями высшего и низшего сословия монахов. Э. Кавагути отмечал, что последние влачат жалкое, плачевное существование, страдая от голода, холода и тяжелого труда [Kawaguchi 1909: 313–314]. В целом Э. Кавагути рисует печальную картину жизни рядовых тибетцев, как монахов, так и мирян.

7. Заключение

Несмотря на то, что статусы, социальное и материальное положение исследователей были разные: от привилегированного статуса С. Ч. Даса, положения Г. Ц. Цыбикова и О. М. Норзунова, за которыми стояло Российское государство, до авантюрного путешествия Экай Кавагути, — все они были выдающимися личностями.

Их дневники, независимо от целей и установок, содержат в той или иной степени полноты ценные сведения о социально-культурной, экономической жизни тибетцев наряду с обширной фактической информацией. Эти данные включают подробности о тибетском государственном устройстве и структуре управления, иерархии власти, статусе женщин в обществе, обычаях, религии и культуре и о многих других аспектах жизни Тибета и тибетцев. Вместе они дополняют сведения друг друга.

Среди них воспоминания Экай Кавагути отличаются более личностным характером, содержащим детальные и подробные описания личных чувств и переживаний. Несмотря на осуждение некоторых сторон жизни Тибета, он, тем не менее, высоко оценивает многих деятелей тибетского буддизма, с которыми сталкивался.

В некоторых сюжетах дневника С. Ч. Даса также встречаются покровительственные комментарии, идеализация, мистификация и изображение тибетцев невежественными или наивными. Например, С. Ч. Дас отмечает, что *«...даже нецивилизованных обитателей холмов вино могло вдохновить на такое красноречие»* [Дас 1904: 12]. Однако, что интересно в С. Ч. Дасе и что нельзя игнорировать, так это то, что у него развивается особое («сверхъестественное») чувство принадлежности к тибетской жизни. Как известно, позже С. Ч. Дас принял буддизм и стал известным тибетологом. На мой взгляд, уместно рассматривать

благоговение С. Ч. Даса перед Тибетом как нечто представляющее или личный, или академический интерес.

Если в дневниках Э. Кавагути и С. Ч. Даса мы часто встречаем высказывания личного характера, их мнение об окружающих реалиях тибетской жизни, то дневник Г. Ц. Цыбикова написан исследователем констатирующим, зачастую анализирующим и сравнивающим. В его дневнике мы не видим резко отрицательных личных оценок, а только констатацию фактов, может быть, за исключением некоторых характеристик тибетских монастырей или перерожденцев. Так, про монастырь Гумбум он пишет, что монастырь «... не отличается особенной строгостью своей дисциплины, как учебной, так и нравственной. Масса монахов из местных чжахоров (одна из монгольских народностей, населяющих страну Амдо) не умеют даже читать. Женщины свободно допускаются в монастыри и могут оставаться и на ночь; в домах можно застать попойку, курение табака (нюхать табак нигде не воспрещается) и т. д.» [Цыбиков, 1 1991: 48–49]. При этом большую ценность дают приводимые им оценки монастырей. Например, после посещения монастыря Лабран и детального описания его устройства и религиозных обрядов он подводит итог, что Лабран «... по своей дисциплине занимает в настоящее время первое место среди ламаистских монастырей» [Цыбиков, 1 1991: 54]. Его личные чувства и ощущения появляются уже к концу его длительной экспедиции, когда он пишет о том, что соскучился о родных и о родине: «Трудно жить долго в чужой стране, вдали от родины, откуда известия приходят раз в год, и касаются они событий, происходивших год тому назад. Должно сказать, что уже почти два года, как я не получал ни от кого из родных и знакомых никаких известий» [Цыбиков, 1 1991: 197, 199].

Знаменитый дневник Г. Ц. Цыбикова, опубликованный более 100 лет назад под названием «Буддист паломник у святынь Тибета» [Цыбиков, 1 1991], и сейчас продолжает оставаться энциклопедией, настольной книгой для всех тибетологов, монголистов, буддологов, историков и ученых во многих других отраслях наук. Дневники Г. Ц. Цыбикова по сравнению с описанными выше дневниками отличаются академичностью, полнотой описания и общей информативностью, свидетельствуют о его высочайшем профессиональном уровне как ученого-востоковеда широкого профиля, а также о прекрасной университетской подготовке и об уровне российской буддологии и востоковедения рассматриваемого периода.

Отчетный доклад Г. Ц. Цыбикова на заседании ИРГО 7 (20) мая 1903 г. был тепло принят ученым сообществом, за успешную экспедицию и за ее результаты ему была присуждена премия им. Н. М. Пржевальского. Его дневник «Буддист паломник у святынь Тибета», веденный им во время путешествия, принес ему мировую известность, он был переведен на несколько иностранных языков и издан в разные годы [Cybikow 1975; Cybikov 1987; Cuibikefu 1993; Gombozhab 2017]. Привезенная им и переданная в Азиатский музей коллекция редчайших ксилографов и рукописей стала важной частью тибетского фонда Института восточных рукописей РАН.

Покидая Лхасу, Г. Ц. Цыбиков писал 11 сентября: «Многого, конечно, я не достиг в своих наблюдениях, но в общих чертах получил представление о Тибете и тибетцах. Подробностей нельзя узнать в короткий срок ... Поэтому мне, с одной стороны, было отрадно наконец-то покинуть эту чужбину, с другой — невольно грустно при воспоминании о том, сколько тайного и непонятого для

меня кроется в этой стране. При прощальном взгляде на этот город я не мог отказаться от смутного желания снова побывать в нем. Я только что начал привыкать к его осмысленной жизни, к обычаям и языку этого своеобразного народа. Все было оставлено на полпути или даже в самом начале» [Цыбиков, 1 1991: 199]. Замечание Г. Ц. Цыбикова о том, что в Тибете еще осталось очень много неизведанного и что он хотел бы посетить его еще раз, является актуальным и в настоящее время для всех тибетологов, буддологов, специалистов разных отраслей востоковедения, мечтающих поработать во все еще закрытом регионе.

Литература

References

- Алексеева 2010 — Алексеева П. Э. О людях и времени. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
- Алексеева P. E. About People and Time. Elista: Kalmyk Institute for Humanities (RAS), 2010. 176 p. (In Russ.)
- Андреев 2004 — Андреев А. И. Храм Будды в Северной столице. СПб.: Нартанг, 2004. 220 с.
- Andreyev A. I. Buddha's Temple in Russia's Northern Capital. St. Petersburg: Nartang, 2004. 220 p. (In Russ.)
- Андреев 2006 — Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: С.-Петербург. ун-т; Нартанг, 2006. 464 с.
- Andreyev A. I. Tibet in the Policies of Tsarist, Soviet, and Post Soviet Russia. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ.; Nartang (A. Terentiev), 2006. 464 p. (In Russ.)
- Бакаева 1997 — Бакаева Э. П. Лувсан Шарап Тепкин и его время // Шамбала. 1997. № 5–6. С. 9–17.
- Bakaeva E. P. Luvsan Sharap Tepkin and his Time. *Shambala*. 1997. No. 5–6. Pp. 9–17. (In Russ.)
- Воробьева-Десятовская 2011 — Воробьева-Десятовская М. И. Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. СПб.: Изд-во А. Голода, 2011. 248 с.
- Vorobyova-Desyatovskaya M. I. The Great Discoveries of Russian Scientists in Central Asia. St. Peterburg: A. GOLOD Publishing House, 2011. 248 p. (In Russ.)
- Дас 1904 — Дас С. Ч. Путешествие в Тибет. С 2 карт., 2 план. Лхасы, 4 литогр. картинами и 50 рис. / пер. с англ. [с введ. и] под ред. Вл. Котвича; предисл. к англ. изд.: W.W. Rockhill. СПб.: А. Ильин, 1904. XLIV, 357 с., 7 л. ил., карт.: фронт. (портр.), ил.
- Das Sarat Chandra. Travel to Tibet. V. Kotwicz (trans., intro and ed.); W. Rockhill (forword). St. Petersburg: A. Ilyin, 1904. XLIV, 357 p. (In Russ.)
- Доржиев, Кондратов 1990 — Доржиев Ж. Д., Кондратов А. М. Гомбожаб Цыбиков: [Географ и путешественник]. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. 234 с.
- Dorzhiev Zh. D., Kondratov A. M. Gombozhap Tsybikov: [Geographer and traveler]. Irkutsk: East Siberian Publishing House, 1990. 234 p. (In Russ.)
- Лхаса и главнейшие монастыри 1903 — Лхаса и главнейшие монастыри Тибета в фотографиях. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1903. 9 с., 9 л. ил.
- Lhasa and Tibet's Main Monasteries: Photographs. St. Petersburg: Tipografiya Bezobrazova, 1903. 9 p. (In Russ.)

- Митруев, Воронина 2018 — *Митруев Б. Л., Воронина Д. К.* Первый фотограф Лхасы: публикация дневника О. Норзунова «Три поездки в Лхасу (1898–1901)» (перевод Д. К. Ворониной, комментарии Б. Л. Митруева) // *Oriental Studies*. 2018. Т. 11. № 6. С. 36–72. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-36-72
- Митруев B. L., Voronina D. K. The First Photographer of Lhasa: Publication of O. Norzunov's Diary "Three Trips to Lhasa (1898–1901)" D. Voronina (trans.), B. Mitruiev (comm.). *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. Is. 6. Pp. 36–72. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-36-72 (In Russ.)
- Отчет ИРГО 1902 — Отчет ИРГО за 1901 год. СПб.: Тип. Суворина, 1902. XII, 64, 25 с.
- The 1901 Yearly Report of the Russian Imperial Geographic Society. St. Petersburg: Suvorin, 1902. XII, 64, 25 p.
- Семичов 1957 — *Семичов Б. В. Г. Ц. Цыбиков* — исследователь Тибета. Улан-Удэ: Бурят-Монгол. кн. изд-во, 1957. 56 с.
- Semichov B. V. G. Ts. Tsybikov - a researcher of Tibet. Ulan-Ude: Buryat-Mongol Publishing House, 1957. 56 p. (In Russ.)
- Цыбиков 1903 — Цыбиков Гонбожаб Цэбекович (1873–1930). О Центральном Тибете: (предвар. сообщ.). (Чит. 7 мая 1903 г. в общ. собр. ИРГО). СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1903. С. 187–218. Отд. оттиск.
- Tsybikov, Gonboczhab Tsebekovich (1873–1930). About Central Tibet: (Preliminary report): Read on May 7, 1903 in common meeting of IRGO. St. Petersburg: Tipografiya Bezobrazova, 1903, Pp. 187–218. (In Russ.).
- Цыбиков 1908 — *Цыбиков Г. Ц.* Путешествие в Лавран (Буддийский монастырь на северо-восточной окраине Тибета) // *Известия Императорского Русского географического общества*. Т. XLIV. Вып. IV. СПб.: РГО, 1908. С. 183–232. + 5 таблиц.
- Tsybikov G. Ts. Journey to Lavran (A Buddhist Monastery on the Northeastern Outskirts of Tibet). Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. XLIV. No. 4. St. Petersburg: Russian Geographical Society. 1908. Pp. 183–232. + 5 tables. (In Russ.).
- Цыбиков 1919 — *Цыбиков Г. Ц.* Буддист паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899–1902 гг. Петроград: Изд. РГО, 1919. 472 с.
- Tsybikov G. Ts. A Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet. According to the diaries kept in 1899–1902. Petrograd, 1919. 472 p. (In Russ.).
- Цыбиков 2008 — Гонбожаб Цыбиков — выдающийся ученый и путешественник. Сб. науч. ст. Вып. 1–2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. 198 с.
- Gombozhab Tsybikov — an outstanding scientist and traveler. Collection of scientific articles. Issue 1–2. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2008. 198 p.
- Цыбиков, 1 1991 — *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды. В 2 тт. 2-е изд., перераб. Т. 1: Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1991. 255 с.
- Tsybikov G. Ts. Selected Works. In 2 vol. 2nd ed., revised. Vol. 1. Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet. Novosibirsk: Nauka, 1991. 255 p. (In Russ.).
- Цыбиков, 2 1991 — *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды. В 2 тт. 2-е изд., перераб. Т. 2: О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1991. 231 с.
- Tsybikov G. Ts. Selected Works. In 2 vol. 2nd ed., revised. Vol. 2. About Central Tibet, Mongolia and Buryatia. Novosibirsk: Nauka, 1991. 231 p. (In Russ.).

- Цыдендамбаев 1976 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Изучение ономастики Бурятии и исторически связанных с ней регионов — одна из актуальных задач современного бурятоведения // Труды Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР. Вып. 26. Сер. языковед. Ономастика Бурятии. Улан-Удэ: Бур. филиал СО АН СССР, 1976. С. 3–22.
- Berry 1989 — *Berry Sc.* A Stranger in Tibet: the Adventures of a Wandering Zen Monk. Tokyo: Kodansha International, 1989. 314 p.
- Cuibikefu 1993 — *Cuibikefu.* Fojiao xiangke zai shendi Xizang (= Буддист паломник у святынь Тибета). Fanzhe: Wang Xiangjun. Lasa: Xizang renming chubanshe, 1993. 280 c.
- Cybikov 1987 — *Cybikov G. C.* Cesta krosvátným místum Tibetu. Podle deníků vedených v letech 1899 až 1902 (= Буддист паломник у святынь Тибета. Дневник 1899–1902 гг.). Praha: Vyšehrad, 1987. 373 c.
- Cybikow 1975 — *Cybikow* Gonbod zab. Buddyjsky pielgrzym w swiatyniach Tybetu: Według dziennikarowanego w latach 1899–1902 (= Буддист паломник у святынь Тибета. Дневник 1899–1902 гг.). Przełożył Ugeniusz Piotr Melech (пер. Угениша П. М.). Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1975. 284 c.
- Das 1882 — *Das Sarat Chandra.* Contributions on the Religion, History etc., of Tibet // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 1882. Vol. LI (51). Part I. 210 p.
- Das 1893 — *Das Sarat Chandra.* Indian Pandits in the Land of Snow. Calcutta: Baptist Mission press, 1893. 142 p.
- Das 1902a — *Das Sarat Chandra.* Journey To Lhasa and Central Tibet. Ed. W. W. Rockhill. 1st ed. London: John Murray (England), 1902. 285 p.
- Tsydendambaev Ts. B. The Study of Onomastics of Buryatia and Historically Related Regions is one of the Urgent Tasks of Modern Buryat Studies. Proceedings of the Buryat Institute of Social Sciences of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Vol. 26. Linguistic Series. Onomastics of Buryatia. Ulan-Ude: Bur. Branch of the SB Academy of Sciences of the USSR, 1976. Pp. 3–22. (In Russ.)
- Berry Sc. A Stranger in Tibet: the Adventures of a Wandering Zen Monk. Tokyo: Kodansha International, 1989. 314 p. (In Eng)
- Tsybikov. A Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet. W. Xiangjun (trans.). Lhasa: Xizang renming chubanshe, 1993. 280 p. (In Chin)
- Cybikov G. C. A Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet. The Diaries held in 1899–1902. Praha: Vyšehrad, 1987. 373 p. (In Czech).
- Cybikow Gonbod zab. A Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet. The Diaries Held 1899–1902. Ugeniusz Piotr Melech (trans.). Warsaw: State Publishing Institute, 1975. 284 p. (In Polish)
- Das Sarat Chandra. Contributions on the Religion, History etc., of Tibet. *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. 1882. Vol. LI (51). Part I. 210 p. (In Eng.).
- Das Sarat Chandra. Indian Pandits in the Land of Snow. Calcutta: Baptist Mission press, 1893. 142 p. (In Eng.)
- Das Sarat Chandra. Journey To Lhasa and Central Tibet. W. Rockhill (ed.). 1st edition. London: John Murray (England), 1902. 285 p. (In Eng.)

- Das 1902b — *Das Sarat Chandra, Graham Sandberg & Augustus William Heyde. A Tibetan-English Dictionary, with Sanskrit Synonyms. 1st edition. Calcutta, 1902. 398 p.*
- Das 1915 — *Das Sarat Chandra. An Introduction to the Grammar of the Tibetan Language: With the Texts of Situ sum-tag, Dag-je sal-wai melong, and Situi shal lung. Darjeeling: Branch Press, 1915. 325 p.*
- Deniker 1901 — *Deniker J. La Première Photographie de Lhasa (Photographie d'Ovché Narzounof) // La Géographie. 1901. Vol. IV (4). October. Pp. 242–247.*
- Deniker 1903 — *Deniker J. New Light on Lhasa, the forbidden City, with Photographs by Uvshe Narzunof. The Century Magazine (The Century Illustrated Monthly Magazine). New York. No. 66. August 1903. Pp. 544–554.*
- Deniker 1904 — *Deniker J. Trois Voyages a Lhasa (1898–1901) par Ovché Narzounov, elerine kalmouk. Présentés par M. J. Deniker // Le Tour du Monde. Journal des voyages et voyageurs. Paris: Library Hachette et C*, 1904. Nouvelle Serie. Vol. X. No. 19, 20: 7–14 May 1904. Pp. 217–240.*
- Gombozhab 2017 — *Gombozhab T. Tsybikov. A Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet. Vol. 42 of Brill's Tibetan Studies Library. Leiden: Brill, 2017. 306 p.*
- Kimura, Berry 1990 — *Kimura H., Berry Sc. Japanese Agent in Tibet: my Ten Years of Travel in Disguise. Chicago: Serindia Publications, Inc., 1990. 232 p.*
- Hyer, Narita 1979 — *Hyer P., Narita Ya. First Japanese to Enter Tibet // Tibet Journal. 1979. Vol. IV. No. 3. Autumn. Pp. 12–19.*
- Kawaguchi 1909 — *Kawaguchi E. Three Years in Tibet. Madras: Adyar, Theosophical Office, 1909. 719 p.*
- Kawaguchi 1926 — *Kawaguchi E. 在家仏教 (Upāsaka Bukkyō). OCLC 33780106. Tōkyō: Sekai Bunko Kankōkai, 1926. 175 p.*
- Das Sarat Chandra, Graham Sandberg & Augustus William Heyde. *A Tibetan-English Dictionary, with Sanskrit Synonyms. 1st ed. Calcutta, 1902. 398 p. (In Tib.-Eng.)*
- Das Sarat Chandra. *An Introduction to the Grammar of the Tibetan Language: With the Texts of Situ sum-tag, Dag-je sal-wai melong, and Situi shal lung. Darjeeling: Branch Press, 1915. 325 p. (In Eng.)*
- Deniker Joseph. *The First Photograph of Lhasa Ovché Narzounof (photo). La Géographie. 1901. Vol. IV (4). October. Pp. 242–247. (In French)*
- Deniker J. *New Light on Lhasa, the Forbidden City, with Photographs by Uvshe Narzunof. The Century Magazine (The Century illustrated Monthly Magazine). New York. 1903. No. 66. August. Pp. 544–554. (In Eng.)*
- Deniker J. *Trois Voyages a Lhasa (1898–1901) par Ovché Narzounov, Pélerin Kalmouk. Présentés par M. J. Deniker. Le Tour du Monde. Journal des Voyages et Voyageurs. Paris: Library Hachette et C*, 1904. Nouvelle Serie. Vol. X. No. 19, 20: 7–14 May 1904. Pp. 217–240. (In French)*
- Gombozhab Ts. Tsybikov. *A Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet. Vol. 42 of Brill's Tibetan Studies Library. Leiden: BRILL, 2017. 306 p. (In Eng.)*
- Kimura Hisao, Berry Scott. *Japanese Agent in Tibet: My Ten Years of Travel in Disguise. Chicago: Serindia Publications, Inc., 1990. 232 p.*
- Hyer Paul, Narita Yasuteru: *First Japanese to Enter Tibet. Tibet Journal. 1979. Vol. IV. No. 3. Autumn. Pp. 12–19. (In Eng.)*
- Kawaguchi Ekai. *Three Years in Tibet. Madras: Adyar, Theosophical Office. 1909. 719 p. (In Eng.)*
- Kawaguchi Ekai. *Buddhism for Lay People. OCLC 33780106. Tōkyō: Sekai Bunko Kankōkai, 1926. 175 p. (In Japan)*

- Kawaguchi 2000 — *Kawaguchi A.* Kawaguchi Ekai: Nihon saisho no Chibetto nyūkokusha // Tōkyō: Shunjūsha Edition, Shinhan, 2000 [электронный ресурс] // URL: <https://www.liveinternet.ru/users/kakula/post503711449/> (дата обращения: 14.01.2026).
- Snelling 1993 — *Snelling J.* Buddhism in Russia: the Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tzar. Shaftesbury, Dorset, Rockport, Mass, 1993. 352 p.
- Subedi 1999 — *Subedi A.* Ekai Kawaguchi: the Trespassing insider Nepal: Mandala Book Point, 1999. 175 p.
- Tsybikov 2017 — *Gombozhab T. Tsybikov A* Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet. Transl. from the Russian by P. Williams, ed. by M. Sollins. Leiden; Boston: Brill, 2017. 281 p.
- Younghusband 1910 — *Younghusband F.* India and Tibet. London: Courier Corporation, 1910. 455 p.
- Zumoto 2004 — *Zumoto M.* Nanjio Bunyiu. His life and work // Pacific World. 2004. III. No. 6. Pp. 128–134.
- Kawaguchi Akira. Kawaguchi Ekai: The first Japanese who Visited Tibet. Tōkyō: Shunjūsha Edition, Shinhan, 2000. Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/kakula/post503711449/> (accessed: 14 January 2026). (In Japan)
- Snelling, John. Buddhism in Russia: the Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tzar. Shaftesbury, Dorset, Rockport, Mass, 1993. 352 p. (In Eng.).
- Subedi A. Ekai Kawaguchi: the Trespassing Insider. Nepal: Mandala Book Point, 1999. 175 p. (In Eng.)
- Gombozhab T. Tsybikov. A Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet. P. Williams (trans.) M. Sollins (ed.). Leiden; Boston: Brill, 2017. 281 p. (In Eng.)
- Younghusband F. India and Tibet. London: Courier Corporation, , 1910. 455 p. (In Eng.)
- Zumoto M. Nanjio Bunyiu. His Life and Work. *Pacific World*. 2004. III. No. 6. Pp. 128–134.

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 18, Is. 1, pp. 141–154, 2026
 DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-141-154

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК / UDC 78-06

Письма Р. А. Иванова Н. Ф. Финдейзену (1911–1914): к истории изучения традиционной бурятской музыкальной культуры

Елена Андреевна Михайлова¹

Letters from R. A. Ivanov to N. F. Findeisen (1911–1914): on the History of the Study of Traditional Buryat Musical Culture

Elena A. Mikhailova¹

¹ Российская национальная библиотека (д. 18, ул. Садовая, Санкт-Петербург 191069, Российская Федерация)

кандидат искусствоведения, заведующий сектором

National Library of Russia (18, Sadovaya St., St. Petersburg, 191069, Russian Federation)

Cand. Sc.(Art History), Head of the sector

 0000-0002-4322-5117. E-mail: elena.mihailova[at]inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2026

© Михайлова Е. А., 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Mikhailova E. A., 2026

Аннотация. *Введение.* Рафаил Александрович Иванов (1869–1915) — крупный музыкальный деятель начала XX в., с 1900 г. по 1915 г. живший в Иркутске и оказавший большое влияние на развитие и изучение музыкальной культуры Сибири: он был одним из организаторов и директоров частной музыкальной школы, композитором, педагогом фортепиано и музыкально-теоретических дисциплин, лектором, просветителем, музыкальным критиком, музыкальным этнографом, фотографом. *Цель* статьи — ввести в научный оборот новые архивные документы, которые раскрывают наименее исследованную область деятельности Р. А. Иванова: изучение им бурятской традиционной музыкальной культуры, для чего в 1909–1914 гг. было совершено несколько этнографических экспедиций. Кроме того, это первые документы личного происхождения, относящиеся к музыканту. *Материалом* для исследования послужили письма Р. А. Иванова к редактору «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдейзену за 1911–1914 гг., хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, а также публикации статей Р. А. Иванова музыкально-этнографического содержания в периодической печати. *Результаты.* Анализ писем показал, что документы являются значимыми источниками в двух исследовательских направлениях: в раскрытии новых фактов и уточнении уже известных сведений биографии Р. А. Иванова (одно из писем даже включает краткую автобиографию), а также в изучении его экспедиционной деятельности. Р. А. Иванов стал первым музыкантом-профессионалом, совершившим ряд экспедиций в коренную бурятскую местность с целью проанализировать бурятскую традиционную музыкальную культуру как целостное явление, включающее народную и религиозную му-

зыку, вокальную и инструментальную. Результаты экспедиций и наблюдений, сделанных в том числе на этнографических вечерах, отразились в печатных статьях; письма же раскрывают ход музыкально-этнографической работы, сложности, возникавшие в процессе изучения традиционной музыки бурят. Кроме того, документы описывают участие Р. А. Иванова в формировании коллекции инструментов Н. Ф. Финдейзена.

Ключевые слова: бурятская музыкальная культура, традиционная музыка, Иркутск, Р. А. Иванов, Н. Ф. Финдейзен, начало XX в., архивный документ, эпистолярный, автобиография, этнография

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Возникновение и развитие автобиографической традиции в русской письменной культуре конца XVI – начала XX в. в контексте изучения изменений в сознании человека эпохи Нового времени» (№ 22–78–10135П).

Для цитирования: Михайлова Е. А. Письма Р. А. Иванова Н. Ф. Финдейзену (1911–1914): к истории изучения традиционной бурятской музыкальной культуры // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 141–154. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-141-154

Abstract. Introduction. Rafail Aleksandrovich Ivanov (1869–1915) was a prominent musical figure of the early 20th century, who lived in Irkutsk from 1900 to 1915 and had a significant impact on the development and study of Siberian musical culture. He was one of the founders and directors of a private music school, a composer, a piano teacher and a music theorist, a lecturer, an educator, a music critic, a musical ethnographer, and a photographer. *The purpose* of this article is to introduce new archival documents into scientific circulation that reveal the least studied area of R. A. Ivanov's work: the study of Buryat traditional musical culture, for which he conducted several ethnographic expeditions in 1909–1914. Additionally, these are the first personal documents related to the musician. *Materials.* Letters from R. A. Ivanov to the editor of the *Russkaya Muzykalnaya Gazeta*, N.F. Findeisen, from 1911 to 1914, which are stored in the Department of Manuscripts at the National Library of Russia, as well as Ivanov's articles on music and ethnography in periodicals. *Results.* The analysis of the letters has shown that the documents are significant sources in two research areas: the discovery of new facts and the clarification of previously known information about R. A. Ivanov's biography (one of the letters even includes a brief autobiography), as well as the study of his expeditionary activities. R. A. Ivanov was the first professional musician to conduct a series of expeditions to the indigenous Buryat region in order to discover and analyze the Buryat traditional musical culture as a holistic phenomenon that includes folk and religious music, as well as vocal and instrumental music. The results of the expeditions and observations made at the ethnographic evenings were reflected in the printed articles; the letters reveal the course of the musical and ethnographic work, as well as the difficulties that arose during the study of traditional Buryat music. In addition, the documents reveal R. A. Ivanov's involvement in the formation of the collection of instruments by N. F. Findeisen.

Keywords: Buryat musical culture, traditional music, Irkutsk, R. A. Ivanov, N. F. Findeisen, early 20th century, archival document, epistolary, autobiography, ethnography

Acknowledgments. The study was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10135П “The emergence and development of the autobiographical tradition in the Russian written culture of the late 16th – early 20th centuries in the context of studying changes in the consciousness of a person of the Modern era”.

For citation: Mikhailova E. A. Letters from R. A. Ivanov to N. F. Findeisen (1911–1914): On the History of the Study of Traditional Buryat Musical Culture. *Mongolian Studies*

(Elista). 2026. Vol. 18. Is. 1. Pp. 141–154. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-141-154

1. Введение

Рубеж XIX–XX вв. — время активного развития музыкальной культуры «нестоличной» России. Огромную роль в этом сыграло Русское музыкальное общество (с 1873 г. — Императорское русское музыкальное общество, далее — ИРМО): открывая свои отделения, оно способствовало как развитию концертной деятельности, так и установлению профессионального музыкального образования в регионах [Зима 2014б: 94–99]. С середины 1870-х гг. отделения ИРМО появляются в Сибири: первое отделение было открыто в 1874 г. в г. Нерчинске, затем в гг. Омске (1876 г.), Тобольске (1878 г.), Томске (1879 г.), Иркутске (1901 г.)¹ [Пыльнева 2019: 156; МКС 1997: 71]. Концертная и учебная деятельность в этих городах стала основой для подъема и развития музыкально-театральной жизни Сибири и в послереволюционные 1920-е гг. [Вьюхина 2012; Сотникова 2009; Соскин 2006; Литвинова 2005].

Крайне важную роль в развитии музыкальной культуры сибирского региона играли и открывшиеся в России консерватории: в 1862 г. — Петербургская, в 1866 г. — Московская. Их выпускники, профессиональные музыканты, обеспечивали высокий уровень исполнительского мастерства и учебного процесса не только в центре страны: отправляясь в дальние от столиц города, они принимали активное участие в развитии их музыкально-театральной культуры. Конечно, невероятно яркие впечатления оставляли гастрольные выступления музыкантов, как зарубежных, так и российских: так, четыре концерта с оркестром, данные солисткой Императорских театров певицей Д. М. Леоновой в Нерчинске в 1875 г., стали «грандиозным событием в ряду балов, маскарадов, литературно-музыкальных гостиных» [Зима 2014а: 74]. Однако представляется, что гораздо более весомый вклад вносили музыканты, переезжавшие после окончания консерватории в Сибирь и бравшие на себя труд педагогов, концертирующих исполнителей, музыкальных критиков и даже исследователей. Один из таких деятелей — выпускник Санкт-Петербургской консерватории Рафаил Александрович Иванов (1869–1915 гг.).

2. Рафаил Александрович Иванов (1869–1915 гг.)

Имя Р. А. Иванова упоминается в базовых работах по истории музыкальной культуры Иркутска и Сибири рубежа XIX–XX в.: прежде всего, это исследование И. Ю. Харкеевич «Музыкальная культура Иркутска», где основные сведения о музыканте собраны в разделе «Персоналии» [Харкеевич 1987: 254–255], а также фундаментальный труд «Музыкальная культура Сибири» [МКС 1997]. В 2024 г. вышла развернутая статья И. А. Колокольникова «Значение творческой деятельности Р. А. Иванова в музыкальной жизни Иркутска начала XX века», в которой собрана вся известная информация о Р. А. Иванове и его деятельности в Иркутске, а также приведены новые свидетельства из печатных источников и материалов из архивохранилищ Иркутска и Кирова [Колокольников 2024: 37–48].

Р. А. Иванов приехал в Иркутск в 1900 г. и оставался здесь до конца жизни. Выбор пал на этот город не случайно: в появлении профессиональных музы-

¹ В целом о сибирских отделениях ИРМО см.: [Пыльнева 2019; МКС 1997: 70–115].

кальных образовательных учреждений и в подъеме художественной жизни региона в целом петербургские музыканты сыграли особенно значимую роль. А. Ю. Гинита-Пилсудский — инициатор создания школы, в которую получил приглашение музыкант, — был также выпускником Санкт-Петербургской консерватории. С того же года, помимо работы в школе, Р. А. Иванов преподавал в институте императора Николая I (бывшем Девичьем институте), а также возглавлял музыкальный отдел газеты «Восточное обозрение» (позже — заменившей ее «Сибири») [Харкеевич 1987: 88].

А. Ю. Гинита-Пилсудский вскоре выступил инициатором создания в Иркутске отделения Императорского русского музыкального общества: оно открылось летом 1901 г., а с сентября заработали Музыкальные классы Иркутского отделения ИРМО, преподавателями которых стали педагоги школы А. Ю. Гиниты-Пилсудского, в том числе и Р. А. Иванов [Колокольников 2024: 40]. Однако из-за ряда проблем через несколько лет возникла потребность в появлении заведения другого типа. Им стала частная музыкальная школа, открытие которой состоялось 1 сентября 1905 г. Школу возглавили три выдающихся музыканта, вышедших из педагогического состава Музыкальных классов Иркутского отделения ИРМО. Все трое — выпускники Санкт-Петербургской консерватории: Е. Г. Городецкая (пианистка; класс А. Г. Рубинштейна), М. Н. Синицын (скрипач, класс П. А. Краснуцкого, ученика Л. Ауэра [Колокольников 2024: 40]) и Р. А. Иванов (класс Н. А. Римского-Корсакова).

В новообразованной школе нагрузка Р. А. Иванова была огромна: он «вел большой класс специального фортепиано, теоретические дисциплины (теорию музыки, первую и вторую гармонию, сольфеджио, контрапункт, музыкальную энциклопедию, иначе — анализ музыкальных произведений), историю музыки и до 1912 г. руководил школьным хором. В обязанности Р. А. Иванова входило также систематическое устройство в школе лекций-концертов, посвященных различным композиторам» [Харкеевич 1987: 119]. По наблюдениям И. А. Колокольникова, программы этих концертов по объему существенно превосходили мероприятия, устраиваемые современным музыкальным колледжем г. Иркутска [Колокольников 2024: 41–42].

Однако значение деятельности Р. А. Иванова выходит далеко за пределы заслуг директора и учителя школы. В концертах он выступал не только как исполнитель — дирижер хора и пианист, — но и как композитор. Огромна его заслуга как музыкального критика: он рецензировал почти все иркутские концерты и спектакли, публиковал музыковедческие статьи к предстоящим постановкам оперных произведений, делал обзоры музыкальной жизни Иркутска, обращался к отдельным сюжетам из истории русской музыки в целом (подробный обзор музыкально-критической деятельности Р. А. Иванова: [Колокольников 2024: 42–45; МКС 1997: 370–383]).

Таким образом, Р. А. Иванов стал значительной фигурой в формировании академической музыкальной культуры «столицы» Восточной Сибири — Иркутска. Но была еще одна область его деятельности, значимая не только для города, но и для истории изучения музыки Сибири и ее коренных народов: в течение нескольких лет он исследовал бурятскую музыкальную культуру. Об этнографическом направлении работы Р. А. Иванова в историографии лишь упоминается, и за недостатком информации оно остается нераскрытым.

3. Из истории изучения бурятской музыкальной культуры

Сведения о бурятском фольклоре появляются в записках путешественников начиная с XVIII в. Целенаправленное изучение бурятской народной культуры в целом, отдельных традиций и жанров началось в конце XIX – начале XX в., главным образом, благодаря активной работе Русского географического общества ([Потанин 1883; Кроль 1894; Шагдарон, Очиров 1909; и др.]). В этих трудах акцент сделан на общей характеристике обрядовой культуры, музыкальная же составляющая минимальна: как правило, это лишь упоминание о факте пения песен. Иногда встречаются детали, уточняющие жанр песен или особые обстоятельства их исполнения. Так, описывая обряд идинских бурят, совершаемый для рождения в семье детей, Г. Н. Потанин сообщает о пении шаманом гимна медведю [Потанин 1883: 28]. Этнограф также упоминает, что во время свадебного обряда телеутов свадебные песни поют сваты и сватьи, а не девицы [Потанин 1883: 30], а во время камланья шамана нередко можно услышать хоровое пение [Потанин 1883: 64]. При описании свадебного обряда забайкальских бурят М. А. Кроль уточняет: *«Специально свадебных песен нам не привелось слышать, может быть оттого, что таких нет; впрочем, некоторые из слышанных нами песен отчасти подходили к случаю»* [Кроль 1894: 61], и здесь же указывает на хвалебный характер песни, которую певцы поют перед распорядителем во время предсвадебного ужина [Кроль 1894: 61].

В отношении музыкальных инструментов этнографов интересуют, главным образом, те инструменты, что используют шаманы. Так, можно увидеть довольно пространное описание шаманского бубна с точки зрения его внешнего вида, элементов, из которых состоит бубен — но при этом нет характеристики звучания. Часто упоминаются и колокольчики, привязанные к шаманской трости. Г. Н. Потанин также пишет про *«железный инструмент, который вкладывается в рот»* [Потанин 1883: 52] — хур.

Таким образом, до начала XX в. труды, посвященные бурятскому фольклору, принадлежат ученым-этнографам, филологам, монголоведам. Что касается нотной записи бурятских песен, то первая известная запись была опубликована в 1741 г. немецким путешественником И.-Г. Гмелиным, в середине XIX в. сыном английского миссионера И. С. Сталибрасом записаны 10 бурятских народных песен, а в 1909 г. А. Д. Руднев опубликовал 17 народных песен бурят [Дашиева 2018: 31, 33]. Правда, записаны эти песни были А. Д. Рудневым у калмыцких студентов в Санкт-Петербурге [Алексеева 1998: 77].

Первым профессиональным музыкантом, обратившимся к изучению бурятской музыки, совершавшим для этого музыкально-этнографическое экспедиции, стал Р. А. Иванов. Результат его исследований представлен в большой статье «Среди бурят Иркутской губернии (впечатления от их народной и религиозной музыки)», опубликованной в «Русской музыкальной газете» в 1914 г. [Иванов 1914]. Работа стала итогом нескольких поездок в глубь губернии к границе с Монголией, главной целью которых было собрать музыкально-этнографический и фотографический материал (Р. А. Иванова хорошо знали и как фотографа; с 1912 г. по 1915 г. он был председателем Иркутского фотографического общества). Р. А. Иванов описывает сольные и хоровые народные песни, их ладовую и ритмическую структуру, обстоятельства и тембровые особенности исполнения; рассматривает религиозную музыку — как шаманскую, так и музыку бурят—

буддистов; тщательно описывает все инструменты, особенно богослужебные, составляющие целый оркестр. Статья содержит не только фотографии, но и нотные записи некоторых сольных и хоровых напевов, а также инструментальных наигрышей. Автор упоминает и о наличии нотации богослужебной музыки бурят-буддистов, напоминающей западную невменную систему и по внешнему виду, и по назначению. Сравнивая же звучание бурятской музыки на этнографических вечерах, проводимых в городе, и «в степях», на «подлинном фоне», Р. А. Иванов делает вывод, что настоящее пение, конечно, возможно только «на свободе», поскольку ритуал, в том числе и его музыкальная составляющая, неразрывно связан с природой и только в природе возникает целостная картина. Кроме того, городское исполнение по наблюдениям музыканта испытывает явное влияние гармонической европейской музыки и сильно отличается от «природного».

Интересует Р. А. Иванова не только бурятская музыка, но и ее сопоставление с монгольской музыкальной культурой; некоторые наблюдения в этом отношении были им высказаны в одном из опубликованных очерков [Иркутск 1914]. Сделав анализ произведенных записей, Р. А. Иванов приходит к выводу, что монгольская песня гораздо более развитая в мелодическом отношении, чем бурятская, ее *«мелодический рисунок очень богат и своеобразен: на всем объеме человеческого голоса он свободно и прихотливо извивается и скачет, как по широкой степи всадник»* [Иркутск 1914]. Автор предполагает, что более серьезное музыковедческое исследование монгольской песни обнаружит близкое сходство с русской песней, что выявит глубинную историческую связь монгольского и русского народа.

4. Материалы

До сегодняшнего момента всю информацию об этнографических исследованиях Р. А. Иванова можно было почерпнуть лишь из опубликованных в периодической печати статей. В поле зрения исследователей не было материалов, освещающих ход его этнографической работы, дающих представление о вопросах, которые особенно его интересовали, и проблемах, с которыми он сталкивался. Однако в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки сохранились документы, раскрывающие эту страницу биографии Р. А. Иванова и — шире — страницу в истории изучения народной бурятской музыки.

5. Письма Р. А. Иванова Н. Ф. Финдейзену

Речь идет о комплексе писем Р. А. Иванова к основателю, издателю и редактору «Русской музыкальной газеты» Николаю Федоровичу Финдейзену (1868–1928) за период 1911–1914 гг. [Письма 1911–1914] — период работы над статьей «Среди бурят Иркутской губернии». Всего писем семь: первое письмо датировано 18 сентября 1911 г., последнее — 29 сентября 1914 г. В единице хранения находятся также 2 вырезки из газеты «Сибирь»: с рецензией Р. А. Иванова на концерт артиста Императорской русской оперы А. М. Давыдова и балалаечника Б. С. Трояновского [Письма 1911–1914: Л. 6] (рецензия была приложена к письму от 14 мая 1912 г.) и с информацией о смерти Р. А. Иванова [Письма. Л. 16]. Кроме того, здесь же сохранилась фотография иркутского корреспондента с подписью рукой Н. Ф. Финдейзена: «Р. А. Иванов † 22 янв[аря] 1915 г.

в Иркутске» ([Письма 1911–1914: Л. 15]; фото 1). Нужно также уточнить, что письма в архивной единице расположены не в хронологическом порядке.

Будучи редактором крупнейшего музыкального издания в России, Н. Ф. Финдейзен вел обширнейшую переписку с музыкантами со всей страны. Полученные послания он сохранял в своем архиве. В 2013 г. М. Л. Космовской были опубликованы дневники Н. Ф. Финдейзена за 1909–1914 гг., где среди прочих упоминаются и письма Р. А. Иванова [Финдейзен 2013: 38]. М. Л. Космовская подчеркивает огромную значимость всей корреспонденции Н. Ф. Финдейзена из нестоличных городов: «публикация писем из финдейзеновского архива могла бы стать новым стимулом для работы по восстановлению так мало еще изученных страниц прошлого музыкальной жизни русской провинции» [Финдейзен 2013: 38]. В комментариях к дневникам публикатор использовала фрагмент одного из документов. Как комплекс письма Р. А. Иванова к Н. Ф. Финдейзену вводятся в научный оборот впервые в настоящей статье.

Эти письма важны и с точки зрения представления источника личного происхождения в отношении Р. А. Иванова, ведь до настоящего времени о его деятельности знали по его многочисленным публикациям в печати, сохранившимся программкам с концертов, организованных им (из фонда М. Н. Синицына, Центральный государственный архив Кировской области), личному делу, сохранившемуся в Государственном архиве Иркутской области [Харкевич 1987; Колокольников 2024]. Мемуары, автобиографии, эпистолярии музыканта в историографии не фигурировали.

Фрагмент одного из первых посланий, адресованных к Н. Ф. Финдейзену, можно рассматривать как краткую автобиографию, что является очень значимым источником при отсутствии других опубликованных материалов автобиографического характера. Р. А. Иванов представляет себя адресату: «Так как Вы меня знать не знаете, то я позволю себе — так сказать — рекомендоваться. По профессии я преподаватель музыки — главным образом фортепиано, а затем теории и частью истории музыки. Окончил в 1900 г. СПб. Консерваторию по

Фото 1. Рафаил Александрович Иванов. Фотопортрет [ОР РНБ. Ф. 816. № 1405. Л. 15]

[Foto 1. Rafail Aleksandrovich Ivanov. Photoportrait]

классу специальной теории (теории композиции) у покойного ныне Н. А. Римского-Корсакова, у которого состоял учеником с 1896 г. До того времени с 1891 занимался в СПб. музыкальной школе по специаль[ому] фортепиано тоже у покойного сейчас К. Я. Лютиш. С 1900 г. тотчас по окончании консерватории судьба забросила в Иркутск, где и подвизаюсь вот уже 12 лет на поприще насаждения музыки и понятий о ней. Как-то с первого же года пребывания в Иркутске получил предложение рецензировать в почившем в 1905 г. „Восточном обозрении“ — иркутской газеты, стяжавшей в свое время славную о себе память, а потом, несмотря на всю неохоту подвизаться на поприще рецензента, ибо кроме недругов, ничего доброго не приобретешь этим занятием, и потом — все же приходится держаться лучших местных органов» [Письма 1911–1914: Л. 5]. Этот фрагмент важен в биографическом плане: он уточняет некоторые даты — например, год поступления Р. А. Иванова в Санкт-Петербургскую музыкальную школу, время начала обучения у Н. А. Римского-Корсакова, время начала работы в газете «Восточное обозрение» (музыковеды предполагали его сотрудничество в издании, опираясь на косвенные факты — см. [Харкеевич 1987: 88]). Однако фрагмент свидетельствует и о профессиональных приоритетах автора письма. Об этнографической деятельности он не пишет вовсе, что вполне логично — это главный вопрос, обсуждаемый в письмах.

Корреспонденты не были знакомы лично. В 1911 г. Р. А. Иванов отправил Н. Ф. Финдейзену свою заметку об одном этнографическом вечере, состоявшемся в Иркутске. Заметка была опубликована в газете «Сибирь». Н. Ф. Финдейзену она понравилась, и вскоре он поместил ее в один из номеров «Русской музыкальной газеты» в раздел «Периодическая печать о музыке» [Музыка бурят 1911], предложив при этом автору написать обширную статью по бурятской музыке. Самое первое послание Р. А. Иванова к Н. Ф. Финдейзену не сохранилось, но свидетельство о таком начале общения нашло отражение в первом же письме из рассматриваемого блока документов, в котором, среди прочего, Р. А. Иванов пообещал Н. Ф. Финдейзену написать «обстоятельный очерк» с музыкальными примерами и фотографиями [Письма 1911–1914: Л. 1].

Интерес Р. И. Иванова к бурятской музыке начался еще в 1909 г. Информация об этом есть в статье «Среди бурят Иркутской губернии» («Только лет пять тому назад случайно пришлось заехать в глухой уголок в сторону от Байкала по тункинскому почтовому тракту и прожить лето в одном из выселков, заброшенных среди гор, лесов и рек» [Иванов 1914: 376], она же подтверждается и в письме от 14 мая 1912 г. («пользуюсь случаем за последние 3 года, забравшись в глушь поближе к инородцам, именно тункинским бурятам, кое-что понаблюдать») [Письма 1911–1914: Л. 4]). В этом же документе Р. А. Иванов поясняет, почему совершает свои экспедиции только в летние месяцы: в остальное время огромна его педагогическая нагрузка.

В документах содержится много сведений о планах и результатах экспедиций. В письме от 11 мая 1911 г. музыкант сообщает, что хочет ехать «в самое сердце бурят-буддистов»: «Это лето я собирался использовать исследованием и наблюдением бурятской народной музыки и отчасти богослужебной буддийской, ибо наметил провести лето в Тункинском крае на Аршане (новый курорт), в коренной бурятской местности. Верстах в 40 будут происходить бурятские народные празднества (тайлаганы), где удастся — Бог даст — много чего

понаблюдать, послушать, позаписать и пофотографировать, и в таком же расстоянии есть — правда, небольшой — буддийский дацан (монастырь), где хочу завести знакомство с ширетум (настоятелем), иначе многие таинства — говорят — останутся для меня сокрытыми» [Письма 1911–1914: Л. 1–1об.]. В следующем году планирует пойти еще дальше: «Полагаю, что этим летом я набреду на что-либо более существенное в музык[альном] отношении, ибо подумываю пробраться к границам Монголии, где народ более музыкален, нежели тункинские буряты, подпавшие, кстати, под влияние монголов (кажется!)» [Письма 1911–1914: Л. 4–4об.]. Окончив статью, пишет о планах на лето 1914 г.: «Это лето, если буду жив, здоров, имею в виду поскитаться опять среди бурят тункинского ведомства и может быть заглянуть за Байкал в Гусиноозерский Дацан на время религиозного праздника Цам» [Письма 1911–1914: Л. 7 об.]; в одном из следующих писем дополняет: «а осенью съезжу вероятно к соседним по Иркутску — к аларским бурятам — более, видимо, музыкальным; кстати, удастся может быть продолжить наблюдение над пением в аларском дацане, особенности которого являются для меня сейчас загадкой» [Письма 1911–1914: Л. 12].

Одним из важных вопросов, связанных с бурятской музыкой, оказался вопрос о народных музыкальных инструментах. «Я живу 11 лет в Иркутске и ничего еще не слышал о бурятских народных инструментах, не видел я их и в местном музее Геогр[афического] общ[ества], обладающем богатой коллекцией инородческих муз[ыкальных] инструментов», — пишет Р. А. Иванов Н. Ф. Финдейзену в 1911 г. [Письма 1911–1914: Л. 1об.]. В мае 1912 г. он приходит к выводу, что инструменты у бурятского народа вовсе отсутствуют: «по крайней мере ни мои личные розыски по улусам, ни расспросы не дали следов на их существование» [Письма 1911–1914: Л. 4–4об.]. Но удача сопутствовала исследователю, поскольку в письме от 10 февраля 1914 г. Р. А. Иванов сообщает, что высылает Н. Ф. Финдейзену фотографические снимки народных музыкальных инструментов. Благодаря публикации дневников редактора «Русской музыкальной газеты» можно точно сказать, сколько было этих снимков. В записи от 22 февраля 1914 г. Н. Ф. Финдейзену указано: «Получил от Р. Иванова из Иркутска 10 любопытных снимков бурятских муз[ыкальных] и шаманских инструментов» [Финдейзен 2013: 164]. Местонахождение фотографий в настоящее время не известно.

Очень содержательно в этом отношении письмо от 3 апреля 1914 г. Р. А. Иванов рассказывает об одном из прошедших этнографических вечеров: «4-ый этнографический вечер сделал откровение не только мне, но и самим бурятам в вопросе о существовании у них **народных** музык[альных] инструментов: понаслышке я знал о существовании у них струнного инстр[умента] (хур) и дер[евянного] духового — рода флейты (эмбэ); буряты имели возможность видеть и слышать хур, что же касается эмбэ, то даже буряты (говорю об интеллигентных), как и я, только знали понаслышке о нем, ибо инструмент этот сохранился в глухих местах у заимочных бурят (заимка — род хутора), в улусах же (селениях) теперь не встречается. И вот вечер дал нам возможность и видеть, и слышать этот эмбэ, а я являюсь даже счастливым обладателем двух видов его в двух экземплярах <...>. Напали на следы существования еще третьего рода инструментов (глиняных)» [Письма 1911–1914: Л. 11–11об.].

В последнем из писем этого комплекса, от 29 сентября 1914 г., Р. А. Иванов с радостью рассказывает о результатах летней экспедиции — последней, совершенной им: «...я наткнулся-таки на бурятскую инструментальную музыку (народную!), сделал записи, фотографии, приобрел самые инструменты; был опять в дацане, сделал новые записи богослужебных напевов, получил удачные снимки с общего расположения оркестра» [Письма 1911–1914: Л. 9].

Самого Н. Ф. Финдейзена тема музыкальных инструментов волновала не только в связи с бурятской музыкой и статьей Р. А. Иванова, а гораздо шире, ведь он был известным коллекционером в этой области. Скорее всего, он просил своего иркутского корреспондента раздобыть какой-то особенный местный инструмент для своей коллекции. В одном из писем Р. А. Иванов сообщает, что перешлет ему якутский музыкальный инструмент, находящийся «в большом распространении у кочевых народов (калмыков и др.): железная упругая пластинка в оправе кольцеобразной формы (губная гармоника)» [Письма 1911–1914: Л. 4об.]. Вероятно, специальный вопрос Н. Ф. Финдейзена касался возможности покупки богослужебных инструментов. «Что касается инструментов богослужебного обихода буддистов, — пишет Р. А. Иванов, — то они изготавливаются в Урге специально для монастырей (дацанов); при некоторых хлопотах возможно их приобрести, но цена относительно довольно высокая, т. н. длинная 5-ти или 6 аришинная складная труба (Ухэр-бурэ) оценивалась в Кыренском дацане, где я наводил справки, от 60 р[ублей]; прочие инструменты дешевле; но весь их набор конечно обойдется 2–3 сотни рублей» [Письма 1911–1914: Л. 4об.].

В последнем письме, отправленном Н. Ф. Финдейзену, Р. А. Иванов сообщает о приобретенных для его коллекции народных инструментах бурят: «Для Вашей коллекции я приготовил хур однострунный (скрипка), флейту (эмбэ) тростниковую и деревянную, но к сожалению не мог найти в городе мастера, который бы исправил ей строй; но летом я докопался до строя звукоряда и — думаю — что в Петрограде любой мастер с успехом переставит дырочки, если это Вам понадобится» [Письма 1911–1914: Л. 14]. Удалось ли отправить эти инструменты Н. Ф. Финдейзену — неизвестно.

6. Заключение

Р. А. Иванов, будучи музыкантом-профессионалом, рассматривал бурятскую традиционную музыкальную культуру во всей полноте. Принципиальное разделение на народную и богослужебную музыку отразилось на структуре его главной этнографической статьи, первая часть которой «Народная песня» была опубликована в одном номере «Русской музыкальной газеты» [Иванов 1914: 376–381], вторая часть — «Религиозная музыка» — в другом [Иванов 1914: 407–417]. Его интересовала музыка как вокальная (одноголосная и хоровая), так и инструментальная. Главным предметом его исследования стала не общая обрядовая ситуация, а музыкальная характеристика звучания, воздействие на слушателей определенных мелодических и ритмических формул, поиск и описание народных и богослужебных инструментов, рассмотрение феномена богослужебного оркестра. В очерке, посвященном одному этнографическому вечеру, Р. А. Иванов выходит за пределы характеристики только лишь бурятской музыки и на основе ладового анализа делает предварительные выводы от сопоставления ее с монгольской.

Результаты его этнографических исследований отражены в печатных источниках, однако цели, которые ставил Р. А. Иванов перед каждой экспедицией, трудности, возникавшие в его работе, сопровождавшие обстоятельства раскрываются в личных документах, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки — письмах музыканта к Н. Ф. Финдейзену. Кроме того, специалисты упоминают и о фольклорном материале, собранном Р. А. Ивановым в экспедициях и ныне хранящемся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН [Дашиева 2009: 4]. В Иркутском областном краеведческом музее сохранился его фотоальбом «Тункинский край. Местность. Типы бурят, их религиозный быт» со снимками 1912 г., выполненными во время экспедиций [Фотоальбом 1912]. Представляется, что фигура Р. А. Иванова, ныне привлекающая внимание исследователей в контексте развития академической музыкальной культуры в Иркутске начала XX в., требует специального исследования в ракурсе этнографической деятельности и изучения его наследия в комплексе — как печатных источников, так и рукописных документов, в том числе фотоархива.

Источники

- Иванов 1914 — *Иванов Р. А.* Среди бурят Иркутской губернии (впечатления от их народной и религиозной музыки) // Русская музыкальная газета. 1914. № 14–15. Стб. 376–381 (I. Народная музыка); № 16. Стб. 407–417.
- Иркутск 1914 — Иркутск // Русская музыкальная газета. 1914. № 36–37. Стб. 715.
- Музыка бурят 1911 — Музыка бурят // Русская музыкальная газета. 1911. № 22–23. Стб. 501–504.
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Письма 1911–1914 — *Иванов Р. А.* Письма (7) Н. Ф. Финдейзену (1911–1914, Иркутск) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 816. № 1405. 16 л.

Sources

- Ivanov R. A. Among the Buryats of the Irkutsk Province (impressions of their folk and religious music). *Russkaja Muzykal'naja Gazeta*. 1914, No. 14–15. Pp. 376–381; No. 16. Pp. 407–417. (In Russ.)
- Irkutsk. *Russkaja muzykal'naja gazeta*. 1914. № 36–37. Pp. 715. (In Russ.)
- Buryat Music. *Russkaja Muzykal'naja Gazeta*. 1911. No. 22–23. Pp. 501–504. (In Russ.)
- MD RNL — the Manuscripts Department of the Russian National Library
- Ivanov R. A. Letters (7) to N. F. Findeisen (1911–1914, Irkutsk). In: Department of Manuscripts of the Russian National Library (DM NLR). F. 816. No. 1405. 16 p. (In Russ.)

Литература

- Алексеева 1998 — *Алексеева П. Э.* Андрей Руднев и музыкальный фольклор калмыков // Свет в степи. 1998. № 6. С. 76–81.

References

- Alekseeva P. Je. Andrey Rudnev and Kalmyk Musical Folklore. *Svet v Stepi*. 1998. No. 6. Pp. 76–81. (In Russ.)

- Вьюхина 2012 — *Вьюхина М. В.* Театральная жизнь Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1919 гг.) // *Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3.* Новосибирск: Параллель, 2012. С. 80–101.
- Дашиева 2009 — *Дашиева Л. Д.* Бурятский круговой танец ёхор: историко-этнографический, ладовый, ритмический аспекты. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. 210 с.
- Дашиева 2018 — *Дашиева Л. Д.* Обрядовая песенная традиция западных бурят: дисс. ... д-ра искусствоведения. Владивосток, 2018. 452 с.
- Зима 2014а — *Зима Т. Ю.* Томское отделение Императорского русского музыкального общества как социокультурный феномен Сибири конца XIX – начала XX в. // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2014. № 2(28). С. 74–79.
- Зима 2014б — *Зима Т. Ю.* Императорское русское музыкальное общество в образовательном пространстве российских провинций (кон. XIX – нач. XX в.) // *Образование и общество.* 2014. № 2(85). С. 94–99.
- Колокольников 2024 — *Колокольников И. А.* Значение творческой деятельности Р. А. Иванова в музыкальной жизни Иркутска начала XX века // *АРТЕ.* 2024. № 3. С. 37–48.
- Кроль 1894 — *Кроль М. А.* Брачные обряды и обычаи у забайкальских бурят // *Известия Восточно-Сибирского Отдела ИРГО Т. XXV.* Иркутск, 1894. № 1. С. 54–87.
- Литвинова 2005 — *Литвинова О. А.* Власть и театральная культура в сибирской провинции в годы нэпа (1921–1928 гг.). Барнаул: Аз Бука, 2005. 218 с.
- V'juhina M. V. Theatrical Life in Siberia during the Revolution and the Civil War (1917–1919). *Power and Society in Siberia in the 20th Century.* 2012. No. 3. Pp. 80–101. (In Russ.)
- Dashieva L. D. Buryat Circular Dance of Yokhor: Historical and Ethnographic, Fret, and Rhythmic Aspects. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2009. 210 p. (In Russ.)
- Dashieva L. D. The Ceremonial Song Tradition of the Western Buryats: Dr. Sc. (Art History) Thesis. Vladivostok, 2018. 452 p. (In Russ.)
- Zima T. Ju. Tomsk Branch of the Imperial Russian Musical Society as a Socio-cultural Phenomenon in Siberian in the Late 19th – early 20th Centuries. *Tomsk State University Journal of History.* 2014. No. 2 (28). Pp. 74–79. (In Russ.)
- Zima T. Yu. Imperial Russian Musical Society in the Educational Space of the Russian Provinces (the end of 19th – the beginning of the 20th century). *Education and Society.* 2014. No. 2(85). Pp. 94–99. (In Russ.)
- Kolokol'nikov I. A. The Importance of R.A. Ivanov's Creative Activity in the Musical Life of Irkutsk at the Beginning of the 20th century. *ARTE.* 2024. No. 3. Pp. 37–48. (In Russ.)
- Krol' M. A. Marriage Rituals and Customs among the Trans-Baikal Buryats. *Izvestija Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshhestva.* 1894. Vol. 25. Pp. 54–87. (In Russ.)
- Litvinova O. A. Power and Theatrical Culture in the Siberian Province during the NEP Years (1921–1928). Barnaul: Az Buka, 2005. 218 p. (In Russ.)

- МКС 1997 — Музыкальная культура Сибири: в 3 тт. Т. 2. Кн. 2. Музыкальная культура Сибири второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, 1997. 507 с.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии: вып. 1–4. Вып. 4. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1026 с.
- Пыльнева 2019 — *Пыльнева Л. Л.* Императорское Русское музыкальное общество в городах Сибири конца XIX — начала XX столетия: проблемы и достижения // Музыка в системе культуры. Научный вестник Уральской консерватории. 2019. Вып. 17. С. 156–161.
- Соскин 2006 — *Соскин В. Л.* Советская культурная политика в Сибири (1917–1927 гг.) // Советская культурная политика и практика её реализации в Сибирском регионе: Очерки истории. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2006. С. 11–63.
- Сотникова 2009 — *Сотникова Е. В.* Музыкальное и театральное образование и просвещение в советской Сибири 1920-х — начала 1930-х гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 239 с.
- Финдейзен 2013 — *Финдейзен Н. Ф.* Дневники. 1909–1914. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 376 с.
- Фотоальбом 1912 — Фотоальбом музыкального критика Рафаила Иванова // Сайт Иркутского областного краеведческого музея им. Н. Н. Муравьева-Амурского. URL: <https://iokm.ru/2023/01/18/фотоальбом-музыкального-критика-раф/> (дата обращения: 01.04.2026).
- Харкеевич 1987 — *Харкеевич И. Ю.* Музыкальная культура Иркутска. Иркутск: Иркутск. ун-т, 1987. 277 с.
- Musical Culture of Siberia: in 3 vols. Vol. 2. Book 2. Musical Culture of Siberia in the Second Half of the 19th – early 20th Century. Novosibirsk, Novosibirskaja Gosudarstvennaja Konservatorija im. M. I. Glinki, 1997. 507 p. (In Russ.)
- Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia: No. 1–4. No. 4. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1883. 1026 p. (In Russ.)
- Pyl'neva L. L. The Imperial Russian Musical Society in the cities of Siberia in the late 19th and early 20th Centuries: Problems and Achievements. *Music in the System of Culture: Scientific Bulletin of the Ural Conservatory*. 2019. No 17. Pp. 156–161. (In Russ.)
- Soskin V. L. Soviet Cultural Policy in Siberia (1917–1927). *Sovetskaja Kul'turnaja Politika i Praktika ejo Realizacii v Sibirskom Regione: Oчерки Istorii*. Novosibirsk: Institute of History (Sib. Branch) of RAS, 2006. Pp. 11–63. (In Russ.)
- Sotnikova E. V. Musical and Theatrical Education and Enlightenment in Soviet Siberia in the 1920s – early 1930s: Cand. Sc. (History) thesis. Novosibirsk, 2009. 239 p. (In Russ.)
- Findejzen N. F. The Diaries. 1909–1914. St. Petersburg: “Dmitrij Bulanin”, 2013. 376 p. (In Russ.)
- The Photo Album of the Music Critic Rafail Ivanov. Available at: <https://iokm.ru/2023/01/18/фотоальбом-музыкального-критика-раф/> (accessed: 01 April 2026). (In Russ.)
- Harkeevich I. Ju. Musical Culture of Irkutsk. Irkutsk: Irkutsk University Publishing House, 1987. 277 p. (In Russ.)

- Шагдарон, Очиров 1909 — *Шагдарон С.-Д., Очиров Б.-Д.* Игры и увеселения агинских бурят // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1909. С. 465–482.
- Shagdaron S.-D., Ochirov B.-D. Games and Festivities of Aga Buryats. In: Celebrating the 70th Birthday of G. N. Potanin. Collected Papers. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1909. Pp. 465–482. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 18, Is. 1, pp. 155–176, 2026
 DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-155-176

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 811.51

**Происхождение монофтонгов
 первого слога в дахэцзяском
 диалекте баоаньском языке:
 экспериментально-фонетический
 и сравнительно-исторический
 анализ**

*Юлия Викторовна Норманская^{1,2}
 Денис Михайлович Догадушкин^{3,4},
 Виктория Васильевна Куканова⁵*

**The Origin of First-Syllable
 Monophthongs in the Dahejia
 Dialect of Bonan Language:
 an Experimental-Phonetic and
 Comparative-Historical Analysis**

*Julia V. Normanskaya^{1,2},
 Denis M. Dogadushkin^{3,4},
 Viktoria V. Kukanova⁴*

¹ Институт системного программирования
 им. В. П. Иванникова РАН (д. 25, ул.
 Александра Солженицына, 109004
 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, главный
 научный сотрудник

² Институт языкознания РАН (д. 1,
 Большой Кисловский пер., 125009
 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий
 научный сотрудник

 0000-0002-2769-9187. E-mail: julianor[at]mail.ru

Ivannikov Institute for System Programming
 of the RAS (25, A. Solzhenitsyn St., 109004
 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

Institute of Linguistics of the RAS (1,
 Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow,
 Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research
 Associate

³ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8,
 ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,
 Российская Федерация)

младший научный сотрудник

⁴ Московский государственный институт
 международных отношений МИД РФ
 (д. 76, просп. Вернадского, 119454
 Москва, Российская Федерация)

студент

 0000-0002-8014-4156. E-mail: denisdogad[at]icloud.com

Kalmyk Scientific Center of the RAS
 (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian
 Federation)

Junior Research Associate

Moscow State Institute of International
 Relations of the Ministry of Foreign Affairs
 of the Russian Federation (76, Vernadsky
 Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)

Student

⁵ Калмыцкий научный центр РАН (д. Калмык Scientific Center of the RAS
8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian
Российская Федерация) Federation)

кандидат филологических наук, старший Cand. Sc. (Philology), Senior Research
научный сотрудник, директор Associate, Director

 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Норманская Ю. В., Догадушкин Д. М.,
Куканова В. В., 2026

© Normanskaya J. V., Dogadushkin D. M.,
Kukanova V. V., 2026

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена происхождению и развитию монофтонгов первого слога в дахэцзяском диалекте баоаньского языка — одном из наименее изученных монгольских языков Китая. Количество гласных фонем, выделяемых для дахэцзяского диалекта баоаньского языка, варьируется у разных авторов. Сравнительно-исторический анализ выявляет множественность рефлексов прамонгольских гласных и отсутствие строгих правил их распределения в баоаньском языке по ранее опубликованным описаниям. *Материалы и методы.* Работа сочетает экспериментально-фонетический и сравнительно-исторический подходы и опирается на полевые материалы, собранные в 2025 г. в уезде Линься (провинция Ганьсу, Китай), а также на сопоставление с данными классических и современных словарей (Б. Х. Тодаевой, Чен Най Сюна, Х. Нугтерена). В ней изложены результаты анализа аудиокорпуса из 475 лексем (из которых 144 исконные монгольские) с использованием программ Praat и LingvoDoc, устанавливается система гласных первого слога дахэцзяского диалекта баоаньского языка. *Результаты.* В дахэцзяском диалекте баоаньского в экспериментально-фонетической программе Praat было проанализировано 1 197 произнесений звуков и выделено 9 гласных фонем: *a, o, ø, u, ɯ, e, ə, i, ɨ*; противопоставление по долготе и краткости не подтверждается экспериментальными данными. Показано, что артикуляционно-акустические характеристики баоаньских гласных существенно отличаются от европейских вокалических систем: задние гласные сдвинуты вперед, а передние — к центральной зоне. На материале новых аудиозаписей фиксируется ряд инноваций, сформировавшихся, по-видимому, за последние 40 лет: массовое выпадение узких гласных первого слога, упреждение **a > ə*, сдвиг назад **e > a* в ряде позиций. Одновременно обосновывается необходимость реконструкции дополнительной прамонгольской фонемы **ə* для объяснения параллельных неогубленных рефлексов в баоаньском и ряде родственных языков. *Выводы.* Проведенный анализ показал, что по сравнению с записями, сделанными Б. Х. Тодаевой более 60 лет назад, имеются определенные инновации в системе гласных фонем дахэцзяского диалекта баоаньского языка. Оказалось, что транскрипция, выполненная на основе результатов экспериментально-фонетического анализа более тысячи гласных, регулярным образом соотносится с прамонгольской реконструкцией Х. Нугтерена.

Ключевые слова: баоаньский язык, фонетика, сравнительное языкознание, полевые исследования, аудиословарь

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Разработка инструментария и комплексные исследования монгольских языков и их диалектов (с применением технологий анализа больших массивов данных словарных и корпусных материалов)» (№ 25-78-20008).

Для цитирования: Норманская Ю. В., Догадушкин Д. М., Куканова В. В. Происхождение монофтонгов первого слога в дахэцзяском диалекте баоаньском языке: экспериментально-фонетический и сравнительно-исторический анализ // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 155–176. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-155-176

Abstract. Introduction. The article examines the origin and development of first-syllable monophthongs in the Dahejia dialect of the Bonan language, one of the least studied Mongolic languages of China. The number of vowel phonemes identified in the Dahejia dialect of Bonan varies among different authors. Comparative-historical analysis of previously published descriptions reveals multiple reflexes of Proto-Mongolic vowels and the absence of strict rules governing their distribution in Baonan. *Materials and Methods.* The study combines experimental phonetic and comparative-historical approaches and is based on field data collected in 2025 in Linxia County, Gansu Province, China, as well as on the comparison with the data from classical and modern dictionaries by B. Kh. Todaeva, Chen Naixiong, and H. Nugteren. It presents the results of the analysis of an audio corpus comprising 475 lexemes, including 144 inherited Mongolic items, using Praat and LingvoDoc, and establishes the first-syllable vowel system of the Dahejia dialect of Baonan. *Results.* A total of 1,197 vowel realizations in the Dahejia dialect of Bonan were analyzed using the experimental phonetic software Praat, and nine vowel phonemes were identified: *a, o, ø, u, ʉ, e, ɤ, ɨ, i*. The experimental data do not support a phonological opposition between long and short vowels. The articulatory-acoustic characteristics of Bonan vowels are shown to differ substantially from those of European vowel systems: back vowels are fronted, while front vowels are shifted toward the central region of the vowel space. The new audio recordings reveal a number of innovations that appear to have developed over the past 40 years: widespread deletion of high vowels in the first syllable, fronting of Proto-Mongolic **a* > *ɤ*, and backing of **e* > *a* in certain positions. At the same time, the study argues for the reconstruction of an additional Proto-Mongolic phoneme **ɤ* to account for parallel unrounded reflexes in Bonan and several related languages. *Conclusions.* Comparison with recordings made by B. Kh. Todaeva more than 60 years ago reveals certain innovations in the vowel phoneme system of the Dahejia dialect of Baonan. The transcription established on the basis of an experimental phonetic analysis of more than one thousand vowel realizations shows regular correspondences with H. Nugteren's Proto-Mongolic reconstruction.

Keywords: Bonan language, phonetics, comparative linguistics, field research, audio dictionary

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, 'Developing Research Tools and Conducting Comprehensive Studies of the Mongolic Languages and Their Languages: Applying Big Data Tools for the Analysis of Dictionaries and Corpora' project no. 25-78-20008.

For citation: Normanskaya J. V., Dogadushkin D. M., Kukanova V. V. The Origin of First-Syllable Monophthongs in the Dahejia dialect of Baonan Language: An Experimental-Phonetic and Comparative-Historical Analysis. *Mongolian Studies (Elista)*. 2026. Vol. 18. Is. 1. Pp. 155–176. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-155-176

1. Введение

Баоаньский язык (кит. 保安语 Baoan, Bonan), принадлежащий к монгольской группе, является бесписьменным. Носители баоаньского языка проживают в Линься-Хуэйском автономном округе провинции Ганьсу, а также в уезде Тунжэнь Хуаннань-Тибетского автономного округа провинции Цинхай Китая.

Баоаньский язык относится к числу наименее изученных монгольских языков. В течение длительного времени его носители жили обособленно от основной массы монголов, находясь в изолированном положении. Первый словарь баоаньского языка и научные заметки о месте расселения баоаньцев описаны в труде Г. Н. Потанина «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» [Потанин 1893]. В 1955–1956 гг. Китайская академия общественных наук провела исследование баоаньского языка в деревнях Дахэцзя, Дадун и Ганьхэтань в уезде Линься автономной префектуры Линься-Хуэй провинции Ганьсу, а также местного говора народности ту в деревне Сячжуан Хуаннань-Тибетского автономного округа провинции Цинхай. В этих экспедициях принимала участие Б. Х. Тодаева.

В 1960 г. ею была издана монография «Монгольские языки и диалекты Китая» [Тодаева 1960], в которой на страницах 107–122 представлено описание фонетической и морфологической систем дахэцзяской (Dahejia) разновидности баоаньского языка. Позже была опубликована монография «Баоаньский язык» [Тодаева 1964]. Исследовательница выделяет пять кратких гласных фонем — *a*, *o*, *y*, *э*, *i* — и пять их долгих коррелятов [Тодаева 1964: 5].

Х. Нутерен, ссылаясь на работы китайских исследователей [Buhe et al. 1982; Чен Най Сюн 1986; и др.], указывает, что в дахэцзяском диалекте баоаньского языка насчитывается шесть гласных фонем: *a*, *e*, *э*, *i*, *o*, *и*; в наньтунском диалекте баоаньского — также шесть фонем: *a*, *e*, *э*, *i*, *ө*, *и*. В наньтунском диалекте для всех фонем, за исключением *э*, представлены долгие варианты.

Важнейшим этапом в изучении баоаньского языка следует считать исследования, проведенные коллективом под руководством профессора Университета Внутренней Монголии Чен Най Сюна. К основным работам относятся «Баоаньский словарь» [Чен Най Сюн 1986], «Эволюция баоаньского языка» [Чен Най Сюн 1990б], «Слова, родственные словам монгольского языка, встречающиеся в баоаньском» [Чен Най Сюн 1984], «Фонетика и лексика баоаньского языка» [Чен Най Сюн 1990а]. В период с июня по октябрь 1980 г. восемь ученых и одиннадцать аспирантов под руководством Чен Най Сюна были разделены на семь групп и, в соответствии с единым планом исследования, провели первичное обследование дагурского, шира-югурского, дунсянского, монгорского и баоаньского языков, а также бурятского диалекта баргутов.

Основной территорией обследования стали уезд Няньдуху города Тунжэнь Хуаннань-Тибетского автономного округа провинции Цинхай и деревня Сячжуан. По завершении исследований каждая группа подготовила три типа материалов: исследовательский отчет (включающий описание фонетики и грамматики), лексические материалы и записи устной речи. На основе собранных словарных материалов диалекта Няньдуху был составлен словарь объемом более 5 000 слов.

В результате данных исследований Чен Най Сюн подготовил, в частности, работу «Баоаньский словарь» [Чен Най Сюн 1986]. Словарь был составлен на материале нескольких диалектов путем включения тех баоаньских соответствий китайских слов, которые были зафиксированы у наибольшего числа информантов. При этом в своих исследованиях Чен Най Сюн разработал различные системы транскрипции для отдельных баоаньских диалектов:

— для диалекта Няньдуху (уезд Хуалунь, провинция Цинхай) он предложил выделять 6 кратких гласных фонем: *a, ə, e, i, ɵ*, и 5 долгих: *aː, eː, iː, ɵː, uː* (см. подробнее [Чен Най Сюн 1987]);

— для диалекта Сячжуан (уезд Тунжэнь, провинция Цинхай) он также выделяет 6 кратких и 5 долгих гласных фонем, однако вместо *ɵ* используется фонема *o* (см. подробнее [Чен Най Сюн 1995а; Чен Най Сюн 1995б]);

— для диалекта Ганьхэтань (городской округ Синин, провинция Цинхай) Чен Най Сюн выделяет 10 кратких гласных фонем: *a, ə, E, i, o, u, A, o, y, ш*, при отсутствии долгих гласных (см. подробнее [Чен Най Сюн 1995б]).

Вероятно, включение разноречивого материала в словарь [Чен Най Сюн 1986] обуславливает неоднозначность соответствий как с прамонгольскими реконструкциями, так и с собранными нами баоаньскими данными.

В более поздней работе [Buhe et al. 2009] была предложена отдельная система транскрипции для диалекта Дадун (уезд Линься-Хуэйского автономного округа, провинция Ганьсу), включающая 7 кратких гласных фонем: *a / ǎ, ə, e, i / ĭ, o, u / ĭy, y*.

В последние годы появился ряд работ, посвященных акустическому анализу кратких гласных в баоаньском и других монгольских языках. В этих исследованиях анализ проводится в программе Praat, а акустические карты гласных строятся с использованием китайской программы Sma4Win. В статье [Degejix et al. 2015] авторы приходят к выводу, который подтверждается и нашим аудиоматериалом: формантные характеристики «вершинных гласных» *a, i, u* различаются между собой по формантам менее значительно, чем в европейских языках. Аналогичная закономерность была выявлена и для дунсянского языка, что, по гипотезе авторов, может свидетельствовать об их общем происхождении.

В работе [Degejix et al. 2014] был проведен анализ 242 односложных слов с краткими гласными на материале двух мужских произношений в баоаньском языке. В результате было выделено 6 кратких гласных фонем. Основным отличием данного исследования от предшествующих стало выделение фонемы *ɛ*. Существенные уточнения транскрипции баоаньского диалекта Дадун были получены в результате акустического анализа в работе [Degjirhu 2017], где были выделены не только 6 кратких гласных фонем: *v, e, i, ə, o, u*, но и 5 долгих: *vː, eː, iː, oː, uː*. Однако в указанных работах отсутствуют обширные словарные списки с корректной транскрипцией, что затрудняет их сопоставление с прамонгольскими реконструкциями при анализе происхождения баоаньских гласных.

2. Материалы и методы

На платформе LingvoDoc (<https://lingvodoc.ispras.ru>) размещены доступные нам словари баоаньского языка:

- словарь Б. Х. Тодаевой, насчитывающий 517 лексем (доступен онлайн: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/63561/perspective/63562/view>);
- словарь Чен Най Сюна [Чен Най Сюн 1986], переведенный с китайского языка на русский З. И. Чушкаевой, оформленный в виде базы данных и размещенный онлайн на платформе LingvoDoc, 5 078 лексем (<https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/63071/perspective/63072/view>);
- аудиословарь, собранный под руководством В. В. Кукановой в уезде Линься провинции Ганьсу (КНР), 475 лексем (<https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1230046611/perspective/1230046615/view>).

Помимо словарей, на платформе LingvoDoc представлен ряд программных инструментов для углубленного анализа словарей и текстовых корпусов, которые были использованы при подготовке статьи:

- 1) программа «Инвентарь фонем и аллофонов» позволяет в автоматическом режиме выявлять систему гласных и согласных, использованных в транскрипции выбранных словарей; для каждой фонемы определяются все позиции ее употребления и приводятся примеры реализации;
- 2) программы «Поиск когнатов» и «Поиск когнатов с помощью нейросети» позволяют устанавливать этимологические связи между родственными словами в баоаньских и прамонгольских словарях;
- 3) программа «Анализ когнатов» выстраивает ряды регулярных фонетических соответствий на основе слов, объединенных установленными этимологическими связями;
- 4) программа «Результаты анализа спектрограмм» предоставляет для всех гласных в выбранном словаре данные примерно по девяти фонетическим параметрам, включая длительность, интенсивность, значения первых трех формант, тон и др.; кроме того, программа строит трехмерные графики формантных облаков на основе показателей трех формант каждого гласного.

3. Первичный анализ

С помощью программы «Инвентарь фонем и аллофонов» было установлено, что в «Баоаньском словаре» [Чен Най Сюн 1986] используется система, включающая 9 кратких и 7 долгих гласных фонем:

i i: y u u:
e e: ø ø: ø ø: o
ə ə:
a a:

С помощью программы «Анализ когнатов» мы построили систему соответствий гласных первого слога в рассмотренных баоаньских словарях (см. рис. 1).

Примеры, иллюстрирующие нетривиальные соответствия между [Тодаева 1964] и [Чен Най Сюн 1986], приведены в табл. 1.

Таблица 1. Нетривиальные соответствия между [Тодаева 1964] и [Чен Най Сюн 1986]
[Table 1. Non-Trivial Correspondences]

Баоаньский [Тодаева 1964]		Баоаньский [Чен Най Сюн 1986]	
ə		ə	
нэгүдэ	‘однажды’	nəgudə	‘однажды, как-то’
бэдэ	‘мы’	bədə	‘мы’
пэджэг	‘письмо, письменность’	pəkɛi	‘письмо’
o		o	
нокэр	друг, товарищ’	nəkər ɬar-	дружить
ноһуи	‘собака’	nөгəi	‘собака’
боһди	‘пшеница’	bөгdi	‘пшеница’
y		o	
хулуң	‘горячий, теплый’	хөлөг бу:-	‘потеплеть’

фунэ-	‘ехать верхом’	hənə-	‘ехать верхом на...’
гуң	‘глубоко, глубокий’	gəm gina	‘неглубокий’
э		i	
чэ	‘ты, вы’	tei	‘ты’
чэна	‘волк’	teina	‘волк’
э		ø	
нэдоң	‘глаз, глаза’	nədøŋ	‘глаз, глаза’
тэроң	‘голова’	tərøŋ	‘голова’
э		и	
фэлаң	‘красный’	fulaŋ	‘красный’
фэнэ	‘дым’	hunaŋ	‘дым’
э		а	
мэђа	‘мясо’	maɣa	‘мясо’
дэм	‘стена’	dam	‘стена’
о		и	
джочоң	‘гость’	nɕuwa	‘гость’
когэ	‘синий’	kugø	‘синий, голубой’

Возможно, эти отличия связаны с тем, что словари базируются на разных диалектах.

Вопрос о происхождении баоаньских гласных из прамонгольских также нуждается в дальнейшем изучении. Таблица соответствий прамонгольского и баоаньского языков, насколько нам известно, впервые опубликована в [EDAL 2003: 152] (см. табл. 2).

Таблица 2. Таблица прамонгольских — баоаньских соответствий
по: [EDAL 2003: 152]

[Table 2. Table of Proto-Mongolian — Bonan correspondences]

ПМонг	Бао.
*a	a / e / i
*u	u / e / a / o
*o	o-o ~ u
*i	i / V
*e	e-iN, -aN
*ü	u-u, e-oŋ
*ö	o-o~u

Как следует из представленных данных, в рассматриваемой работе приводятся многочисленные возможные рефлексы прамонгольских гласных в баоаньском языке, при этом в ряде случаев не формулируются правила их распределения.

На платформе LingvoDoc с использованием программы «Поиск когнатов» и нейросетевых методов нами были установлены этимологические связи между прамонгольским словарем Х. Нугтерена и словарем [Чен Най Сюн 1986]. Далее с помощью программы «Анализ когнатов» были выявлены ряды фоне-

Надёжные ряды:	
[i]	–[i]
[u]	–[u]
[e]	–[e]
[a]	–[a]
[e]	–[ə]
[o]	–[∅]
Сомнительные ряды:	
[i]	–[i:]
[e]	–[e:]
[a]	–[a:]
[u]	–[∅]
[e]	–[i]
[e]	–[u]
[e]	–[∅]
[e]	–[a]
[o]	–[u]
[a]	–[e]

Рис. 1. Соответствия между гласными первого слога словарей
[Тодаева 1964] и [Чен Най Сюн 1986]
[Fig. 1. Correspondences between the vowels of the first syllable of the dictionaries]

тических соответствий между прамонгольским и баоаньским языками. Анализ показал, что и на материале словаря [Чен Най Сюн 1986] для значительного числа прамонгольских гласных в реконструкции Х. Нугтерена фиксируются два или более рефлекса, правила распределения которых остаются неясными (см. табл. 3). В дальнейшем в качестве иллюстрации будут рассмотрены рефлексы огубленных прамонгольских гласных.

Таблица 3. Таблица прамонгольских — баоаньских соответствий
по [Nugteren 2011] и [Чен Най Сюн 1986]
[Table 3. Table of Proto-Mongolian-Bonan correspondences]

Прамонгольский [Nugteren 2011]		Баоаньский [Чен Най Сюн 1986]	
<i>*θ</i>		<i>θ</i>	
<i>*nöker</i>	‘друг’	<i>nøkør ʃɛʂaŋsa</i>	‘друг’
<i>*köl</i>	‘ступня, нога’	<i>kəl</i>	‘нога’
<i>*söni</i>	‘ночь’	<i>səni</i>	‘ночь’
<i>*θ</i>		<i>u</i>	
<i>*köke</i>	‘синий, зеленый’	<i>kugø</i>	‘синий, голубой’
<i>*köken</i>	‘грудь’	<i>kugø</i>	‘грудь’
<i>*θ</i>		<i>e</i>	

<i>*mōṅgūn</i> (* <i>mengü</i>)	‘серебро’	<i>mengu</i>	‘серебро’
<i>*mōlsūn</i>	‘лед’	<i>melṣəŋ</i>	‘лед’
<i>*ü</i>		<i>u</i>	
<i>*küregen</i>	‘зять; шурин; муж’	<i>kurgaŋ</i>	‘муж’
<i>*üniēn</i>	‘корова’	<i>unaŋ</i>	‘корова’
<i>*hüre</i>	‘семя; косточка; фрукт’	<i>fure</i>	‘семя’
<i>*ü</i>		<i>e</i>	
<i>*būlien</i>	‘теплый, чуть тепловатый’	<i>belgaŋ</i>	‘теплый’
<i>*türei</i>	‘голенище’	<i>teri:</i>	‘голенище’
<i>*tülien</i>	‘дрова’	<i>telaŋ</i>	дрова
<i>*ü</i>		<i>o</i>	
<i>*hünesūn</i>	‘пепел’	<i>homsu</i>	‘зола, пепел’
<i>*gūn</i>	‘глубокий’	<i>gəṃ</i>	‘глубокий’
<i>*u</i>		<i>u</i>	
<i>*hulaan</i>	‘красный’	<i>fulaŋ</i>	‘красный’
<i>*hunin</i>	‘дым’	<i>hunaŋ</i>	‘дым’
<i>*u</i>		<i>o</i>	
<i>*uṅgasun</i>	‘шерсть’	<i>nəgsəŋ</i>	‘шерсть’
<i>*čug</i>	‘связка’	<i>təg</i>	‘связка’
<i>*umsi-</i>	‘читать’	<i>əṃtci</i>	‘читать вслух’
<i>*u</i>		<i>ə</i>	
<i>*bulag</i>	‘пузырь (вода) источник’	<i>bəlag</i>	‘источник’
<i>*sur-</i>	‘учить’	<i>sərtce-</i>	‘учиться друг у друга’

Таким образом, в научной литературе представлено несколько вариантов описания фонологической системы баоаньских диалектов. В частности выделяются системы, насчитывающие пять кратких и пять долгих гласных фонем (Б. Х. Тодаева), шесть кратких фонем (дахэцзянский диалект; по Х. Нугтерену), шесть кратких и шесть долгих фонем (наньтунский диалект; по Х. Нугтерену со ссылками на работы китайских исследователей), а также девять кратких и семь долгих фонем (Чен Най Сюн). Во всех рассматриваемых транскрипциях прамонгольские гласные в среднем имеют от двух до трех возможных рефлексов в баоаньском языке.

4. Экспериментально-фонетический анализ монофтонгов гласных первого слога в баоаньском языке.

В 2025 г. группа исследователей под руководством В. В. Кукановой провела полевую экспедицию в уезд Линься провинции Ганьсу (КНР), где проживают носители дахэцзяского (Dahejia) диалекта баоаньского языка. Собранный в ходе экспедиции материал был сегментирован на отдельные лексемы. Полученный аудиословарь доступен онлайн: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1230046611perspective/1230046615view>.

Корпус включает 475 лексем, каждая из которых представлена тремя произнесениями. В первом столбце словаря приведена лексема со значением, зафиксированным в словаре [Чен Най Сюн 1986]; во втором столбце представлена транскрипция в МФА, точность которой проверялась посредством сегментации спектрограмм произнесений на отдельные звуки в экспериментально-фонетической программе Praat, а также анализа формант гласных с использованием инструмента LingvoDoc «Результаты анализа спектрограмм». В третьем столбце указано значение баоаньских лексем. В четвертом столбце приведены звуковые файлы с тремя произнесениями в формате .wav и соответствующая разметка спектрограмм, выполненная в программе Praat в формате TextGrid. Для 144 лексем была установлена прамонгольская форма по словарю [Nugteren 2011], которая указана в пятом столбце («Праформа»). В шестом столбце представлены когнаты соответствующих исконных монгольских лексем в других монгольских языках.

Н. В. Макеева провела разметку спектрограмм этих слов в экспериментально-фонетической программе Praat. В итоге было выявлено **1 197 произнесений** звуков, легли в основу анализа, результаты которого приводятся ниже. Эти произнесения, размеченные в Praat, были загружены в словарь, доступный на LingvoDoc и обработаны с помощью инструмента «Результаты анализа спектрограмм». В результате было выделено **9 кратких гласных** фонем. Ниже приводятся усредненные значения первой и второй формант для каждой из них.

Таблица 4. Средние показатели формант гласных первого слога
[Table 4. Average formant indices of vowels of the first syllable]

Огубленные гласные		
<i>u</i>	352.6	1 219.96
<i>u</i>	335.5	1 589.9
<i>o</i>	437.52	1 127.31
<i>o</i>	465.02	1 395.01
Неогубленные гласные		
<i>a</i>	493.12	1 385.56
<i>ə</i>	421.85	1 477.83
<i>e</i>	412.91	1 600.65
<i>i</i>	301.66	2 051.37
<i>i</i>	364.64	1 401.48

В программе «Результаты анализа спектрограмм» также автоматически строятся трехмерные графики формантных облаков наиболее частотных фонем (см. рис. 2), на которых видно, что облака в группах огубленных и неогубленных гласных значительно не перекрываются.

Остановимся на специфике баоаньских гласных в сопоставлении с европейскими вокалическими системами по [Catford 2001: 119–162]. Примечательно, что в баоаньском языке отсутствует «классический» гласный *u* со значением второй форманты около 595 Гц (ср. [Catford 2001: 154]). Вместо него рефлексом прамонгольского *u* выступает гласный со второй формантой около 1 220 Гц. Это, по-видимому, является характерной особенностью идиолекта обследованного нами носителя баоаньского языка, в речи которого отсутствуют гласные со значениями второй форманты ниже 1 100 Гц. Данное обстоятельство, вероятно, объясняет и значительное расхождение между баоань-

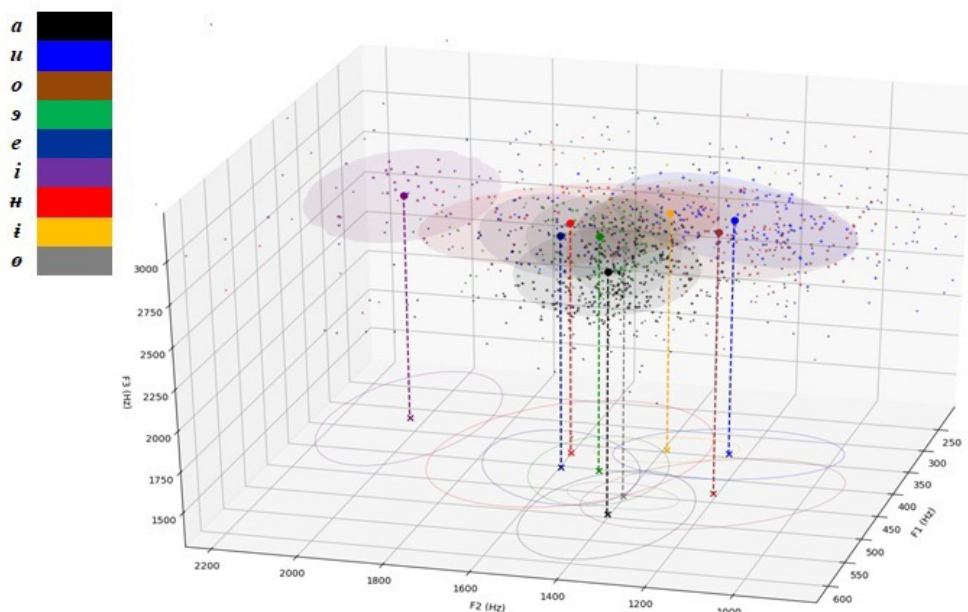

Рис. 2. 3D график формант гласных первого слога
в исконной лексике баоаньского языка
[Fig. 2. 3D graph of formants of first-syllable vowels
in the native vocabulary of Baoan language]

ским *о* ($F_2 = 1\,127$ Гц) и его европейским аналогом ($F_2 \approx 640$ Гц; ср. [Catford 2001: 154]). Интересно, что вторая форманта баоаньского *и* даже выше, чем у *о*. Таким образом, традиционно задние гласные в баоаньском языке оказываются существенно сдвинутыми вперед.

Вторая важная особенность касается гласных переднего ряда, которые, напротив, характеризуются более задним артикуляционным положением по сравнению с европейскими языками. Наиболее наглядно это проявляется в гласной *е* в баоаньском языке: ее вторая форманта составляет 1 600 Гц, тогда как в европейских языках она достигает примерно 2 300 Гц (ср. [Catford 2001: 154]).

Третьей интересной особенностью баоаньских гласных является то, что первая форманта всех гласных также варьируется, в среднем, всего на 200 Гц: от 300 Гц до 500 Гц, в то время как для европейских гласных характерна вариативность, в среднем, 600 Гц. На рис. 2 видна скученность фонем в баоаньском языке, что показывает, как все гласные в речи информанта артикулируются приблизительно в средней зоне ротовой полости. При этом отметим, что на плоскости окружности выделенных нами фонем одинаковой степени огубленности между собой не пересекаются.

Учитывая, что средние значения первой форманты гласных различаются минимально (см. табл. 4), можно предположить, что все гласные в речи информанта артикулируются приблизительно в средней зоне ротовой полости.

В дальнейшем рассмотрим, по возможности, по пять примеров исконной лексики с каждой из перечисленных гласных фонем в первом слоге, а также их

транскрипции в словаре Чен Най Сюна [Чен Най Сюн 1986] и соответствующие прамонгольские параллели (см. табл. 5).

Таблица 5. Примеры *и* в первом слоге
[Table 5. Examples of *и* in the first syllable]

F1	F2	Лексема в транскрипции МФА	Значение	Лексема в транскрипции [Чен Най Сюн 1986]	Лексема в транскрипции [Тодаева 1964]	Пмонг.
283.81	1 069.73	<i>kunsu</i>	‘пот’	<i>kəlsəŋ</i>	комсоң	* <i>kölesiin</i>
371.24	1 023.35	<i>guro</i>	‘третий’	<i>guraŋ</i>	ђораң / жураң	* <i>gurban</i>
360.11	1 188.14	<i>nura</i>	‘лицо’	<i>nər</i>	нōр	* <i>nüür</i>
384.573	1 200.99	<i>huteə</i>	‘гнилой’			* <i>höe-</i>
417.55	1 379.74	<i>gura</i>	‘дождь’	<i>gura</i>	ђора / жура	* <i>kura</i>

Из приведенных примеров следует, что даже в пределах пяти лексем фиксируются три различных гласных рефлекса в когнатах в транскрипции Чен Най Сюна и четыре различных соответствий в праформах у Х. Нугтерена. Более подробное обсуждение рефлексов прамонгольских гласных в используемой нами транскрипции см. в следующем разделе. Вместе с тем на полном материале рассмотренной исконной лексики наиболее частым соответствием гласной *и* является *и* в транскрипциях Чен Най Сюна и Х. Нугтерена. Как видно из табл. 6, гласная *и* регулярно соответствует гласной *о* в транскрипции Б. Х. Тодаевой.

Таблица 6. Примеры *и* в первом слоге
[Table 6. Examples of *и* in the first syllable]

F1	F2	Лексема в транскрипции МФА	Значение	Лексема в транскрипции [Чен Най Сюн 1986]	Лексема в транскрипции [Тодаева 1964]	Пмонг.
299.88	1 373.50	<i>kunhune</i>	‘тяжелый’	<i>kuntə</i>	кунтэ	* <i>kündü</i>
256.4	1 471.85	<i>hɯŋgirstadzo</i>	‘вонять’			* <i>hüü-</i>
620.02	2 064.92	<i>tɕu</i>	‘кусать’	<i>ɕu-</i>		* <i>jau-</i>

В исконной лексике гласный *и* в первом слоге представлен ограниченно; он последовательно соответствует гласному *и* в транскрипциях Чен Най Сюна и Б. Х. Тодаевой и выступает в качестве рефлекса прамонгольского **ü* либо прамонгольских дифтонгов.

Примеры с гласной *о* представлены в табл. 7.

Таблица 7. Примеры *о* в первом слоге
[Table 7. Examples of *о* in the first syllable]

F1	F2	Лексема в транскрипции МФА	Значение	Лексема в транскрипции [Чен Най Сюн 1986]	Лексема в транскрипции [Тодаева 1964]	Пмонг.
----	----	----------------------------	----------	---	---------------------------------------	--------

438.82	1 445.91	<i>nogai</i>	‘собака’	<i>nögai</i>	<i>ногуй</i>	* <i>nokai</i>
427.02	1 344.38	<i>tola</i>	‘считать’	<i>tə:la-</i>		* <i>toala-</i>
322.92	1 236.46	<i>nogun</i>	‘зеленый’	<i>nöguŋ</i>	<i>ногун</i>	* <i>nogaan</i>
373.81	929.5	<i>tosun</i>	‘жир’	<i>tösəntə</i>	<i>мосон</i>	* <i>tosun</i>
490.92	1 086.44	<i>sonə</i>	‘хороший’	<i>saŋ</i>	<i>сан</i>	* <i>saïŋ</i>

В этой таблице мы привели примеры, которые примерно отражают статистику соответствий в словарях Чен Най Сюна и Х. Нугтерена. В большинстве случаев *o* в нашей транскрипции соответствует *ö* у Чен Най Сюна и **o* в прамонгольском, в более редких случаях *o* является рефлексом прамонгольских дифтонгов и соответствует *a* в транскрипции Чен Най Сюна. В словаре [Тодаева 1964], к сожалению, есть не все слова, и нет точного соответствия нашим аудиозаписям.

Примеры с гласной *ø* представлены в табл. 8.

Таблица 8. Примеры *ø* в первом слоге
[Table 8. Examples of *ø* in the first syllable]

F1	F2	Лексема в транскрипции МФА	Значение	Лексема в транскрипции [Чен Най Сюн 1986]	Лексема в транскрипции [Тодаева 1964]	Пмонг.
478.53	1 422.54	<i>køla xaler</i>	‘стопа’	<i>køl</i>	<i>кул</i>	<i>køl</i>
499.05	1364.27	<i>køl'a' χiki'n</i>	‘пятка’	<i>køl</i>	<i>кул</i>	<i>køl</i>
487.18	1 296.81	<i>tøla</i>	‘слушать’	<i>teanle</i>	<i>чоңлэ-</i>	* <i>čingla-</i>

В исконной лексике гласный *и* в первом слоге представлен ограниченно; он последовательно соответствует гласному *и* в транскрипциях Чен Най Сюна и Б. Х. Тодаевой и выступает в качестве рефлекса прамонгольского **i* либо прамонгольских дифтонгов.

Примеры с гласной *a* представлены в табл. 9.

Таблица 9. Примеры *a* в первом слоге
[Table 9. Examples of *a* in the first syllable]

F1	F2	Лексема в транскрипции МФА	Значение	Лексема в транскрипции [Чен Най Сюн 1986]	Лексема в транскрипции [Тодаева 1964]	Пмонг.
445.41	1 276.96	<i>samələ</i>	‘расчесывать’	<i>samla</i>	<i>самлэ- (тж. салэ-)</i>	* <i>samla-</i>
584.69	1 359.01	<i>narun</i>	‘тонкий’	<i>na:raŋ</i>	<i>нароң</i>	* <i>narin</i>
479.52	1 290.31	<i>maga</i>	‘мясо’	<i>maga</i>	<i>мэҗа</i>	* <i>mikan</i>
305.35	1 602.03	<i>salteu</i>	‘хвост’	<i>selteig</i>	<i>шанчэг (тж. салчэг)</i>	* <i>seül</i>
413.7	1 320.38	<i>lapteun</i>	‘лист’	<i>labteaŋ</i>	<i>лабчоң</i>	* <i>nabčün</i>

В используемой нами транскрипции гласный *a* в большинстве случаев соответствует *a* в транскрипциях Чен Най Сюна и Б. Х. Тодаевой, а также прамонгольскому **a*; вместе с тем фиксируется ряд исключений, связанных с позициями прамонгольских дифтонгов и **i*.

Примеры с гласной *э* представлены в табл. 10.

Таблица 10. Примеры *э* в первом слоге
[Table 10. Examples of *э* in the first syllable]

F1	F2	Лексема в транскрипции МФА	Значение	Лексема в транскрипции [Чен Най Сюн 1986]	Лексема в транскрипции [Тодаева 1964]	Пмонг.
355.04	1 679.24	<i>jəsun</i>	‘кость’	<i>jasəŋ</i>	<i>jasoŋ</i>	* <i>yasun</i>
294.19	1514	<i>nətuŋ</i>	‘глаз’	<i>nədəŋ</i>	<i>nədoŋ</i>	* <i>nidün</i>
317.86	1 835.43	<i>nətar-</i>	‘мокрый’	<i>ni:taŋ</i>	<i>ni:taŋ</i>	* <i>noitan</i>
290.86	1 617.91	<i>məɕi</i>	‘лед’	<i>melsəŋ</i>	<i>məɕu</i>	* <i>mölsün</i>
433.51	1 467.41	<i>nəɾə</i>	‘имя’	<i>nerə</i>	<i>nəɾə</i>	* <i>nere</i>

Как и в случае с гласным *и*, из представленной таблицы следует, что даже в пределах пяти примеров с *э* в первом слоге фиксируются четыре различных соответствия в транскрипции Чен Най Сюна и четыре соответствия на прамонгольском уровне. В словаре Б. Х. Тодаевой [Тодаева 1964], напротив, представлены три соответствия, при этом совпадение наблюдается во всех случаях, за исключением соответствия *э* < **а*, более подробное обсуждение данного изменения см. ниже.

Примеры с гласной *е* представлены в табл. 11.

Таблица 11. Примеры *е* в первом слоге
[Table 11. Examples of *е* in the first syllable]

F1	F2	Лексема в транскрипции МФА	Значение	Лексема в транскрипции [Чен Най Сюн 1986]	Пмонг.
409.49	1 715.94	<i>seritea</i>	‘проснуться’	<i>ser-</i>	* <i>seri-</i>
412.31	1 745.39	<i>kelv</i>	‘живот’	<i>ke:lə</i>	* <i>keeli</i>
319.37	1 517.64	<i>semasun</i>	‘ресницы, брови’	<i>semsəŋ</i>	* <i>sormusun</i>
430.57	1 864.7	<i>he-</i>	‘сушить’		* <i>hee-</i>
377.31	1 932.07	<i>keda</i>	‘отпустить’		* <i>gee-</i>

В нашей транскрипции *е* обычно соответствует *е* у Чен Най Сюна и в большинстве случаев, но не всегда, является рефлексом Пмонг. **ee*. К сожалению, у Б. Х. Тодаевой эти слова не зафиксированы.

Примеры с гласной *и* представлены в табл. 12.

Таблица 12. Примеры *и* в первом слоге
[Table 12. Examples of *и* in the first syllable]

F1	F2	Лексема в транскрипции МФА	Значение	Лексема в транскрипции [Чен Най Сюн 1986]	Лексема в транскрипции [Тодаева 1964]	Пмонг.
355.76	1 834.83	<i>teirga</i>	‘сердце’	<i>ɕairge</i>	<i>ɕairgə</i>	* <i>jirüken</i>
215.48	1 817.49	<i>kitɕone</i>	‘холодный’	<i>kibtɕaŋ</i>	<i>kitamɕ</i>	* <i>köiten</i>
360.43	1 723.22	<i>fila</i>	‘процедить’			* <i>siü-</i>

324.69	1 718.43	<i>irə</i>	‘приходить’		<i>pə-</i>	<i>*ire-</i>
--------	----------	------------	-------------	--	------------	--------------

Примеров с гласным *i* в первом слоге в исконной лексике сравнительно немного, поскольку в большинстве случаев *i* в транскрипции Чен Най Сюна (< Пмонг. **i*, **i*) в наших аудиозаписях подвергается выпадению. Показательно, что и в таблице из четырех примеров с *i* два относятся к рефлексам прамонгольских дифтонгов.

Обратимся далее к вопросу наличия противопоставления гласных по долготе и краткости в анализируемом материале. Для проверки того, отражаются ли рефлексы прамонгольских комплексов гласных в виде долготы в нашем аудиокорпусе, ниже для исконных лексем приводятся данные о средней абсолютной длительности рефлексов прамонгольских кратких гласных и комплексов, для которых представлено достаточное количество сопоставимых примеров.

Таблица 13. Рефлекс прамонгольских долгих и кратких гласных в баоаньских полевых материалах

[Table 13. Reflexes of Proto-Mongolian long and short vowels in Bao'an field materials]

	<i>*a</i>	<i>*aa</i>	<i>*u</i>	<i>*uu</i>	<i>*e</i>	<i>*ee</i>	<i>*ü</i>	<i>*üü</i>
САД ¹	0.12	0.12	0.10	0.26	0.10	0.10	0.14	0.10

Таким образом, анализ показывает, что лишь рефлекс **uu* характеризуется значительно большей длительностью по сравнению с другими гласными, тогда как рефлекс **ü* оказываются более длительными, чем **üü*. Это позволяет заключить, что прамонгольское противопоставление гласных по долготе и краткости не сохраняется в собранном нами баоаньском материале.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что транскрипция, предложенная нами на основе экспериментально-фонетического подхода, в ряде аспектов оказывается более близкой к прамонгольской системе, чем транскрипция Чен Най Сюна. В частности это касается соответствий *u* < Пмонг. **ü* (ср. *u* у Чен Най Сюна) и *o* < Пмонг. **o* (ср. *o* у Чен Най Сюна). Вместе с тем в нашей транскрипции фиксируются и более радикальные изменения, которые, по-видимому, произошли за последние 40 лет, прежде всего — выпадение гласного *i* в первом слоге в большинстве позиций, тогда как в материалах Чен Най Сюна данное явление еще не было повсеместным.

Следует подчеркнуть, что в статье были приведены лишь выборочные иллюстративные примеры; полный перечень лексем доступен в электронном словаре в открытом доступе. В целом анализ показал, что приблизительно в 70 % случаев транскрипция гласных первого слога, предложенная нами, отличается от транскрипции Чен Най Сюна. При этом в целом она оказывается значительно ближе к транскрипции Б. Х. Тодаевой, но приведем здесь регулярные случаи различий.

Таблица 14. Регулярные фонетические отличия в дахэцзяском диалекте баоаньского языка в 2025 и 1964 гг.

[Table 14. Regular phonetic differences in the Dahejia dialect of the Bonan language in 2025 and 1964]

Дахэцзяский диалект баоаньского языка, полевые записи 2025 г.	Дахэцзяский диалект баоаньского по [Тодаева 1964]	Пмонг.
---	---	--------

¹ Средняя абсолютная длительность в секундах.

᠑		а		*а
<i>pəjon</i>	‘богатый’	<i>бајаң</i>	‘богатый’	* <i>bayan</i>
<i>jəsun</i>	‘кость’	<i>јасоң</i>	‘кость’	* <i>yasun</i>
<i>ṭəsu'n</i>	‘снег’	<i>часоң</i>	‘снег’	* <i>časun</i>
и		е		*и
<i>suraga'</i>	‘учить’	<i>сэра-</i>	‘учиться	* <i>sur-</i>
<i>fulon</i>	‘красный’	<i>фэлаң</i>	‘красный’	* <i>hulaan</i>
и		о		*й
<i>misə</i>	‘летать’	<i>мосэ-</i>	‘лететь’	* <i>hūnis-</i>
<i>ṭiun</i>	‘зуб’	<i>шдоң (~доң), һдоң</i>	‘зуб’	* <i>sidün</i>

Итак, из таблицы видно, что основными отличиями является упреждение *а в современном дахэцзяском диалекте, в основном в позициях рядом с *j, ṭ*.

Как будет показано в следующем разделе, именно учет тонких артикуляционно-акустических различий, подтвержденных данными экспериментально-фонетического анализа, позволяет в ряде случаев более точно описать развитие прамонгольских гласных.

5. Рефлексы прамонгольских гласных в баоаньском

Рассмотрим все рефлексы прамонгольских гласных в собранных нами 144 исконных лексемах, записанных от носителя баоаньского языка.

5.1. Особый рефлекс в баоаньском, который имеет параллели в других языках (вероятно, архаизм)

5.1.1. Пмонг. *᠑ (по Х. Нугтерену **ö*) > бао. *ə* — шира-югур. *e / ə*, мин. монг. *i / ə / e*, канц. *e*, дунс. *ə / i / e'*

Пмонг. **mölsün* > *məsn*² ‘лед’, шира-югур.³ *mesən* J102a⁴, мин. монг. *mirsi* S12, *mərsi* DS230, дунс. *mənsun* L118b, лунц. диал. *məsuŋ* B106.

Пмонг. **dörben* > *dəron*⁵ ‘четвертый’, хуцз. монг. *de:ren* J105b, мин. монг. *derbaŋ* T477, JL477, канц. *dero* S299a, дунс. *z'ierəŋ* B169, лунц. диал. *z'ierwaŋ* B170.

Пмонг. **mör* > *mərə*⁶ ‘дорога’, шира-югур. *mer* J37, мин. монг. *mər* DS259b.

¹ Здесь приведена информация только по тем языкам и диалектам, в которых встречаются неогубленные рефлексы Пмонг. **ö* в соответствии с баоаньским *ə*, в остальных языках представлены обычные огубленные рефлексы Пмонг. **ö*.

² В этом слове наличие неогубленных рефлексов в баоаньском отмечается и другими авторами, см. BaoGt *mišī*, BaoJ *mišū*, BaoŃ *melsoŋ*, BaoGm *mincu*, BaoX *mənsu* [Nugteren 2011: 447].

³ Здесь и далее при рассмотрении этимологий все примеры, за исключением баоаньского, цитируются по словарю [Nugteren 2011].

⁴ При рассмотрении развития Пмонг. **ö* > бао. *ə* из других монгольских языков приводятся только формы с неогубленными рефлексами.

⁵ В этом слове наличие неогубленных рефлексов в баоаньском отмечается и другими авторами, см. BaoD *derəŋ*, BaoŃ *derəŋ*, ср. [Nugteren 2011: 318–319].

⁶ В этом случае в диалектах по словарю [Nugteren 2011: 448] BaoD *mör* BL90b, BaoŃ *mör* CN118, по словарю [Чен Най Сюн 1986] *mör*, по словарю [Тодаева 1964] *мор* не отмечен переднерядный неогубленный гласный, который отчетливо представлен в аудиозаписях и соответствует переднерядным рефлексам в шира-югур., мин. монг.

Пмонг. **bögse* > *pəskə*¹ ‘ягодица’, шира-югур. *bəgse* S161, канц. *besge* S283b.

Мы предлагаем реконструировать особую фонему **ə* для тех слов, которые в баоаньском, шира-югурском, монгорском, канцзяском, дунсянском имеют неогубленные рефлексy, а в других монгольских языках — огубленные.

5.1.2. Пмонг. **ö* > бао. *u* / *ø* / *θ* — шира-югур. *o* / *u* / *ö* / *u* / *θ*, мин. монг. *u* / *o* / *ø* / *a*, канц. *u* / *u* / *a* / *ø*, дунс. *u* / *o*

Пмонг. **ödür*/**edür* > бао. *udər*² ‘день’, шира-югур. *odor* B15, *udur* J94a, мин. монг. *udur* JL471, канц. *udər* S281a, дунс. *udu* B22.

Пмонг. **kölesün* > бао. *kunsu*(*ə*) ‘пот’, *kunsu* *χaza*³ ‘потеть’, шира-югур. *kulesən* B70, *kölösən* J100b, мин. монг. *kolesi* C379, *koliersi* DS254a, *kurliesi* DS242b, канц. *kulesi* S287b, дунс. *koliesuŋ* B76.

Пмонг. **köl* > бао. *kole*⁴ ‘нога’, шира-югур. *köl* B69, J100b, мин. монг. *kvar* C379, *qur* DS224a, канц. *kuar*, *kər* S287b, дунс. *kuaŋ* (kon) B77, kon L116b, kon MC222b.

Пмонг. **köke-* > бао. *k(ə)ko*⁵ ‘сосать грудь’, шира-югур. *hkö-* B59, *hgö-* J101a, мин. монг. *kugo-* C380, канц. *күкү-* S287b, дунс. *gogo-* B91.

Пмонг. **köke* > бао. *k(ə)ko*⁶ ‘синий’, шира-югур. *hkö* B59, 425 *hgö* J101a, мин. монг. *kugo* C330, канц. *күкү* S287b, дунс. *kugie* B78.

Таким образом, на основании приведенных примеров можно заключить, что противопоставление огубленных и неогубленных гласных в баоаньском языке, зафиксированное в собранных нами аудиоматериалах, в большинстве случаев, хотя и не всегда, соответствует данным словарей [Nugteren 2011: 19; Тодаева 1964]. Соответственно, выявление данного специфического ряда соответствий исключительно на основе опубликованных словарных источников представляется затруднительным.

В дальнейшем предполагается сопоставить собранные в ходе экспедиции аудиоматериалы по шира-югурскому и дунсянскому языкам со словарными данными по баоаньскому языку, что, как мы ожидаем, позволит выявить дополнительные примеры двух типов соответствий, рассмотренных выше.

5.2. Выпадение узких гласных первого слога Пмонг. **u*, **uu*, **i*, **ü*, **ĩ* частично не отмеченное в более ранних материалах и являющееся инновацией

Пмонг. *u*, *uu* > бао. *u*: *uu-* > *u-* ‘пить’, *sur-* > *suraga* ‘учить’, *kura* > *gura* ‘дождь’, *huŋgusun* > *huŋga* ‘пукать’, *hulaan* > *fulon* ‘красный’, *gurban* > *guro* ‘третий’

> бао. *θ*: *usun* > *su* ‘вода’, *una-* > *na-* ‘падать’, *bula-* > *b(ə)la-* ‘хоронить’.

¹ В доступных нам словарях для баоаньского не отмечены переднерядные неогубленные рефлексy: BaoŃ *berke* см. [Nugteren 2011: 287].

² Гласный *u* отмечается для всех баоаньских диалектов, ср. BaoD *udər*, BaoGt *udər*, BaoŃ *udər*, см. [Nugteren 2011: 538].

³ Огубленный гласный отмечается для всех баоаньских диалектов, ср. BaoD *kolsuŋ*, *komsuŋ*, BaoGt *kumsuŋ*, BaoŃ *kölsöŋ*, см. [Nugteren 2011: 426].

⁴ Огубленный гласный отмечается для всех баоаньских диалектов, ср. BaoD *kual*, BaoŃ *kəl*, см. [Nugteren 2011: 425].

⁵ Огубленный гласный отмечается и для BaoD *kugo-γo-*, см. [Nugteren 2011: 425].

⁶ В других диалектах также рефлексом является либо *u*, либо выпадение звука: BaoD *kugo*, BaoGt *kəgo*, BaoŃ *kugə*.

Анлаутное выпадение Пмонг. *и* представлено и у более ранних авторов словарей.

Пмонг. *i* > бао. *i*: *jirūken* > *teirga* ‘сердце’, *nidūn* > *nstuŋ* ‘глаз’, *ire-* > *irə* ‘приходить’

> **бао. *θ*:** *sini* > *ʃnə* ‘новый’, *simi-* > *ʃmala ʃmələ* ‘сосать’, *sidūn* > *ʃtun* ‘зуб’, *biči-* > *ptəʒ* ‘писать’.

Пмонг. *ü* > бао. *и*: *kündü* > *kynhune* ‘тяжёлый’, *hüü-* > *hüngirstadzo* ‘вонять’, > **бао. *θ*:** *üje-* > *təʒ* ‘видеть’.

Пмонг. *ĩ* > бао. *а*: *čijla-* > *təle* ‘слушать’, *nĩbusun* > *namsun* ‘слеза’, *mĩkan* > *maga* ‘мясо’,

> **бао. *θ*:** *čisun* > *təsun* ‘кровь’, *čina-* > *təna* ‘варить’, *čikĩn* > *təxu* ‘ухо’, *čiki-* > *ʃkə* ‘бить’, *sĩra* > *fra* ‘жёлтый’;

> **бао. *ə*:** *čĩ* > *təʒ* ‘ты’¹.

Анализ всех 475 собранных лексем, а также сопоставление современных аудиозаписей с данными более ранних словарей показывают, что в большинстве случаев выпадение Пмонг. **i*, **ü*, **ĩ* в баоаньском языке представляет собой инновацию последних 40 лет. Установлено, что наиболее частотной позицией выпадения Пмонг. **i*, **ü*, **ĩ* является их соседство с баоаньскими аффрикатами *tə* или *ʃ*. В более ранних словарных источниках в тех лексемах, где в нашем материале фиксируется выпадение Пмонг. **i*, **ü*, **ĩ*, зафиксированы иные рефлексy: Пмонг. **ĩ* > *i*, Пмонг. **ü* > *и*, тогда как Пмонг. **i* сохраняется.

Согласно реконструкции Х. Нугтерена, переход Пмонг. *ĩ* > бао. *а* в баоаньском языке осуществляется в позиции перед Пмонг. **а* во втором слоге. Однако в слове *nĩbusun* > *namsun* ‘слеза’ Х. Нугтерен не реконструирует Пмонг. *а* во втором слоге, при этом фиксируя гласный *а* в первом слоге в форме BaoD *nam-suŋ* ‘слёзы. Данное расхождение требует дополнительного обсуждения.

5.3. Инновационное упереднение и выпадение Пмонг. **а*

Пмонг. **а*, **аа* > бао. *а*: **jaru-* > *tearə* ‘убивать’, **jančĩ-* > *janʃə* ‘бить’, **čaa-da* > *satə* ‘рядом’, **sara* > *sarə* ‘месяц’, **samla-* > *samələ* ‘расчесывать’, **narĩn* > *narun* ‘тонкий’, **naad-* > *natxə* ‘играть’, *malta-* > *məntala* ‘конать’, *nabčĩn* > *lapteun* ‘лист’, **maajĩ-* > *masdzo* ‘царапать’, **karĩ-* > *hare* ‘возвращаться’, **kadu-* > *gata* ‘собирать’, **kada-* > *xata* ‘прищипывать’, **halagan* > *xalgə* ‘тыльная сторона ладони’, **gar* > *xar* ‘рука’, **gal* > *xalə* ‘огонь’, **dalu* > *tali* ‘плечо’, **dabusun* > *tabsun* ‘соль’, **barĩ-* > *wara* ‘хватать’, **arasun* > *arsun* ‘кора’, **anjāsun* > *andzasun* ‘пахать’, **aman* > *amo* ‘губа’, **alga-* > *algə* ‘вытирать’, **ala-* > *ala* ‘убивать’, **ala* > *alə* ‘промежность’, **agsu-* > *asxə* ‘одажживать’;

> **бао. *ə*:** **jalbarĩ-* > *təʒlarə* ‘просить’, **jagasun* > *təʒglasun* ‘рыба’, **časun* > *təʒsun* ‘снег’, **yasun* > *jəsun* ‘кость’, **yadara-* > *ədarteə* ‘уствовать’, **bayas-* > *pəsa* ‘радоваться’, *bayan* > *pəjon xun* ‘богатый’;

> **бао. *θ*:** **čagaan* > *təxone* ‘белый’, **sana-* > *sməga* ‘думать’, **katun* > *xɬun xɬuŋ* ‘женщина’, **aska-* > *skæ* ‘разбрасывать’.

В более ранних словарях баоаньского языка данные процессы не фиксируются. Можно отметить, что переход Пмонг. **а* > бао. *ə* обычно осуществляется в позиции после *tə-* и рядом с Пмонг. **-у-*.

¹ Рефлексация гласных в этом слове не очень понятна, по [Nugteren 2011: 300–301] в баоаньских диалектах представлено *ĩ*: BaoD *čĩ*, BaoÑ *čĩ*, но по [Тодаева 1964] рефлексация гласных совпадает с нашим материалом, см. *чə* ‘ты’.

Позиции выпадения гласных оказываются достаточно разнородными и в силу ограниченного количества примеров в настоящее время не поддаются четкому обобщению. Примечательно, что отдельные случаи выпадения в качестве дублетных форм отмечаются и в более ранних словарных источниках; ср., например, *хотоң* (также *хдоң*) ‘женщина’ [Тодаева 1964].

5.4. Инновационный переход Пмонг. **e* > *э*, *а* и выпадение

Пмонг. **e* > бао. *е*: **seri*- > *seritea* ‘проснуться’, **ere* > *ere kun* ‘мужчина’, **ebesiin* > *wesun* ‘травя’,

> бао. *э*: **nere* > *nəɾə* ‘имя’, **mede*- > *mədu*- ‘знать’, **gejige* > *gəna* ‘шея’, **ebceiin* > *əpteuŋ* ‘грудь’, **kelen* > *kəlon* ‘язык’, *ge-kee*- > *kəla* ‘сказать’;

> бао. *а*: **herekei* > *χara* ‘палец’, **heligen* > *χalge* ‘печень’;

> бао. *о*: **kejie* > *k(ə)ɬχonə* ‘когда’;

Пмонг. **ee* > бао. *е*: **keeli* > *kelv* ‘живот’, **hee*- > *he*- ‘сушить’, **gee*- > *keda*- ‘отпустить’, **deesiin* > *desun* ‘веревка’.

Из приведенных примеров видно, что прамонгольское **ee* во всех случаях сохраняется как монофтонг *е*, тогда как прамонгольское **e* сохраняется довольно редко. В позиции после *χ*- **e* > *а*. В остальных позициях в большинстве случаев в более задний гласный *э*. Однако с учетом отсутствия точных сведений о фонетическом качестве прамонгольского **e* данное развитие не может однозначно интерпретироваться как инновационное. Инновационное выпадение гласного также наблюдается, как и в случае узких гласных, в позиции соседства с аффрикатой *ɬ*.

Дифтонги представлены в нашем материале в целом недостаточно для полноценного анализа (как правило, в трех или менее лексемах), при этом для них фиксируются два или три возможных рефлекса. Единственным дифтонгом, демонстрирующим единообразную рефлексацию в нашем аудиоматериале, является прамонгольский **oa*.

5.6. Инновационный переход Пмонг. **oa* > бао. *о*

Пмонг. **oa* > бао. *о*: **toala*- > *tola* ‘считать’, **koasun* > *χosunə* ‘сухой’, **boa*- > *boga* ‘перевязывать’.

Как было сказано выше, для Пмонг. **oa* в нашем материале представлена единообразная монофтонгизация и совпадение с рефлексами Пмонг. **о* во всех лексемах.

5. Выводы

Баоаньский язык в настоящее время находится под угрозой исчезновения. Большинство лексических единиц, зафиксированных по воспоминаниям носителя, не относится к исконному монгольскому слою. В монгольской лексике баоаньского языка, распространенного в уезде Линься, выделяется девять гласных фонем: *а*, *о*, *ə*, *и*, *е*, *э*, *і*, *і*. Противопоставление гласных по долготе и краткости в языке отсутствует.

В результате соотношения предложенной нами транскрипции дахэцзянского диалекта со словарем Б. Х. Тодаевой [Тодаева 1964] был выявлен ряд регулярных отличий: *и* и *ы* в нашей транскрипции соответствуют *о* у Б. Х. Тодаевой, а *е*, *э* — *э*. Но в отличие от данной работы мы не выделяем долгие гласные; количество кратких гласных в нашей системе составляет девять, тогда как у Б. Х. Тодаевой их пять.

Сопоставление нашей транскрипции с материалами словаря Х. Нугтерена [Nugteren 2011] позволяет предположить необходимость реконструкции дополнительной прамонгольской фонемы *ʁ в тех случаях, где Х. Нугтерен реконструирует *ʊ, однако в баоанском, шира-югурском, монгорском, канцзяском и дунсянском языках представлены переднерядные рефлексy.

В ходе анализа был выявлен ряд инноваций, не зафиксированных в более ранних исследованиях и, вероятно, сформировавшихся в течение последних 40 лет:

- 1) выпадение гласных в первом безударном слоге в анлауте, а также в позиции соседства с аффрикатами;
- 2) упереднение Пмонг. *a в палатализирующей позиции: после *te-* и рядом с *-y-;
- 3) смещение артикуляции назад Пмонг. *e > бао. ɤ, и переход в *a* после *χ-*.

В целом можно отметить, что за исключением этих процессов баоанские гласные с минимумом отличий соответствуют прамонгольской реконструкции монофтонгов Х. Нугтерена. С нашей точки зрения, многочисленные ряды соответствий связаны, вероятно, с неточной транскрипцией в других словарях. Транскрипция, выполненная нами и проверенная с помощью экспериментально-фонетического анализа, последовательно не пересчитывается в транскрипции других авторов. Возможно, это связано с особенностями системы вокализма в баоанском языке, когда все гласные сосредоточены в центральной части ротовой полости, что является весьма непривычным для европейского слуха.

Сокращения

МФА — Международный фонетический алфавит (International Phonetic Alphabet)

Praat — экспериментально-фонетическая программа анализа речи

F1 — первая форманта

F2 — вторая форманта

бао. — баоанский язык

BaoD — дахэцзянский диалект баоанского языка

BaoGt — баоанский говор деревни Ганьхэтань (уезд Цзишишань, провинция Ганьсу)

BaoJ — баоанский говор уезда Цзишишань (Цзишишань-Баоань-Дунсян-Саларский автономный уезд, Ганьсу)

BaoŃ — баоанский говор района Няньдуху (уезд Тунжэнь, Хуаннань-Тибетский автономный округ, Цинхай)

BaoGm — баоанский говор деревни Гунмэнь (Цзишишань, Ганьсу)

BaoX — баоанский говор деревни Сячжуан (уезд Тунжэнь, Хуаннань-Тибетский автономный округ, Цинхай)

дунс. — дунсянский язык

лунц. — лунцзянский диалект

канц. — канцзянский язык

мин. монг. — миньхэский монгольский язык

монг. — монгольский язык

Пмонг. — прамонгольский язык

шира-югур. — шира-югурский язык

Литература

- Потанин 1893 — Потанин Г. Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: Путешествие Г. Н. Потанина, 1884–1886. Т. 1 / изд. ИРГО. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893. 358 с.
- Санжеев 1953 — Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1: Фонетика. М.; Л.: АН СССР, 1953. 240 с.
- Тодаева 1960 — Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М.: Вост. лит., 1960. 137 с.
- Тодаева 1964 — Тодаева Б. Х. Баоаньский язык. М.: Наука, 1964. 158 с.
- Чен Най Сюн 1984 — 陈乃雄. 保安语里的与蒙古语同源词 (= Чэнь Най Сюн. Слова, родственные словам монгольского языка, встречающиеся в баоаньском // 蒙古语言文学 (= Монгольский язык и литература). 1984. № 3. С. 126–151.
- Чен Най Сюн 1986 — 陈乃雄. 保安语词汇. (= Чен Най Сюн. Баоаньский словарь. 内蒙古人民出版社 (= Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии), 1986. 239 с.
- Чен Най Сюн 1987 — 陈乃雄. 保安语和蒙古语. (= Чен Най Сюн. Баоаньский язык и монгольский язык). 内蒙古人民出版社 (= Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии), 1987. 403 p.
- Чен Най Сюн 1990а — 陈乃雄. 保安语的语音和词汇 (= Чэнь Най-сюн. Фонетика и лексика баоаньского языка) // 西北民族研究 (= Северо-западный журнал этнологии). 1990. № 1. С. 33–49.
- Чен Най Сюн 1990б — 陈乃雄. 保安语的演变. (= Чэнь Най Сюн. Эволюция баоаньского языка). 民族语文 (= Национальный язык). 1990. № 1. С. 16–25.

References

- Potanin G. N. Tangut-Tibetan Periphery of China and Central Mongolia: Travels of G. Potanin, 1884–1886. Vols. 1–2. St. Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina, 1893. 358 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Comparative Grammar of the Mongolic Languages. Moscow: Nauka, 1953. 240 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Mongolian Languages and Dialects of China. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1964. 137 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Bonan Language. Moscow: Nauka, 1964. 158 p. (In Russ.)
- Chen Naixiong. Words Related to Mongolian Words Found in Baonan. *Mongolian Language and Literature*. 1984. No. 3. Pp. 126–151. (In Chin.)
- Chen Naixiong. Bonan Language Dictionary. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1986. 239 p. (In Bon. and Chin.)
- Chen Naixiong. Bonan and [Standard] Mongolian. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1987. 403 p. (In Chin.)
- Chen Naixiong. Bonan Phonetics and Vocabulary. *Northwest Journal of Ethnology*. 1990. No. 1. Pp. 33–49. (In Chin.)
- Chen Naixiong. The Evolution of Bonan. *Minority Languages of China*. 1990. No. 1. Pp. 16–25. (In Chin.)

- Чен Най Сюн 1995a — Chen Naixiong. Bonan and Its Dialects // *Inner Mongolia Social Sciences (Literature, History and Philosophy Edition)*. 1995. Pp. 93–98.
- Чен Най Сюн 1995b — Chen, Naixiong. Bonan and its dialects (continued) // *Inner Mongolia Social Sciences (Literature, History, and Philosophy Edition)*. 1995. Pp. 87–92.
- Buhe et al. 1982 — Buhe, Liu Zhaoxiong. Concise Grammar of Bonan. Beijing, 1982. 4, 2, 94 p.
- Buhe et al. 2009 — Buhe, Liu Zhaoxiong. Collection of Descriptions of Chinese Minority Languages (Revised Edition, Vol. VI): A Brief Description of Bonan. Beijing, 2009. 989 p.
- Catford 2001 — Catford J. C. A Practical Introduction to Phonetics. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2001. 244 p.
- Degejix et al. 2014 — Degejix, Batugerile, Jin Yasheng, Gegentana, Guo Dandan. A Study of the Acoustics of Bonan Short Vowels // *Journal of Northwest Minzu University (Natural Science Edition)*. 2014. Vol. 35(4). Pp. 27–33.
- Degejix et al. 2015 — Degejix, Batugerile, Ling Jin. A Comparative Study of the Acoustics of Bonan, Dongxiang, and Mongolian Short Vowels in Monosyllables // *The Silk Road*. 2015. No. 8. Pp. 54–55.
- Degjirhu 2017 — Degjirhu. Study of Vowels in Bonan Based on an Acoustic Parameter Database. Master's Thesis. Northwest Minzu University, 2017. 92 p.
- EDAL 2003 — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Brill, 2003. 1556 p.
- Nugteren 2011 — Nugteren H. The Mongolic Languages of Qinghai–Gansu: Phonology. Utrecht: LOT Publications, 2011. 563 p.
- Chen Naixiong. Bonan and its Dialects. *Inner Mongolia Social Sciences (Literature, History and Philosophy Edition)*. 1995. Pp. 93–98. (In Chin.)
- Chen, Naixiong. Bonan and its Dialects (continued). *Inner Mongolia Social Sciences (Literature, History, and Philosophy Edition)*. 1995. Pp. 87–92. (In Chin.)
- Buhe, Liu Zhaoxiong. Concise Grammar of Baoan. Beijing, 1982. 4, 2, 94 p. (In Eng.)
- Buhe, Liu Zhaoxiong. Collection of Descriptions of Chinese Minority Languages (Revised Edition, Vol. 4): A Brief Description of Bonan. Beijing, 2009. 989 p. (In Eng.)
- Catford J. C. A Practical Introduction to Phonetics. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2001. 244 p. (In Eng.)
- Degejix, Batugerile, Jin Yasheng, Gegentana, Guo Dandan. A Study of the Acoustics of Bonan Short Vowels. *Journal of Northwest Minzu University (Natural Science Edition)*. 2014. Vol. 35(4). Pp. 27–33. (In Chin.)
- Degejix, Batugerile, Ling Jin. A Comparative Study of the Acoustics of Bonan, Dongxiang, and Mongolian Short Vowels in Monosyllables. *The Silk Road*. 2015. No. 8. Pp. 54–55. (In Chin.)
- Degjirhu. Study of Vowels in Bonan Based on an Acoustic Parameter Database. Master's Thesis. Northwest Minzu University, 2017. 92 p. (In Chin.)
- EDAL 2003 — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Brill, 2003. 1556 p. (In Eng.)
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai–Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 18, Is. 1, pp. 177–189, 2026
 DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-177-189

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЛИТЕРАТУРОВЕДИЕ

УДК / UDC 821.512.37. 82-3

Поэтика рассказов Джангра Насунова 1970-х гг.

Римма Михайловна Ханинова¹

The Poetics of Dzhangar Nasunov's Stories, created in the 1970s

Rimma M. Khaninova¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: [khaninova\[at\]bk.ru](mailto:khaninova[at]bk.ru)

© КалмНЦ РАН, 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Ханинова Р. М., 2026

© Khaninova R. M., 2026

Аннотация. *Введение.* В творчестве калмыцкого русскоязычного поэта Джангра Насунова (1942–1979) жанр рассказа занимал скромное место. *Цель* статьи — ввести в научный оборот его рассказы 1970-х гг., не являвшиеся объектом и предметом исследования в литературоведении, рассмотреть поэтику указанных произведений. Эти тексты, неравнозначные по объему, художественному уровню, прошли незамеченными читателями и литературной критикой. *Материалы и методы.* Исследование основано на материалах четырех рассказах автора. Для анализа текстов использованы сравнительно-сопоставительный метод, герменевтический подход и метод описательной поэтики. *Результаты.* Четыре рассказа Д. Насунова опубликованы с 1971 г. по 1977 г. Дебют выхода поэтической книги автора «Голоса расстояний» и рассказа «Тяжелая плеть» совпал в 1971 г. Писатель планировал работать в прозе, задумав повесть. Названия рассказов односоставные («Адьян», «Ботхн») и двусоставные («Тяжелая плеть», «Самостоятельное решение»). В художественном отношении выделяются два текста: «Тяжелая плеть» (1971) и «Адьян» (1977). Первый обращен к прошлому, второй — к современности. Действие всех рассказов происходит в Калмыкии, основные персонажи — калмыки, есть и представители других национальностей. Тематика нарративов широкая: история страны и народа, культура, природа, родной край, экология, фольклор. Проблемы национальной идентичности, поиска утраченных корней, разрушения связей между поколениями, воспитания молодежи, преступления и наказания, сохранения степной фауны, рассмотренные в статье через призму взаимоотношений «своих» и «чужих» людей, конфликты любовные, социальные, морально-нравственные, этические и др., показывают авторские интенции писателя как его гражданскую, патриотическую позицию, неотделимую от его поэзии. Как лирика, так и малая

проза калмыцкого русскоязычного писателя демонстрируют связь с национальной литературой, фольклором, историей, культурой, определяя значимое место Джангра Насунова в истории калмыцкой словесности.

Ключевые слова: калмыцкий русскоязычный рассказ, жанр, 1970-е гг., оппозиция «свой — чужой», поэтика

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «„Свой“ — „другой“ — „чужой“ в калмыцкой литературе рубежа XX–XXI веков: имагологический аспект» (№ 25-28-01283, <https://rscf.ru/en/project/25-28-01283/>).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Поэтика рассказов Джангра Насунова 1970-х гг. // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 177–189. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-177-189

Abstract. Introduction. The purpose of the article is to introduce into scientific circulation the stories of the 1970s by the Kalmyk Russian-speaking writer Dzhangar Nasunov (1942–1979), to consider the poetics of these works. *Materials and methods.* The research materials are based on four short stories by the author, which have not become the object and subject of research in literary criticism. The comparative method, the hermeneutic approach, and the method of descriptive poetics are used to analyze texts. *Results.* D. Nasunov wrote and published four short stories from 1971 to 1977. The debut of the author's poetry book "Voices of Distances" and the short story "Heavy Whip" coincided in 1971. The writer planned to work in prose, having conceived a novel. Four author's stories, unequal in volume and artistic level, went unnoticed by readers and literary critics. The names of the stories are one- and two-part: "Adyan", "Bothn", "Heavy Whip", "Independent Decision". Two texts stand out from these works artistically: "The Heavy Lash" (1971) and "Adyan" (1977). The first is addressed to the past, the second to the present. The action of all the stories takes place mainly in Kalmykia, the main characters are Kalmyks, and there are representatives of other nationalities. The themes of the narratives are wide: the history of the country, people, culture, nature, native land, ecology, folklore. The problems of national identity, the search for lost roots, the destruction of ties between generations, the upbringing of youth, crime and punishment, the preservation of steppe fauna, considered in the article through the prism of the relationship of "own" and "strangers" people, love conflicts, social, moral, ethical, etc., show the author's intentions of the writer as his civil, a patriotic position, inseparable from his poetry. Both the lyrics and the short prose of the Kalmyk Russian-language writer demonstrate a connection with national literature, folklore, history, and culture, defining the significant place of Dzhangar Nasunov in the history of Kalmyk literature.

Keywords: Kalmyk Russian-language short story, genre, 1970s, "friend or foe" opposition, poetics

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 25-28-01283 «„One's Own“ — „the Other“ — „the Alien“ in Kalmyk Russian-language Literature at the turn of the 20th–21st Centuries: Imagological Aspect». Available at: <https://rscf.ru/en/project/25-28-01283/>.

For citation: Khaninova R. M. The Poetics of the Stories of Dzhangar Nasunov in the 1970s. *Mongolian Studies (Elista)*. 2026. Vol. 18. Is. 1. Pp. 177–189. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-177-189

1. Введение

Джангр Насунов (литературный псевдоним Виктора Ивановича Насунова, 1942–1979 гг.) — калмыцкий русскоязычный поэт, вошедший в литературу в начале 1970-х гг. Своеобразие его жизненного и творческого пути определено Великой Отечественной войной (1941–1945 гг.), сибирской ссылкой семьи

(1943–1957 гг.), рождением от отца-калмыка и матери-русской, учебой в Литературном институте им. А. М. Горького, созданием произведений на русском языке. Несмотря на профессиональное образование, издание двух прижизненных книжек стихотворений «Голоса расстояний» (1971) [Насунов 1971a] и «Поселенцы» (1977) [Насунов 1977b], публикации произведений в республиканских и всесоюзных газетах и журналах, ему было отказано в приеме в Союз писателей Калмыкии из-за того, что он не писал на калмыцком языке.

Его поэзия стала объектом и предметом литературоведческого исследования в этом столетии [Литературы народов России 2005; Современная русскоязычная 2012; Салдусова 2009; Ханинова 2013a; Ханинова 2013b; и др.]. «Насунов — поэт, выраживший мировосприятие поколения, утратившего всякие иллюзии, но не потерявшего генетической связи с предками, которая дает опору в понимании изначальной разумности мира, его целесообразности» [Салдусова 2009: 510]. Среди основных трудов, в которых анализируется творчество Джангра Насунова — монография, написанная на основе кандидатской диссертации, и статьи Д. Ю. Топаловой (Зумаевой) [Топалова (Зумаева) 2014a; Топалова 2014b; и др.]. Если со временем все очевиднее становится значимость художественного наследия Д. Насунова-поэта [Насунов 1980; Насунов 1982; Насунов 2017], то его проза все еще остается на периферии внимания исследователей. Автор четырех рассказов, написанных с 1971 г. по 1977 г., оставил эссе, статьи, заметки, опубликованные в газете «Комсомолец Калмыкии», где тогда трудился корреспондентом [Насунов 1973; Насунов 1974].

2. Материалы и методы

Материалами для исследования художественной прозы писателя стали четыре рассказа, опубликованные в разных изданиях с 1971 г. Это рассказ «Тяжелая плеть» (1971), отсылающий к давним временам, о судьбе женщины-калмычки; он вошел в сборник молодой поэзии и прозы Калмыкии «Души прекрасные порывы» [Насунов 1971b: 89–98]. Второй рассказ «Самостоятельное решение» был напечатан в журнале «Теегин герл» («Свет в степи») в 1972 г. [Насунов 1972: 69–76]. Третий рассказ «Адьян» и четвертый рассказ «Ботхн» появились на страницах республиканской газеты «Комсомолец Калмыкии» в 1975 г. [Насунов 1975a: 3, 4] и 1977 г. соответственно [Насунов 1977a: 4]. Их публикация прошла незамеченной [Бадмаева, Гей 1976; История калмыцкой литературы 1980; Калмыцкая литература XX века 2006; Джамбинова 2009; и др.].

Для анализа этих текстов в статье использованы сравнительно-сопоставительный метод и метод описательной поэтики.

3. Поэтика рассказов Д. Насунова 1970-х гг.

3.1. Рассказ «Тяжелая плеть» (1971)

Если взглянуть с хронологической точки зрения, то увидим, что наряду со стихами Джангр Насунов пробовал свои силы и в прозе. Так, первый рассказ и первая поэтическая книга относятся к 1971 г. Время от времени поэт обращался к жанру рассказа: в 1971, 1972, 1975, 1977 гг. Главным же в его жизни и творчестве оставалась поэзия, в основном лирика. Был опубликован фрагмент поэмы «Поселенцы», полностью текст не известен до сих пор. Кто знает, как сложилась бы судьба Д. Насунова-прозаика, если бы не преждевременный трагический уход из жизни в возрасте 37 лет. В. З. Церенов вспоминал, как вечерами с Джангром

нередко гуляли, и «он делился сюжетами будущих рассказов. Говорил, что работает над повестью „На берегах Тальменки“» [Церенов 2017: 17].

Ср.: известный калмыцкий русскоязычный прозаик и киносценарист Олег Лиджиевич Манджиев (1949–2021) начал с повести, написанной в соавторстве с бурятским русскоязычным поэтом Намжилом Нимбуевым, будучи студентом Литературного института им. А. М. Горького, издал в 1970 г. маленький сборник стихов «Небесный родник» [Манджиев 1982], полностью перешел на прозу в жанрах рассказа, повести, завершив романом, не оставляя киносценарии. Поскольку, видимо, время уже было иное, он стал членом Союза писателей СССР, как потом и другие калмыцкие писатели, создававшие свои произведения на русском языке. Как выясняется, Олег и Джангр общались, и Джангр написал первую рецензию «Паруса его светлой мечты» [Насунов 1975б: 8] на повесть «Мальчишка с бантиками», когда она была издана в 1975 г. [Манджиев, Нимбуев 1975], поддержав молодого прозаика.

Первое прозаическое произведение «Тяжелая плеть» Д. Насунова структурировано как рассказ в рассказе. Небольшой по объему, он построен на диалоговой основе: встреча представителей двух поколений — старшего и младшего. Внук приехал, чтобы узнать, где находится землянка уже умершего деда, и разговорился с местным стариком, как оказалось, знавшим его родню. Место встречи, как и время, не конкретизировано. Отдельные хронологические упоминания в рассказе старика маркируют прошлое (до Гражданской войны, в Гражданскую войну, после Гражданской войны, до Советской власти, во время Советской власти, прошло полвека) и современность. Поначалу старик безымяннен, постепенно называется его имя — Гучин, в конце его монолога и фамилия — Адьянов. Молодой собеседник остается безымянным, известны лишь фамилия Лиджанов, имена его деда Овше и отца Ивана. Обратим внимание на то, что автор дал настоящие имена своей родни — деда (Овше) и отца (Иван). Рассказ начинается с приветствия приезжего, обращающегося к старику по-калмыцки — *аава* (дедушка), но здоровающегося по-русски: «Здравствуйте, аава» [Насунов 2017: 180]. Позже, войдя в дом, он спрашивает у старика о его жене, назвав ее по-калмыцки бабушкой: *эджа* (калм. *ээж*). «Эджа у соседей? — спросил я» [Насунов 2017: 185]. В разговоре самого хозяина лишь раз встречается калмыцкое обозначение водки — *арака* (арька) [Насунов 2017: 189]. Старик каждый раз называет плеть по-русски, а не по-калмыцки, например *маля*.

Рассказ назван «Тяжелая плеть», подчеркивается тем самым физический вес вещи. В контексте определение «тяжелая» наполняется дополнительным смыслом: чувством вины мужа, избившего плетью свою жену до полусмерти за смерть их сына, задохнувшегося во сне шерстью от овчины, которой был укрыт. Спустя много десятилетий старик Гучин рассказал свою драматичную историю жизни внуку своего друга Овше. Было это полвека назад, когда в «калмыцкой кибитке висело две плети. Та, что подлиннее и потяжелей, — для жены, та, что покороче и полегче, — для лошади. Лошадь жалели больше, чем жену» [Насунов 2017: 187]. Здесь чеховский прием: висит на стене плеть, которая вскоре станет действующим орудием в конфликте мужа и жены. Трудно сказать, чем обусловлены такие функции перечисленных двух вещей, так как тяжелая плеть с металлическим включением использовалась кочевниками-калмыками в бою, на охоте, в схватке с хищным зверем и т. д., не имела такого специально-

го предназначения — наказание жены. См. об этом в нашей монографии (1.6. Магтал плети-маля в калмыцком фольклоре и лирике XX–XXI вв.) [Ханинова 2025: 41–49]. В то же время случаи такого наказания жены плетью ранее не были редкостью. См. стихотворение Боси Сангаджиевой «Маля» (1981), в котором эта вещь показана с точки зрения классово-социальной и нравственно-бытовой (наказание бедноты, коней, жены и детей) [Сангаджиева 2008: 312–313].

В своем рассказе старик уточнил, что тяжелая плеть была со свинцовой пулей на конце. Этой плетью он жестоко наказал свою жену Занду и сбежал, думая, что убил ее. Оказалось, что она выжила, вышла потом замуж за своего спасителя Бадму, родила ему двух сыновей. Когда после Великой Отечественной войны, через много лет, Гучин вернулся на родину, случайно встретился со старой Зандой, у которой остался шрам на левой щеке от его плети, повинился перед ней за свою жестокость, и она пожалела его, как и своего умершего сына. В своем рассказе Гучин трижды проклинает те давние времена, ту тяжелую плеть: *«Будь прокляты те времена! Будь проклята та тяжелая плеть со свинцовой пулей на конце!»* [Насунов 2017: 185, 187, 189]. Отметим, что у калмыков не принято было вслух проклинать кого-либо или что-либо (калм. *харал* ‘проклятие’), считалось это грехом, страшились и возвратного проклятия [Ханинова 2025: 139–140]. Старик признался, что всю жизнь его мучила совесть от того, что он несправедливо поступил с другими, как несправедливо в детстве поступили с ним (эпизод с быком). Характерно, что в сибирской ссылке Гучин женился на русской женщине, но детей у них с Галей не было. После ее смерти вдовец так и остался одиноким. Одиночество понимается им самим как наказание за грехи молодости.

Рассказ имел открытый финал: старик вспомнил, что дед гостя не пил с кем попало араку, а с Гучином осушал пиалу. Не очень понятна такая концовка встречи собеседников. Стилистически речь старика также неоднородна, имея и книжные конструкции. Несколько странна реакция молодого собеседника, молча слушавшего исповедь хозяина, но никак не отозвавшегося на эту историю. Вероятно, дилемма «свое – другое», «другое – чужое» для нового поколения понимается по-иному.

3.2. Рассказ «Адьян» (1975)

Тема экологии природы и души человека в рассказе «Адьян» показана на примере браконьерской охоты Убуша и Адьяна за сайгаком. Молодой детдомовец тянулся к Убушу, в котором увидел отца. *«Простодушному Адьяну казалось, что Убуш — это тот самый человек, который мог бы заменить ему отца»* [Насунов 2017: 203]. Для него чужой человек становится своим. Напрасно учетчик пытался разубедить юношу. Тот ответил:

«Оригинальный он какой-то... Лицо у него живописное... И халву вот под-солнечную любит, как маленький...»

— *Халву любит, — передразнил учетчик, — пора уж в людях разбираться. Попадешь ты с ним в беду. А тебе ведь осенью в армию.*

— *Зря вы на него так... — уклончиво ответил Адьян»* [Насунов 2017: 203–204].

Предчувствие не обмануло учетчика, видимо, знавшего Убуша и разбиравшегося в людях.

Обман раскрылся, когда Убуш трусливо бросил Адьяна, раненного сайгачьим рогом, оставив умирать в степи. Утром юношу подобрал чабан. Теперь в будке

на летней чабанской стоянке над умирающим человеком *«теснились трое: поселковый врач, милиционер и чабан-даргинец»* [Насунов 2017: 208].

В этом рассказе мир природы и мир человека противопоставлены через чувства и мысли старого рогаля, спасающего от браконьеров сайгачонка тем, что он уводит погоню, и азарт молодого человека, стремящегося убить вожака-сайгака, чтобы продемонстрировать свою взрослость перед Убушем. Эта своего рода инициация, закончившаяся смертью юноши, так и не успевшего повзрослеть. Рассказ заканчивался на трагической ноте: *«Почему он меня бросил? Почему? — и в глазах его вместе с ужасом застыли удивление и обида»* [Насунов 2017: 208].

Смерть рогаля после ударов Адьяна ножом, когда животное добил Убуш, предваряет будущую гибель молодого человека. Самообман Адьяна стоил ему короткой жизни. Он понимал, что охота на сайгаков запрещена, что браконьерство нарушает закон, но ему хотелось быть наравне с взрослыми, с Убушем, показать, что он смел, ловок, никого и ничего не боится, чтобы заслужить похвалу, одобрение старшего товарища.

В рассказе нет охотинспекторов, но подразумевается, что при встрече с ними браконьеры должны будут или бежать, или сопротивляться.

Ср. в стихотворении Д. Насунова «Подранок» (1971), в котором показано противостояние животного и пьяного шофера, старавшегося буфером машины сбить раненного им сайгака, когда его ружье лежало рядом на сиденье до поры, до времени. Бедному животному сочувствуют степь и люди: *«Кричала степь водителю: / „Не надо!“ / И чабаны кричали вдалеке»* [Насунов 1971а: 14]. Поэт передал восприятие бегства самим сайгаком: *«Качалась степь, и прыгали барханы. / Сайгак сдавал, он выбился из сил»* [Насунов 1971а: 14]. Крик природы, крики людей, протестующих против убийства животного, диссонируют с молчанием и бездушием преследователя: *«А за рулем водитель полупьяный / Лениво улыбался и курил»* [Насунов 1971а: 14].

Ср. в рассказе «Адьян» охоту юноши на мотоцикле за сайгаками. Здесь противостояние механической силы и природной силы. Браконьеры уже не тратят пули, гонят по степи сайгаков до тех пор, пока те не упадут без сил, тогда можно зарезать их и спилить рога.

В другом стихотворении, помещенном на следующей странице за «Подранком» в первой книге поэта «Голоса расстояний» (1971), с суровым и жестким названием «Выстрел», посвящение раскрывает адресат: «Памяти Улдиса Кнакиса — инспектора службы охраны сайгаков, погибшего при исполнении служебных обязанностей» [Насунов 1971а: 15]. Мы понимаем, что официальная формулировка причины смерти человека не уменьшает авторской боли, о чем свидетельствует произведение, созданное после трагического известия. Улдис Карлович Кнакис (1939–1970), возглавлявший созданный им отдел охраны сайгаков госохотинспекции Калмыкии, погиб в возрасте 30 лет 26 сентября 1970 г. от выстрелов браконьеров во время ночного патрулирования в 18 км от поселка Белоозерный Юстинского района. Поэт сразу ввел в текст слова биолога-охотоведа, сказанные ранее журналисту, показав, что поступок подтвердил его убеждения: природу надо охранять, она беззащитна перед браконьерами. *«„Что говорить? Когда дойдет до / драки — / Инспектор не попятится назад. / Когда бегут от выстрелов / сайгаки — / Инспекторы на выстрелы / спешат. / Ты для себя, пожалуйста, запомни, / Что там среди ковыльной тишины / Мои друзья видны»*

как на ладони — / Враги и на равнине не видны. / Но мы найдем. Мы знаем их / повадки. / И все о том я думал, и не раз, / Что тот, кто нынче выстрелил в сайгака, / Тот может завтра выстрелить и в нас", — / Вот так ответил Кнакис / журналисту / И попрощался: „Ждут меня дела", / И нынче ночью ветреной / и мгливой / Уехал в степь, что вновь его звала» [Насунов 1971а: 15–16]. Через прием олицетворения (степь позвала) поэт показал единение природы и человека. Изображение бегущего от погони сайгака вводит в трагическую ситуацию гибели животных (грузовик был набит их тушами) и охотинспектора. Следом телеграфно, «лесенкой», усиливающей ужасное сообщение: «Убили! Кнакиса убили! / Там! / Там! / Там!» [Насунов 1971а: 16]. И кольцевая композиция стихотворения, возвращающая к словам У. Кнакиса, подтверждающим, что есть «чужие» люди (враги) и есть «свои» (люди и сайгаки). «Но мы найдем. Мы знаем их / повадки. / И все о том я думал, и не раз, / Что тот, кто нынче выстрелил в сайгака, / Тот может завтра выстрелить и в нас» [Насунов 1971а: 16]. Тогда в газетах сообщалось о том, как искали преступников, но, как выясняется, до сих пор их не нашли. Есть своеобразные переклички между насуновским рассказом и реальной историей: раненого инспектора напарник-водитель отвез к ближайшей чабанской кошаре, а сам поехал за врачом и милицией; Улдис там очнулся, вскоре скончался, сказав, что плохо себя чувствует. В честь знаменитого героя названы его именем улицы в Элисте, в поселке Белоозерный Юстинского района Калмыкии и селе Тунгусово Молчановского района Томской области. Похоронен он был на родине, в Латвии. Еще одна историческая параллель с калмыками: Улдис вместе с родителями был выслан в Сибирь, где прошло его детство. Видимо, такие биографические факты отозвались в душе поэта, тоже ребенком оказавшегося с семьей в сибирской ссылке.

3.3. Рассказ «Самостоятельное решение» (1972)

В другом рассказе писателя «Самостоятельное решение» (1972) среди персонажей в основном школьники, главный из них десятиклассник Наран Уланов, с которым связаны основные события. Он помогает бабушке Анастасии продать яблоки на базаре, купить для взрослого ее внука из Сочи костюм, узнав, что внук со своей женой не торопится взять к себе бабушку, оставляя ее в одиночестве, пишет ему письмо, объясняя ситуацию, и просит приехать или забрать бабушку. Наивное поведение школьника характеризует его отношение к «чужому», бабушка становится для него «своей»: он безвозмездно помогает ей, не берет предложенный ею костюм, предназначенный для неблагодарного внука, переживает, что бабушка беспомощна в своих отношениях с родственником. Рассказ не лишен дидактичности, несколько прямолинеен в характеристике персонажей.

3.4. Рассказ «Ботхн» (1977)

Совсем иной по содержанию последний насуновский рассказ «Ботхн» (1977). Это попытка создать сатирико-юмористический нарратив с калмыцким типом балагура. Рассказ назван «Ботхн» («Верблюжонок»), но это повествование не о животном, а о местном вале с таким именем. Жена Саглар говорит ему: «Тридцать лет живу с тобой и все время удивляюсь, как это тебе такое имя дали, Ботхн — это верблюжонок, а верблюды, как тебе известно, народ молчаливый. Тебе бы больше подошло имя Мечн. Обезьяна только тем и занимается, что тархтит без умолку...» [Насунов 2017: 210]. Двухгодовалого верблюжонка по-калмыцки называют ботхн. Раньше калмыки давали имена с плохой семан-

тикой новорожденным из суеверия, полагая, что это поможет уберечь их от беды. См. в рассказе «Тяжелая плеть»: когда у Гучина с Зандой умер первый сын, второго сына они назвали Ноха (Собака), чтобы сохранить жизнь ребенку. Но и это не помогло.

Есть здесь отсылка к первому рассказу «Тяжелая плеть», к мотиву двух плетей в кибитке — для жены и лошади. Ботхн говорит своей жене: *«Раньше в калмыцкой кибитке висело две плети. Та, что потяжелее — для жены. Та, что полегче — для лошади. Если, Саглар, ты не прикусишь свой язык, то на этой стене с завтрашнего дня будет висеть тяжелая кочерга и, благодари бога, что ее сейчас там нет, хотя твой язык тяжелее любой самой тяжелой кочерги...»* [Насунов 2017: 211]. Автор вводит в нарратив сравнение с калмыцким узлом. Муж выговаривает жене:

«Языкастая стала! Пожила со мной — стихами ипаришь. А раньше, как младенец не может аркан калмыцким узлом завязать, так и ты не могла двух слов связать в одно предложение.

— Зачем так врать, Ботхн? Ты ведь знаешь, что только я одна могла связать из слов аркан, чтобы заарканить твой не в меру длинный язык и завязать его в калмыцкий узел, чтоб он хоть немного помолчал» [Насунов 2017: 210].

Попыткой по просьбе соседей рассказать веселое стало напоминание Ботхон о чудодейственной силе эпоса «Джангар», когда сказитель-джангарчи мог пением спасти рыбаков, унесенных на льдине в море. И сам Ботхн попробовал как-то раз, пошел к морю, запел, и море пошло за ним. Но когда голос его дважды срывался от кашля (курил много), море возвращалось в свои берега. Ср. стихотворение Д. Насунова «Джангарчи» на тему спасения рыбаков с помощью пения эпоса [Насунов 1980: 21–22].

Собственно веселого или забавного в рассказе мало. Завершается повествование утверждением Ботхона, что нельзя на свете прожить без женщин, что как-то плохо взаимосвязано с предыдущими диалогами супругов.

4. Заключение

«Базовой координатой в становлении и развитии образа мира является оппозиция „свое — чужое“, отражающая наиболее существенные, культурно и индивидуально своеобразные характеристики, представляющие собой фундаментальную опору существования в мире. В психологической плоскости означенная оппозиция обозначается как базовый смысловой конструкт, „посредством которого человек структурирует свой жизненный мир“» [Кондратова 2011: 119]. Уточняется, что та часть жизненного мира, к которой человек чувствует непосредственную сопричастность, близость, может рассматриваться как «жизненное пространство личности». «Объекты, входящие в это пространство, ощущаются человеком как значимые и „свои“: близкие, интересные, любимые, знакомые. С какой-то частью этих объектов человек идентифицируется, включая их в свое Я» [Золотова 2018: 98]. Как подчеркивается исследователями, «оппозиции *свой / чужой* <...> получает валорификацию в оценочном поле *положительный / отрицательный*. При этом специфика оппозиции *свой / чужой* состоит в том, что она не абсолютна, а относительна, то есть как бы „подвижна“: *свой* меняет знак, становясь *чужим, чужой* „приватизируется“, *друг* делается *врагом*...» (выделение автора. — Р. Х.) [Цивьян 2002: 467].

Эти особенности бинарной оппозиции «свой – чужой» проецируются в четырех рассказах Джангра Насунова. Написанные в разные годы в промежутке с 1971 г. по 1977 г., эти нарративы неравнозначны по своему уровню. По нашему мнению, значимыми являются два из них: «Тяжелая плеть» (1971) и «Адьян» (1975). Первый, структурированный как рассказ в рассказе, отсылает к дореволюционному прошлому, Гражданской и Отечественной войнам, к неравноправному положению калмычки в семье, ставшей жертвой насилия со стороны мужа, наказавшего ее плетью за смерть их младенца. В столкновении «своего» (младенец) и «другого» (жена) Гучин на стороне сына: жена становится для него «чужой» из-за того, что не уберегла ребенка. Спустя десятилетия после трагедии, мучимый совестью, мужчина винит во всем проклятые времена. Для его выжившей после избиения жены Занды «чужой» человек Бадма становится «своим», она выходит за него замуж, у них появились дети. Для Гучина, женившегося вторично в ссылке на русской женщине, Галя стала «своей». Показательно, что Бадма воспринимается Гучином при возвращении по-разному, но не «чужим» (врагом), а «другим», поскольку он спас Занду, приютил ее, тем самым избавив Гучина от правосудия. Оппозиция «свой – чужой» в отношении гостя в рассказе показана на разных параллелях: так, Гучин и Бадма, будучи в гостях, сдерживают свои проявления чувств друг к другу, а Гучин, принимая у себя гостя-рассказчика, ведет себя в зависимости от ситуации: вначале воспринимает гостя как «чужого», потом — объяснив эту привычку давних времен (опасаться чужих как потенциально врагов-разбойников). Недаром *«негативно-оценочные коннотации отражены в устойчивом сочетании **незванный гость**, синонимом которого является **чужой**»* (выделение автора. — Р. Х.) [Сырица 2016: 206]. Потом в общении гость становится для старика «своим», когда выясняется, что это внук его друга Овше: он приглашает гостя в дом, угощает, исповедуется, рассказывая о своей трудной жизни, о своем преступлении и наказании.

В сравнительно-сопоставительном плане при анализе рассказа «Адьян» рассмотрены и насуновские стихотворения «Подранок» и «Выстрел», посвященный памяти Улдиса Кнакиса, охотинспектора, погибшего при задержании браконьеров в калмыцкой степи в 1970 г. Объединяет эти произведения тема защиты природы (сайгаки) и человека. Для молодого детдомовца Адьяна степь, как и ее обитатели-сайгаки, так и не стала «своей»: он отправляется на охоту, чтобы добыть животных, и умирает, раненный сайгачьим рогом. Кроме того, Убуш, которого он принимал как отца, друга, т. е. как «своего», оказывается на деле «чужим» (врагом), именно из-за него юноша умирает. Происходит запоздалая переоценка «своего» и «чужого» в жизненном пространстве молодого человека, но он не может понять перед смертью, почему так случилось.

А латыш-госинспектор Улдис Кнакис воспринимает степь и ее фауну как «свою», организовав отдел по охране сайгаков, и героически погибает, защищая природу. Браконьеры, независимо от их национальности, для него «чужие» (враги), несущие угрозу и смерть реликтовым животным.

Эти два рассказа сохраняют свою актуальность, демонстрируя героев и антигероев своего времени в парадигме «свой – чужие».

Менее удачными были рассказы «Самостоятельное решение» (1972) и «Ботхн» (1977), один, перегруженный дидактикой, создавал калмыцкий образ гайдаровского Тимура без его команды, другой — с попыткой представить кал-

мыцкий тип враля-балагура, возможно, не соответствовал творческому почерку автора.

Тем не менее прозаические эксперименты поэта могли бы в будущем иметь определенный потенциал, если бы не преждевременная смерть автора.

Литература

- Бадмаева, Гей 1976 — *Бадмаева Б. Б., Гей В. А.* Советская калмыцкая проза. Основные тенденции ее развития. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 130 с.
- Джамбинова 2009 — *Джамбинова Р. А.* Проза // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 тт. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 512–521.
- Золотова 2018 — *Золотова Н. О.* Иноязычное слово на пересечении границ между «чужим», «другим» и «своим» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 4(31). С. 97–103.
- История калмыцкой литературы 1980 — История калмыцкой литературы. В 2 тт. Т. 2. Советский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 445 с.
- Калмыцкая литература XX века 2006 — Калмыцкая литература XX века. В 3 кн. Кн. 1. Джамбинова Р. А. Калмыцкая художественная проза XX века. Элиста: Джангар, 2006. 272 с.
- Кондратова 2011 — *Кондратова Н. А.* Смысловой конструкт «свое – чужое» в контексте понятия «жизненное пространство личности» // Психология субъективной семантики: истоки и развитие. М.: Смысл, 2011. С. 119–133.
- Манджиев 1982 — *Манджиев О. Л.* Небесный родник: стихи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 84 с.
- Манджиев, Нимбуев 1975 — *Манджиев О. Л., Нимбуев Н. Ш.* Мальчишка с бантиками: повесть. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. 160 с.
- Литературы народов России 2005 — Литературы народов России: XX в.: Словарь / отв. ред. Н.С. Надъярных. М.: Наука, 2005. 365 с.

References

- Badmaeva B. B., Gay V. A.* Soviet Kalmyk Prose. The Main Trends of its Development. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 130 p. (In Russ.)
- Dzhambinova R. A.* Proza History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day: in 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 512–521. (In Russ.)
- Zolotova N. O.* A Foreign Word at the Intersection of Borders between “Alien”, “Other”, and “One’s Own”. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2018. No. 4(31). Pp. 97–103. (In Russ.)
- The History of Kalmyk Literature. In 2 vols. Vol. 2. The Soviet Period. Elista: Kalmyk Book Publ., 1980. 445 p. (In Russ.)
- Dzhambinova R. A.* Kalmyk Fiction of the Twentieth Century. Elista: Dzhangar, 2006. 272 p. (In Russ.)
- Kondratova N. A.* Semantic Construct “One’s Own – Another’s” in the Context of the Concept of “Personal Living Space”. In: *Psychology of Subjective Semantics: Origins and Development*. Moscow: Smysl, 2011. Pp. 119–133. (In Russ.)
- Manzhiev O. L.* Heavenly Spring: Poems. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. 84 p. (In Russ.)
- Mandzhiev O. L., Nimbuev N. Sh.* The Boy with Bows: A Novel. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. 160 p. (In Russ.)
- Literature of the Peoples of Russia: 20th Century: Dictionary. N. Nadyarnykh (ed.) Moscow: Nauka, 2005. 365 p. (In Russ.)

- Насунов 1971a — *Насунов Д.* Голоса расстояний: стихи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971a. 62 с.
- Насунов 1971b — *Насунов Д.* Тяжелая плеть // Души прекрасные порывы: молодая поэзия и проза Калмыкии / сост. Б. Б. Пинчук. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. С. 89–98.
- Насунов 1972 — *Насунов Д.* Самостоятельное решение: рассказ // Теегин герл. 1972. № 3. С. 69–76.
- Насунов 1973 — *Насунов Д.* Музыка из легенды // Комсомолец Калмыкии. 1973. 1 марта. С. 4.
- Насунов 1974 — *Насунов Д.* Сказание о верблюде // Комсомолец Калмыкии. 1974. 3 декабря. С. 4.
- Насунов 1975a — *Насунов Д.* Адьян // Комсомолец Калмыкии. 1975. 15 ноября. С. 3, 4.
- Насунов 1975b — *Насунов Д.* Паруса его светлой мечты // Комсомолец Калмыкии. 1975. 14 декабря. С. 8.
- Насунов 1977a — *Насунов Д.* Ботхн // Комсомолец Калмыкии. 1977. 15 января. С. 4.
- Насунов 1977b — *Насунов Д.* Поселенцы: стихи. М.: Современник, 1977. 76 с.
- Насунов 1980 — *Насунов Д.* Полет копия: стихи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 60 с.
- Насунов 1982 — *Насунов Д.* Тамариск: стихи. М.: Современник, 1982. 75 с.
- Насунов 2017 — *Насунов Д.* Избранное. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 320 с.
- Салдусова 2009 — *Салдусова А. Г.* Поэзия // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 тт. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 497–512.
- Сангаджиева 2008 — *Сангаджиева Б. Б.* Избранные стихи и поэмы: в 2 тт. на калм. и рус. яз. Т. 1 (на калм. яз.). Элиста: Герел, 2008. 496 с.
- Современная русскоязычная 2012 — Современная русскоязычная поэзия Калмыкии: учеб. пособие. Элиста: КалмГУ, 2012. 128 с.
- Nasunov D.* Voices of Distances: Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. 62 p. (In Russ.)
- Nasunov D.* The Heavy Lash. In: Beautiful Impulses of the Soul: Young Poetry and Prose of Kalmykia B. Pinchuk (comp.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. Pp. 89–98. (In Russ.)
- Nasunov D.* Independent Decision: a Story. *Teegin Gerl.* 1972. No. 3. Pp. 69–76. (In Russ.)
- Nasunov D.* Music from the Legend. In: Komsomolets Kalmykii. 1973. March 1. P. 4. (In Russ.)
- Nasunov D.* The Legend of the Camel. In: Komsomolets Kalmykii. 1974. December 3. P. 4. (In Russ.)
- Nasunov D.* Adyan. In: Komsomolets Kalmykii. 1975. November 15. Pp. 3, 4. (In Russ.)
- Nasunov D.* The Sails of his Bright Dreams. In: Komsomolets Kalmykii. 1975. December 14. P. 8. (In Russ.)
- Nasunov D.* Bothn. In: Komsomolets Kalmykii. 1977. January 15. P. 4. (In Russ.)
- Nasunov D.* Settlers: Poems. Moscow: Sovremennik, 1977. 76 p. (In Russ.)
- Nasunov D.* Flight of the Spear: Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1980. 60 p. (In Russ.)
- Nasunov D.* Tamarisk: Poems. Moscow: Sovremennik, 1982. 75 p. (In Russ.)
- Nasunov D.* Favorites. Elista: KalmSC RAS, 2017. 320 p. (In Russ.)
- Saldusova A. G.* Poetry. In: History of Kalmykia from Ancient Times to the Present: in 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 497–512. (In Russ.)
- Sangadzhieva B. B.* Selected Verses and Poems: in 2 vols (in Kalm. and Russ.). Vol. 1 (in Kalm.). Elista: Gerel, 2008. 496 p. (In Kalm.)
- Modern Russian-language Poetry of Kalmykia: Textbook. Elista Kalmyk State University, 2012. 128 p. (In Russ.)

- Сырица 2016 — *Сырица Г. С.* Лексемы с амбивалетной коннотацией в аспекте оппозиции «свой — чужой»: гость // *Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое – чужое в языке и речи.* Тарту: Тартуск. ун-т, 2016. С. 200–210.
- Сырица G. S. Lexemes with Ambiguous Connotations in the Aspect of the “Self-Other” Opposition: The Guest. In: *Acta Slavica Estonica VIII. Proceedings on Russian and Slavic Philology. Linguistics XVII. Self and Other in Language and Speech.* Tartu: University of Tartu, 2016. Pp. 200–210. (In Russ.)
- Топалова 2014а — *Топалова (Зумаева) Д. Ю.* О своеобразии современной русскоязычной поэзии Калмыкии (на примере творчества Д. Насунова и Р. Ханиновой) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.* 2014. № 1. С. 59–67.
- Topalova (Zumaeva) D. Yu.* On the Peculiarities of Modern Russian-language Poetry in Kalmykia (Based on the Works of D. Nasunov and R. Khaninova). *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanities of the RAS.* 2014. No. 1. Pp. 59–67. (In Russ.)
- Топалова 2014б — *Топалова Д. Ю.* Русскоязычная поэзия Калмыкии: лирика Д. Насунова и Р. Ханиновой. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 256 с.
- Topalova D. Y.* Russian-language Poetry of Kalmykia: Lyrics by D. Nasunov and R. Khaninova. Elista: KIH RAS, 2014. 256 p. (In Russ.)
- Ханинова 2013а — *Ханинова Р. М.* Тема калмыцко-кавказских связей в лирике Джангра Насунова // *Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Мат-лы VI Междунар. науч.-метод. конф. (11–12 апреля 2013 г.)* Пятигорск: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2013. С. 67–70.
- Khaninova R. M.* The Theme of Kalmyk-Caucasian Ties in the Lyrics of Dzhangr Nasunov Russolinguisim and bi(poly)linguism in Intercultural Communication of the 21st Century: Cognitive and Conceptual Aspects: Materials of the VI International Scientific and Methodological Conference (April 11–12, 2013). Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University, 2013. Pp. 67–70. (In Russ.)
- Ханинова 2013б — *Ханинова Р. М.* Фольклор в лирике Джангра Насунова // *Диалог культур: национальное и инонациональное в литературе». Всерос. с междунар. участием очно-заочная науч.-практ. конф. (15 апреля 2013 г., г. Элиста).* Элиста: Калм. ун-т, 2013. С. 127–132.
- Khaninova R. M.* Folklore in the Lyrics of Dzhangra Nasunov. In: *Dialogue of Cultures: National and Non-National in Literature. All-Russian Part-Time Scientific and Practical Conference with International Participation (Elista, April 15, 2013).* Elista: Kalm. University, 2013. Pp. 127–132. (In Russ.)
- Ханинова 2025 — *Ханинова Р. М.* Калмыцкая поэзия XX – начала XXI вв.: поэтика лирических и лироэпических жанров малой формы в фольклорном аспекте. Элиста: КалмНЦ РАН, 2025. 322 с.
- Khaninova R. M.* Kalmyk Poetry of the 20th and Early 21st Centuries: Poetics of Lyrical and Lyric-Epic Genres of Small Forms in the Folklore Aspect. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2025. 322 p. (In Russ.)
- Церенов 2017 — *Церенов В.* Неброская красота // *Насунов Д. Избранное.* Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 3–26.
- Tserenov V.* Discreet beauty. In: *Nasunov D. Favorites.* Elista: KalmSC RAS, 2017. Pp. 3–26. (In Russ.)

Цивьян 2002 — Цивьян Т. В. Современная русская языковая ситуация в проекции на модель мира // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 465–475.

Tsivyay T. V. The Modern Russian Language Situation in the Context of the World Model // Slavic Language and Ethno-Language Systems in Contact with Non-Slavic Environments. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2002. Pp. 465–475.

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 18, Is. 1, pp. 190–217, 2026
DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-190-217

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЭКСПЕДИЦИИ

УДК / UDC 930

Великий чайный путь в историко-культурном наследии и современности южных провинций КНР: об итогах междисциплинарной экспедиции в апреле 2026 г.

*Борис Ванданович Базаров¹,
Дамдин Доржиевич Бадараев²,
Александр Борисович Базаров³,
Анатолий Сергеевич Бреславский⁴,
Александр Дмитриевич Гомбожаров⁵,
Виктория Очировна Намжилова⁶,
Чингис Цыбикдоржиевич Цыренов⁷,
Цэндмаа Энхчимэг⁸*

The Great Tea Road in the Historical, Cultural Heritage and Present-Day of the Southern Provinces of China: Results of an Interdisciplinary Expedition in April 2026

*Boris V. Bazarov¹,
Damdin D. Badaraev²,
Alexander B. Bazarov³,
Anatoly S. Breslavsky⁴,
Alexander D. Gombozhapov⁵,
Victoria O. Namzhilova⁶,
Chingis Ts. Tsyrenov⁷,
Tsendmaa Enkhchimeg⁸*

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

академик РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Scientific Advisor

 0000-0001-5326-1317. E-mail: bazarov60[at]mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор социологических наук, директор

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Director

 0000-0001-8173-7175. E-mail: damdin80[at]mail.ru

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация) Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат экономических наук, научный сотрудник Cand. Sc. (Economic Sciences), Research Associate

 0000-0001-5248-3583. E-mail: sasha.bazarov.97[at]bk.ru

⁴ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация) Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-8499-2064. E-mail: anabres05[at]mail.ru

⁵ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация) Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0001-9793-2274. E-mail: agombozh[at]gmail.com

⁶ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация) Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Cand. Sc. (Economic Sciences), Senior Research Associate

 0000-0001-7362-4701. E-mail: dayavika[at]yandex.ru

⁷ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация) Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-1088-0625. E-mail: chts17[at]mail.ru

⁸ Институт истории и этнологии МАН (д. 13, пр. Энхтайван, Баянзурхский район, 13330 Улан-Батор, Монголия) Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (13, Enkh-taivan Ave., Bayanzurkh District, 13330 Ulaanbaatar, Mongolia)

доктор исторических наук, ведущий науч-
ный сотрудник, ученый секретарь

Dr. Sc. (History), Leading Research Associ-
ate, Academic Secretary

0000-0002-6346-3016. E-mail: rigvady[at]yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2026

© Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Базаров А. Б.,
Бреславский А. С., Гомбожапов А. Д.,
Намжилова В. О., Цыренов Ч. Ц., Энхчимэг
Цэндмаа, 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Bazarov B. V., Badaraev D. D., Baza-
rov A. B., Breslavsky A. S., Gombozhapov A. D.,
Namzhilova V. O., Tsyrenov Ch. Ts., Enkhchimeg
Tsendmaa, 2026

Аннотация. *Цель* статьи — обобщить первичные результаты международной экспедиции авторов, состоявшей в Китайской Народной Республике в апреле 2026 г. и посвященной изучению историко-культурного наследия южной части китайского участка Великого чайного пути, а также итогов ревитализации этого участка в контексте развития чайной отрасли КНР и современного взаимодействия Китая, России и Монголии. *Материалы и методы.* Эмпирическую основу исследования составили полевые данные экспедиции: материалы музейных коллекций — экспонаты, в том числе визуальные источники (карты, схемы, статистические таблицы, фотографии и пр.); полевые наблюдения знаковых мест в городах маршрута (чайных плантаций, фабрик, демонстрационных залов предприятий, мемориалов и пр.); а также интервью и групповые дискуссии по теме экспедиции с представителями местной власти, науки, чайной и туристической отраслей, музейных учреждений. В исследовании применялся комплекс методов историко-источниковедческого, социологического и антропологического анализа. *Результаты.* Полевая работа группы на семи этапах экспедиции позволила, во-первых, уточнить историческую географию Великого Чайного пути на территории Цинской империи, исходную и современную роль отдельных территорий юга Китая в выращивании, переработке и транспортировке чая; во-вторых, соотнести масштабы торговли на Великом чайном пути и в приморских портах юга и юго-востока Китая в цинский период; в-третьих, раскрыть на конкретных производственных примерах современное содержание «Трех аспектов чайного дела» (культура, технологии, индустрия) — стратегии Си Цзиньпина по развитию чайной отрасли в Китае; в-четвертых, оценить значение Великого чайного пути в риторике и практике становления экономического коридора Китай – Монголия – Россия. *Выводы.* Материалы экспедиции свидетельствуют о множественности географических точек (ареалов) — южных истоков Великого чайного пути. На развитие сухопутного маршрута, становление его узловых пунктов, масштабы торговли существенное прямое и косвенное влияние оказали итоги Опиумных войн, расширивших число открытых для иностранной торговли портов страны, а также усиливших присутствие западных концессий в крупнейших городах цинского Китая. Успешное развитие чайной отрасли в современном Китае во многом согласуется не только с историей чайной культуры в стране, но и с реализацией системного подхода к ее развитию за счет использования передовых технологий в выращивании, производстве, упаковке, продвижении и реализации чая. Одновременно историко-культурное наследие Великого чайного пути широко востребовано в качестве значимого компонента для актуализации современных экономических, социокультурных и политических взаимодействий между обществами трех стран. **Ключевые слова:** Великий чайный путь, КНР, Россия, Монголия, российско-китайские отношения, китайский чай

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «От Чайного пути к Монгольскому коридору „Нового Шелкового пути“: исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая»

(№ 24-48-03025). Авторы выражают признательность коллегам из КНР, а также администрациям и сотрудникам музеев и исследовательских центров, оказавших поддержку по маршруту экспедиции.

Для цитирования: Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Базаров А. Б., Бреславский А. С., Гомбожапов А. Д., Намжилова В. О., Цыренов Ч. Ц., Энхчимэг Цэндмаа. Великий чайный путь в историко-культурном наследии и современности южных провинций КНР: об итогах междисциплинарной экспедиции в апреле 2026 г. // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 190–217. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-190-217

Abstract. The *aim* of the article is to summarize the primary results of the authors' international expedition, which took place in the People's Republic of China in April 2026 and was dedicated to the study of the historical and cultural heritage of the southern part of the Chinese section of the Great Tea Road, as well as the results of its revitalization in the context of the development of the tea industry in China and the modern interaction between China, Russia and Mongolia. *Materials and methods.* The empirical basis of the study was formed by the field data of the expedition: materials from museum collections — exhibits, including visual sources (maps, diagrams, statistical tables, photographs, etc.), field observations of symbolic places in the cities along the route (tea plantations, factories, memorials, etc.), as well as interviews and group discussions on the topic of the expedition with representatives of local authorities, science, tea and tourism industries, museum institutions. The study, therefore, relied on a combination of methods of historical and source study, sociological and anthropological analysis. *Results.* The fieldwork, conducted over seven stages of the expedition, allowed firstly, to clarify the historical geography of the Great Tea Road within the Qing Empire, as well as the original and current roles of territories in southern China in the cultivation, processing, and transportation of tea; secondly, to compare the scale of trade along the Great Tea Road with that in the coastal ports of southern and southeastern China during the Qing period; thirdly, using specific production examples, to reveal the contemporary content of the “Three Aspects of Tea” (culture, technology, industry) — Xi Jinping's strategy for the development of the tea industry in China; and fourthly, to assess the significance of the Great Tea Road in the rhetoric and practice of the development of the China-Mongolia-Russia economic corridor. *Conclusions.* The expedition materials attest to the multiplicity of geographic points (areas) representing the southern sources of the Great Tea Road. The development of the overland route, the establishment of its hubs, and the scale of trade were significantly influenced, both directly and indirectly, by the Opium Wars of the 1840s and 1850s, which expanded the number of ports open to foreign trade and strengthened the presence of Western concessions in the largest cities of Qing China. The successful development of the tea industry in modern China is largely consistent not only with the deep-rooted nature of tea culture in the country but also with the implementation of a systematic approach to its development through the use of advanced technologies in tea cultivation, production, packaging, promotion, and distribution. At the same time, the historical and cultural heritage of the Great Tea Road is widely sought after as a significant component in shaping contemporary economic, sociocultural, and political interactions between the societies of the three countries.

Keywords: Great Tea Road, China, Russia, Mongolia, Russian-Chinese relations, Chinese tea

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation: project no. 24-48-03025 “From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the “New Silk Road”: Historical Projections and Modern Interactions of Russia, Mongolia and China”. The authors express their gratitude to the colleagues from China, as well as to the administrations and staff of the museums and the research centers along the route.

For citation: Bazarov B. V., Badaraev D. D., Bazarov A. B., Breslavsky A. S., Gom-

bozhapov A. D., Namzhilova V. O., Tsyrenov Ch. Ts., Enkhchimeg Tsendmaa. The Great Tea Road in the Historical, Cultural Heritage and Present-Day of the Southern Provinces of China: Results of an Interdisciplinary Expedition in April 2026. *Mongolian Studies (Elista)*. 2026. Vol. 18. Is. 1. Pp. 190–217. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-190-217

1. Введение

Проведение специальных экспедиций по изучению историко-культурного наследия Великого чайного пути (далее — ВЧП) на территории КНР согласуется с рядом актуальных научных и общественно-политических задач. Наследие ВЧП может быть использовано как историческая основа для осмысления современных взаимоотношений между Китаем, Россией и Монголией, в частности в контексте формирования экономического коридора Китай – Монголия – Россия, развития международного и трансграничного туризма, а также укрепления социальных и культурных связей народов трех стран [Бадмаев 2017; Борисов и др. 2017; Дондоков, Намжилова 2022; Алексахина 2025; Ван 2025]. При этом, несмотря на рост исследовательского интереса последних лет, научные представления о ВЧП во многом сохраняют фрагментарный характер: отдельные работы концентрируются преимущественно на конкретных узлах маршрута — Кяхте, Иркутске, Ханькоу, Уишане, Янлоудуне, — либо на отдельных аспектах торговли, туризма, локальной идентичности и культурного наследия [Попова 2013; Косс, Плотникова 2015; Лю 2014; Lee 2014; Дацышен 2023]. В этой связи именно совместные инициативы академических сообществ КНР, России и Монголии способны дать более цельное представление об историческом значении ВЧП в развитии межгосударственных отношений, приграничных территорий и современных форм гуманитарного взаимодействия.

Экспедиция 2026 г. по существу выступила вторым этапом полевой работы команды проекта по изучению китайского участка ВЧП и современного взаимодействия КНР, России и Монголии: этой работе предшествовала экспедиция 2025 г., охватившая северный отрезок пути на территории Китая — историческую зону торговли чаем шаньсийских купцов [Базаров и др. 2025].

Перед экспедицией 2026 г. был поставлен ряд задач. Во-первых, анализ южной зоны чайного пути — мест выращивания, производства чая, начала ВЧП, а также южных портов, через которые чай поставлялся в Европу, США и другие страны морским путем. Важно было понять, как исторически организовывалось чайное производство, каковы были его объемы, масштабы, площади чайных плантаций, какими были многообразные виды, сорта, марки чая, почему только некоторые из них поступали в Россию, каким был потенциал этого производства, наконец, как на развитие ВЧП повлияло открытие и расширение морской торговли Цинской империи с западными империями, Японией и другими странами в XIX в. Во-вторых, уточнение роли чая в исторической и современной культуре Китая — так как команда проекта осознавала, что чай — одна из основ, константа китайской традиционной культуры, которая сохранялась при всех крупных политических, экономических изменениях в стране. В-третьих, исследуя чайный путь, мы концентрировали внимание на его современном значении в экономике, производстве, торговле, транзите товаров, взаимодействии

народов трех стран. Нам были интересны в целом возможности восстановления традиций экономических взаимоотношений между Россией, Китаем, Монголией, уверенного запуска трехстороннего экономического коридора между странами с разными экономиками, способами производства и политическими системами. Исторический опыт чайной торговли, взаимоотношений стран в XVII–XIX вв. в этом контексте особенно интересен, хотя в XX в. его ресурсы и были исчерпаны.

Экспедиция на территории КНР состоялась с 15 по 29 апреля 2026 г., а ее маршрут (более 4,5 тыс. км) включал семь этапов и прошел через г. Гуанчжоу (провинция Гуандун), г. Сямэнь, городской уезд Уишань (провинция Фуцзянь), г. Ухань, пос. Янлоудун (провинция Хубэй), г. Нанкин (провинция Цзянсу), а также города центрального подчинения Шанхай и Пекин (см. рис. 1). Нужно отметить, что между участками экспедиции команда передвигалась главным образом на скоростных поездах (более 300 км/ч), что существенно сэкономило время, позволяло оперативно приступать к началу новых этапов работы.

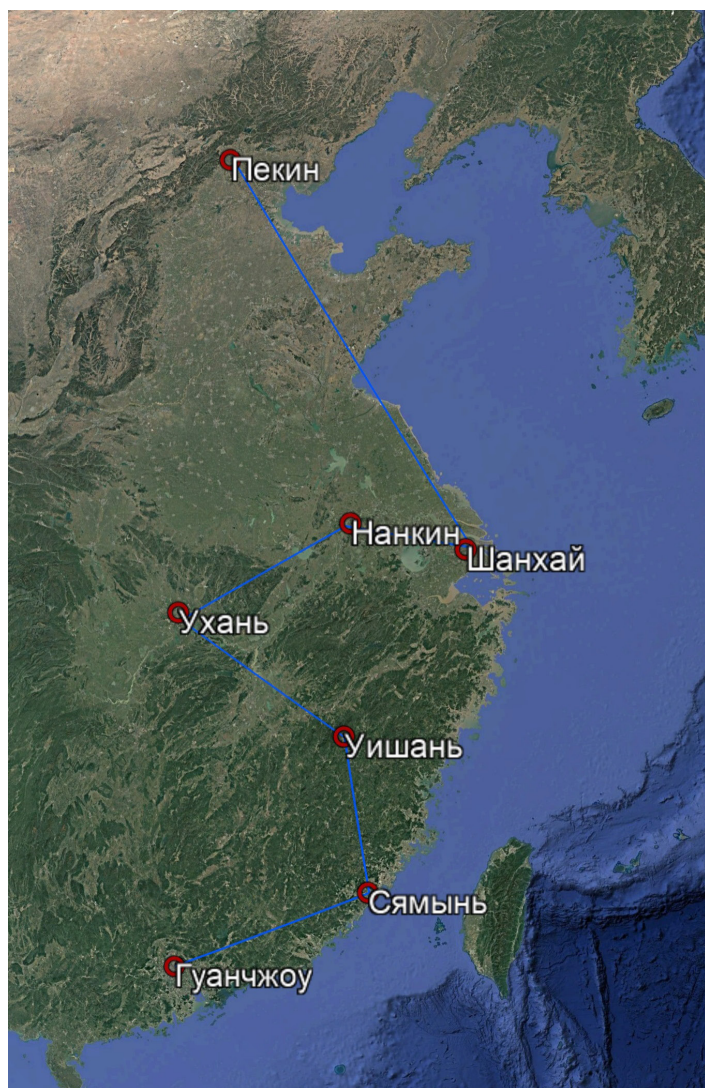

Рис. 1. Маршрут экспедиции 2026 г.
[Figure 1. Route of the 2026 expedition]

Команду исследователей составили специалисты из нескольких областей социогуманитарного знания, в том числе профильные ученые-китаисты, регионоведы. Этого требовали не только задачи языковой и межкультурной коммуникации во время экспедиции, но и сам предмет исследования, требующий широкого взгляда, учитывающего перспективы различных наук. Так, в состав экспедиции в этом году вошли семь сотрудников Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ИМБТ СО РАН) и один ученый из Института истории и этнологии Академии наук Монголии (авторы статьи). С четвертого этапа экспедиции к ней присоединились коллеги из Центра монголоведения Китайской академии общественных наук.

Рассмотрим первичные результаты экспедиции поэтапно, обратив внимание на принципиальные для исследования моменты.

2. Первый этап: Гуанчжоу и история морской торговли Китая

15–16 апреля 2026 г. участники международной экспедиции прибыли в Гуанчжоу — административный центр провинции Гуандун, один из крупнейших приморских городов юга Китая, история которого тесно связана с формированием морских торговых путей, связавших страну с внешним миром. Основным объектом исследования 15 апреля стал Музей провинции Гуандун, в котором особый интерес вызвали экспозиции, посвященные истории и культуре региона. В читальном зале музея участники экспедиции ознакомились с научной литературой по тематике экспедиции, экономике города, истории становления морской торговли, номенклатуре вывозимых и ввозимых товаров и пр. Анализ представленной здесь статистики свидетельствует, что провинция на протяжении более трех десятилетий лидирует по объемам производства валового регионального продукта в стране, а также по объемам контейнерных перевозок.

Для уточнения исторической роли города в чайной и шире — морской торговле с западными странами 16 апреля команда проекта посетила «Музей 13 факторий» (кит. *shísānxang*, Шисаньхан¹), изучив его экспозиции, полностью посвященные истории зарождения, развития и ликвидации деятельности торговых домов города. Отметим, что в 1775–1842 гг. эти торговцы представляли собой уникальный феномен государственно-частного партнерства в Цинской империи, имели исключительное право на ведение дел с иностранными торговыми компаниями Европы и США в режиме внешнего экспортера (через порты Бостона, Нью-Йорка, Лиссабона, Ливерпуля, Кейптауна и пр.), что хорошо иллюстрируют карты-схемы музея (см. фото 1).

Во внешней морской торговле и мировом торговом представительстве в Цинский период город долгое время оставался единственным центром страны (до завершения первой Опиумной войны, расширившей число открытых портов). Именно здесь сформировался прообраз будущего морского Шелкового пути XX–XXI вв. Гуанчжоу также стал «законодателем мод» во внутриматериковой торговле и принципиально повлиял на зарождение и развитие Великого чайного пути. Экспозиции музея свидетельствуют, что фактический рост морской торговли Китая в этот период происходил синхронно и взаимозависимо с развитием сухопутных торговых маршрутов на севере страны, в том числе чайного пути через Монголию в Россию. Примечательно, что полученные сведения говорят и

¹ Здесь «хан» означает торговые дома в Гуанчжоу.

Таблица 1. Налоговые поступления Кантонской таможни в отдельные годы от периода Юнчжэн до периода Даогуан (1727–1837)
[Table 1. Tax revenue of Canton Customs in selected years from the Yongzheng period to the Daoguang period (1727–1837)]

Год по цинскому летосчислению	Год н. э.	Налоговые поступления			Перечислено в государственную казну		
		Итого	Основной налог	Регламентированные сборы	Итого	Основной налог	Регламентированные сборы
Юнчжэн, 5-й год	1727	81 850,000	43 750,000	38 100,000	—	—	—
Цяньлун, 9-й год	1744	328 776,000	163 480,000	165 296,000	180 170,000	119 916,000	60 254,000
Цяньлун, 38-й год	1773	591 997,521	304 030,283	287 967,238	425 473,825	260 466,283	165 007,542
Цяньлун, 60-й год	1795	972 948,501	549 409,749	423 538,752	781 351,500	505 845,749	275 505,751
Цзяцин, 5-й год	1800	1 201 246,537	713 783,730	487 462,807	995 418,900	670 219,730	325 199,170
Цзяцин, 18-й год	1813	1 246 708,160	772 540,307	474 167,853	987 509,848	678 976,307	308 533,541
Даогуан, 7-й год	1827	1 573 379,208	898 269,995	675 109,213	640 934,137	154 705,995	486 228,142
Даогуан, 17-й год	1837	1 789 424,323	935 697,637	853 726,686	1 240 988,214	892 133,637	348 854,577

Источник: указанный на стенде Музея 13 факторий: «Составлено по архивам императорского двора Цин» (*According to the Qing Royal Court Archives*).

Примечание: в строке 1727 года на изображении указаны только налоговые поступления; графы расходов и перечислений в казну оставлены пустыми.

Фото 1. Участники экспедиции в Музее 13 факторий (кит. хан), г. Гуанчжоу
[Photo 1. Members of the Expedition at the Guangzhou Thirteen Hongs Museum]

в пользу того, что товарооборот чайного пути через Кяхту вполне соотносился с объемами морских перевозов до середины XIX в. Во всяком случае об этом свидетельствует сравнение объемов налоговых отчислений в казну государства, представленных в данных музейного стенда (см. табл. 1).

Следует подчеркнуть, что приведенная таблица отражает общий объем налоговых поступлений Кантонской таможни, в том числе и поступления от чайной торговли. Тем не менее для настоящего исследования она имеет принципиальное значение, поскольку позволяет оценить финансовый масштаб Гуанчжоу как морского внешнеторгового центра Цинской империи. Динамика поступлений — от 81 850 лянов серебра в 1727 г. до 1 789 424,323 ляна в 1837 г. — показывает резкое возрастание фискальной роли Кантонской таможни в период, предшествовавший Первой опиумной войне. Сопоставление этих данных с материалами по Кяхтинской торговле позволяет рассматривать морскую и сухопутную торговлю не как изолированные направления, а как взаимосвязанные каналы включения Цинского Китая в международный обмен XVIII – первой половины XIX в.

3. Второй этап: знакомство с современной чайной отраслью Китая

16 апреля из Гуанчжоу команда экспедиции выехала в провинцию Фуцзянь, посетив вначале крупный портовый город Сямэнь, расположенный напротив Тайваня. Основное внимание группы здесь было сосредоточено на двух объектах: традиционной ежегодной (апрель и октябрь) международной Чайной ярмарке и музее города. 17 апреля в ходе бесед и консультаций с участниками «Сямэньской международной чайной ярмарки–2026» командой проекта были уточнены многие вопросы, связанные с географией произрастания, сортами и марками китайского чая, традиционными и новыми технологиями его производства, упаковки и реализации как в самом Китае, так и за его пределами (см. фото 2).

Фото 2. Члены экспедиции на Сямэньской международной чайной ярмарке – 2026
[Photo 2. Members of the expedition at the 2026 Xiamen International Tea Fair]

Примечательно, что основными потребителями широкой номенклатуры товаров чайной отрасли Китая за рубежом остаются страны Африки, Юго-Восточной Азии, в то время как, например, в России о многообразии и высоком качестве китайского чая знают все еще сравнительно мало. Так, на ярмарке было представлено около 700 сортов чая, не считая множества различных чайных напитков. Обращают на себя внимание технологические линейки очищения материала, автоматизированные линии сбора, приготовления, упаковки чая, представленные разными производителями Китая. Торгово-выставочная деятельность в Сямэне только набирает обороты, тем более что многие продавцы присутствуют на рынке не более пяти лет. Отметим здесь, что чайные ярмарки, собирающие производителей не только чая, но и сопутствующих ему товаров (оборудование, упаковка, посуда и пр.) регулярно проходят по целому ряду городов Китая, отражая фундаментальную роль напитка не только в повседневной жизни населения, но и в пищевой промышленности. Для иллюстрации отметим, что в 2025 г. в стране было произведено 3,9 млн т чая [Статистический 2026], при этом 90 % этого объема было потреблено в самой стране и лишь 10 % отправлено на экспорт. Таким образом, КНР остается не только одним из крупнейших производителей чая в мире, но и одним из главных его потребителей.

17 апреля участники экспедиции ознакомились также с основными экспозициями музея Сямэня, которые демонстрируют историческую роль города в развитии морской торговли, заметно возросшую после первой Опиумной войны (1839–1842), лишившей Гуанчжоу монопольного права на торговое посредничество с западными странами. С этого периода Сямэнь постепенно превращается

в крупнейший торговый центр, а с 1980-х гг. уже и в мегаполис и своеобразную витрину высоких китайских возможностей. Городской музей хорошо репрезентирует историческую память китайского общества и те отправные этапы, которые пережили город и страна. Многие экспозиции откровенны в описании драмы опиумных войн и борьбы Китая за собственное самоутверждение через преодоление не только внешних, но и внутренних угроз.

4. Третий этап: чайный край в горах Уишаня

Из Сямэня маршрут экспедиции ушел вглубь провинции Фуцзянь — в сравнительно небольшой город Уишань городского округа Наньпин. Известность Уишаню принесли уникальные сорта местного чая, широко востребованные, в том числе в системе китайско-русской торговли XVIII–XIX вв. Именно эти места стали одними из первых важнейших поставщиков китайского чая для России на ранних этапах развития Великого чайного пути. В таком статусе город, как показала полевая работа, представлен и в большинстве местных экспозиций в музеях, выставочных залах чайных компаний и пр. Здесь же мы видим многочисленные упоминания российских городов на Великом чайном пути, начиная с забайкальской Кяхты и заканчивая столичными городами империи — Санкт-Петербургом и Москвой (см. фото 3).

Как показали интервью с представителями местной власти и бизнеса, в последние годы чайная отрасль в Уишане переживает период подъема вместе с туризмом. Так, известным в Китае и за рубежом брендом территории стала марка чая «Золотые брови» (金骏眉, *jīnjùnméi* — «цзинь цзюньмэй»). В городе действует более 1 000 чайных компаний, производящих ежегодно несколько десятков тысяч тонн чая, в том числе эксклюзивные марки стоимостью до 1 млн долларов за 1 кг. Важно отметить также, что изучаемый горный район с древности известен своей выдающейся ролью в выращивании чая, поскольку местные территории, расположенные южнее 30 градуса северной широты («золотой чайный пояс» — см. фото 4), обладают в Китае благоприятными условиями для культивации чайных плантаций. Одновременно этому способствуют местный терруар с утесами и каменистой почвой, высокая влажность воздуха и особый горный микрорельеф. Чайная специализация Уишаня — утесные улуны (марки «дахунпао», «шуй сян», «жоу гуй» и др.) и красные чаи (марки «лапсанг сушонг», «цзинь цзюньмэй»). Обо всем этом речь шла в том числе и 18 апреля 2026 г., в ходе визитов экспедиционной группы в две местные чайные фабрики (Чжэншаньтан и Уисин), а также парк-центр Чжэньянь, принадлежащий крупной чайной корпорации Хуасяньюань (Empireur). Отметим здесь, что эффективной работе экспедиции на этом этапе способствовала постоянная поддержка со стороны администраций городского округа Наньпин и уездного города Уишань. На двух фабриках в этот день были представлены экскурсионные и демонстрационные экспозиции, посвященные традиционным и новым способам и технологиям производства чая, особенностям местных сортов, географии их продаж в Китае и отдельных регионах мира. В визит-центре Чжэньянь представителями компании была подготовлена презентация деятельности фирмы в контексте продвижения чайной культуры на международных политических и прочих мероприятиях, в том числе высшего межгосударственного уровня с участием лидеров отдельных стран.

Фото 3. Карта-схема Великого чайного пути в демонстрационном зале чайного экопарка «Янцзыкэ», г. Уишань
[Photo 3. A map of the Great Tea Road in the Yanzike ecological tea garden's museum in Wuyishan]

В завершение дня руководитель экспедиции, академик РАН Б. В. Базаров дал интервью государственной телевизионной компании провинции Фуцзянь о российском участке Великого чайного пути и цели проводимой экспедиции.

19 апреля группа посетила чайные плантации Яньцзыкэ, плантации и цеха фирмы Фулянь на территории города, музейный комплекс чайной фирмы Уишань сяньцзян, а также чайную усадьбу семьи Цзоу, сохранившую исторический облик торговых рядов минувших столетий. В Яньцзыкэ («Ласточкино гнездо») был представлен экспериментальный участок, где внедряется система экологического культивирования чая без использования неорганических удобрений и пестицидов. Новейшие экспозиционные залы здесь и на других крупных фабриках демонстрируют не только разнообразные сорта китайского чая, географию их произрастания, но также основные черты нового государственного комплексного подхода Китая к организации чайной отрасли, предложенного Председателем КНР Си Цзиньпином во время его инспекционной поездки в Уишань в 2021 г., который приобрел наименование «Три аспекта чайного дела» (чайная культура, технологии и производство) [*Инспекционная 2021*]. Одновременно мы увидели, как в глобальном плане руководством страны делается расчет на продвижение китайского чая и культуры чаепития за рубежом, что вполне соответствует стратегии КНР «Один пояс – один путь». К слову, повсеместно высказано сожаление об отсутствии чайной торговли с Россией и возникали просьбы о поиске торговых партнеров на территории нашей страны, в том числе и от китайских компаний производственного оборудования.

5. Четвертый этап: на перекрестке чайных путей

Четвертый этап исследования включил три рабочих дня в провинции Хубэй. Прибыв в административный центр региона — г. Ухань, экспедиционная группа разместилась на территории кампуса Хубэйского университета. Это учреждение широко известно в качестве одного из наиболее деятельных центров по изучению ВЧП и включению последнего в перечень объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

21 апреля 2026 г. на базе университетского Института Великого чайного пути был проведен международный семинар, посвященный обзору и анализу совместной работы трех стран по формированию транснациональной заявки на включение ВЧП в обозначенный перечень. Примечательно, что наибольшее продвижение в этом вопросе демонстрирует сам Китай, изначально приложивший наибольшие организационные усилия по исследованию, общественному и политическому продвижению своего участка пути [*Предварительное исследование 2025*]. Эта работа, как показали групповые интервью, хорошо встроена в реализацию упоминавшейся нами ранее государственной концепции «Трех чайных аспектов» (культура, технологии, индустрия) и в более широкой программы развития международного взаимодействия Китая «Один пояс – один путь». Вся работа при этом проводится в рамках сохраняющихся пятилетних планов. Монголия, сформировавшая свою предварительную заявку на включение ВЧП в перечень объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, в целом определилась со схемой маршрута, объектами на Великом чайном пути [*Монгольский 2026*]. Россия активно включается в этот процесс: Министерством культуры РФ и Министерством иностранных дел РФ при участии Российского

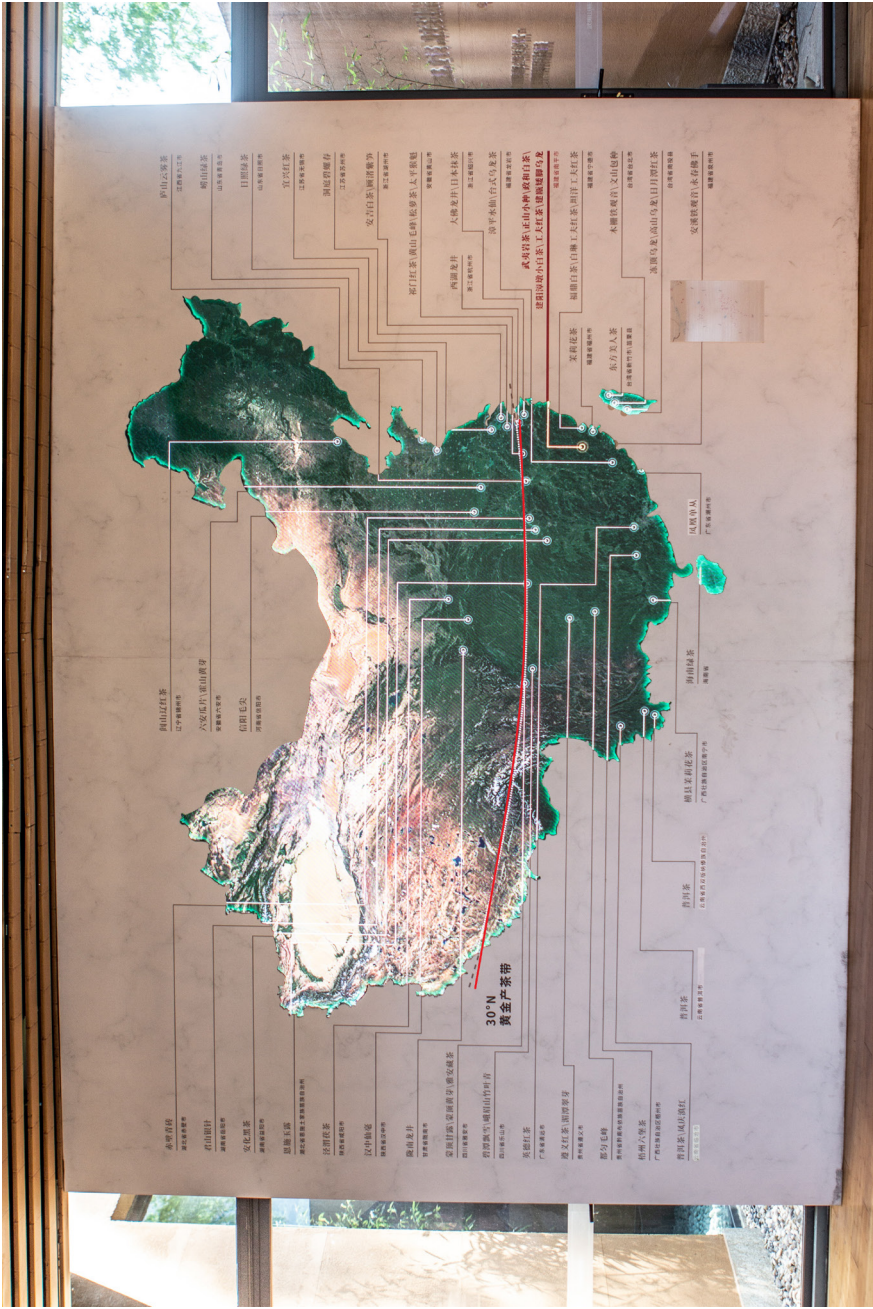

Фото 4. «Золотой чайный пояс» (выделено нами красным. — Авт.) и география произрастания основных сортов китайского чая [Photo 4. The Golden Tea Belt (highlighted in red by authors) and the geography of growing the main varieties of Chinese tea]

научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева в настоящее время продолжается работа по обоснованию Стратегии номинации российского участка в Список всемирного наследия. ИМБТ СО РАН также все более активно включается в работу по научной экспертизе историко-культурного наследия Великого чайного пути, в систему академического взаимодействия трех стран по этому вопросу. Так, 21 апреля 2026 г. был подписан меморандум о сотрудничестве между ИМБТ СО РАН и Хубэйским университетом. Документ предполагает намерения о совместных исследованиях и проектах, обмен преподавателями и учеными, организацию совместных мероприятий, в том числе связанных с продвижением Великого чайного пути.

В Ухане члены экспедиции также продолжили свою полевую работу. Важно отметить, что провинция Хубэй исторически играла важнейшую роль в системе ВЧП, поскольку на этой территории находились не только чайные плантации, но и важные транспортные коммуникации, узловые точки, перекресток чайных путей [Лю 2018]. Таким перекрестком речных и сухопутных путей с наиболее выгодным экономико-географическим положением, в частности, выступал г. Ханькоу, составивший один из современных районов мегаполиса Ухань. Этот городок явился важнейшим системообразующим центром чайной торговли, без которого было невозможно осуществление всего маршрута, поскольку здесь формировалась основная масса товара в направлении России. Как выяснилось в ходе экспедиции, именно в Ханькоу по решению императора Канси была образована таможня, ведавшая, в частности, делами северного тракта (ВЧП). 21 апреля 2026 г. наша группа посетила историческое здание таможни г. Ханькоу (кит. Цзянханьгуань) и несколько других объектов в городе, связанных с его торговым прошлым. Мы обращаем внимание на малоисследованную деятельность русских купцов на территории провинции, а также устройство иных иностранных торговых факторий на территории Ханькоу (британской, французской, немецкой, японской) (см. фото 5). Русская фактория сыграла одну из важнейших ролей в становлении Ханькоу как системного центра чайного пути, поскольку купцы Российской империи приложили усилия к определению северных маршрутов чайной торговли. Более того, эта фактория в течение длительного времени являлась крупнейшей, показала пример нового градостроительства и являлась образцовой во взаимоотношениях с местным населением на разных уровнях. В музее также наглядно прослеживается трагедия этой группы русских предпринимателей в условиях смены времен в XX в.

22 апреля 2026 г. участники экспедиции посетили поселок Янлоудун города Чибя — исторически значимый центр по производству зеленого кирпичного чая из сырья провинции Хубэй в 130 км от Уханя. Янлоудун исторически известен своим кирпичным чаем, который отправляли и на север — в Монголию и Россию. Первым объектом для посещения здесь выступил фабричный комплекс компании «Янлоудунская чайная индустрия». Как и на предыдущем этапе — на фабриках Уишаня, здесь был представлен современный демонстрационный холл практик будущего чайной отрасли Китая, склады компании по хранению, сушке сырья, залы ферментации, упаковки и реализации. Все они — показательный пример современных технологий развития чайной отрасли в КНР, которые сочетаются здесь с опытом прошлого. Особый интерес у группы вызвала автоматизированная система контроля за всем ходом производства на основе искусственного

интеллекта, а также некоторые экспонаты фабричного музея, например, самый большой в мире кирпич чая размером $1\,006 \times 8\,630$ мм, весом 2 025 кг (см. фото 6), что символизирует возникновение местного чая в 1006 г., производство первого кирпичного чая в Янлоудуне в 1863 г. и успех в реализации цели по производству местного чая на новом технологическом уровне к 2025 г.

В Янлоудуне группа также посетила усадьбу семьи Лэй — историческое поместье богатых торговцев чаем, в котором внимательно изучила и зафиксировала предметы домашнего убранства, быта, обработки, хранения, традиционного производства чая XVIII–XIX вв. После этого нами были изучены коллекции музея кирпичного чая Янлоудуна, хорошо иллюстрирующие, в частности, географию его распространения на Великом чайном пути (см. фото 7). Прогулка по торговым улицам Янлоудуна, а также историческим кварталам у пристани Синьдянь неподалеку, выходящим к берегам одноименной реки на границе провинций Хубэй и Хунань, усилила общее впечатление от атмосферы чайного городка.

23 апреля, в заключительный день работы экспедиции в Ухане, группа разделилась, чтобы посетить три объекта: Институт Великого чайного пути, научную библиотеку и Институт дизайна Хубэйского университета, интересный с точки зрения цифровой презентации наследия ВЧП.

Завершающим объектом исследования стал музей провинции Хубэй, позволивший подробнее изучить историю этого региона, в том числе во время расцвета чайной торговли между Китаем и Россией. Данные этой работы позволили точнее определить место Хубэя и Ханькоу в системе чайного пути. Оно определяется нами как одно из важнейших звеньев чайной торговли Китая на суше и на море.

6. Пятый этап: торговля чаем и итоги опиумных войн

24–25 апреля 2026 г. участники международной экспедиции провели в г. Нанкине, расположенном в нижнем течении Янцзы. Не вдаваясь широко в обзор исторического и современного значения города, в рамках исследований по теме экспедиции лишь подчеркнем, что именно в Нанкине был заключен договор 1842 г. между Цинским Китаем и Великобританией, который ознаменовал новый период во взаимоотношениях государства с западными странами, в том числе в контексте торговли (утрата таможенной независимости, монополии Гуанчжоу на посредничество в отношениях с западными странами — открытие новых портов для международной торговли и пр.). Это коренным образом изменило глобальные потоки чая, открыв новые, морские маршруты в дополнение к уже существующему Великому чайному пути в Россию. Вместе с тем этот период был отмечен расширением опиумной торговли и войн, которые привели к коррозии китайского общества и деградации государственных институтов, способствовали становлению колониального режима западных стран и формированию компрадорской буржуазии. Нанкин стал временным регулятором всех основных торговых потоков, в том числе с Россией.

24 апреля 2026 г. для участников экспедиции был организован научный семинар на базе Центра исследования национальных меньшинств и приграничных территорий Китая Нанкинского университета (см. фото 8). В рамках семинара руководитель экспедиции, академик РАН Б. В. Базаров представил сообщение о цели и задачах экспедиции, отметив, что она существенно расширяет и уточняет представления исследовательского коллектива об историческом и современном

Фото 5. Карта-схема концессий пяти иностранных государств на территории Ханькоу в историческом здании таможенного города
(ныне — музей Цзянханьгуань), г. Ухань
[Photo 5. A Sketch Map of the concessions of Five foreign countries in the territory of Hankou in the historic building of the city's customs
(now a museum Jianghanguan), Wuhan]

Photo 6. Самый большой в мире кирпич чая в выставочном зале компании «Янлоудунская чайная индустрия», Янлоудун
[Photo 6. The world's largest brick of tea at the Yanloudong Tea Industry Company's exhibition hall]

контекстах торговли на Великом чайном пути. В ходе дискуссии ученые обменялись вопросами, в том числе в части источниковой базы, историографии проводимых исторических и прочих исследований приграничных отношений Китая и России, международной торговли в Кяхтинском трансграничье. Участники экспедиции получили возможность поработать в библиотеке Центра исследования национальных меньшинств и приграничных территорий Китая Нанкинского университета, в том числе с редкими изданиями на китайском и европейских языках. Несомненный интерес представляет обширная информационная база университета: его библиотека в значительной мере оцифрована и уже представлена для работы научных сотрудников и студентов. Стороны высказали заинтересованность в сотрудничестве в части дальнейшего исследования Великого чайного пути.

25 апреля 2026 г. основным объектом посещения стал Музей Нанкина, а точнее — его исторические экспозиции, посвященные Цинскому периоду в истории Китая, демонстрирующие сложную картину социально-экономического и политического расцвета и упадка страны и провинции Цзянсу в XVII – начале XX вв. В музее также были изучены объекты материальной культуры (фарфоровые, шелковые изделия, предметы роскоши и др.), интересные в контексте изучения товарной номенклатуры в системе Кяхтинской торговли.

7. Шестой этап: возвращение к истории морской чайной торговли

26 апреля 2026 г. по пути из Нанкина в Пекин участники экспедиции посетили Шанхай. Основным объектом для изучения здесь был выбран Шанхайский исторический музей. Его экспозиции сегодня разделены на два блока: «Древний Шанхай» и «Современный Шанхай». В рамках последнего представлена, в частности, интересующая группу история города периода империи Цин, а также начальный период революционных событий XX в. Примечательно, что с подписанием Нанкинского договора (1842 г.) по итогам первой Опиумной войны Шанхай стал открытым портом, постепенно перехватив лидерство у Гуанчжоу, а отдельные западные страны также последовательно установили здесь свои концессии (колониальное наследие в музее иллюстрирует широко известная карикатура — см. фото 9).

Из традиционного провинциального городка в устье р. Янцзы Шанхай во второй половине XIX в. начал превращаться в современный город, став экономическим, культурным и идеологическим центром Китая эпохи поздней Цин. Фактически этот период заложил и двойственную природу города в качестве одной из колыбелей китайского капитализма и места встречи Востока и Запада.

Современный Шанхай, как и другие крупнейшие города страны, регулярно проводит на своей территории крупные выставочные мероприятия, связанные с чайной отраслью. Так, в дни экспедиции в городе проходила 29-я Шанхайская международная чайная ярмарка, подобная той, что экспедиционная группа посетила ранее в г. Сямэнь.

В экспедиционном движении от Уханя через Нанкин по реке Янцзы участники экспедиции, таким образом, изучили исторический маршрут доставки чая от Ханькоу — одного из исходных узлов международной чайной торговли внутри страны до портового Шанхая, из которого вместе с другими товарами чай начал в рекордных объемах поставляться в западные страны.

Фото 7. Карта-схема Великого чайного пути в Музее кирпичного чая Янлоудуна
[Photo 7. A map of the Great Tea Road at the Yangloundong Brick Tea Museum]

8. Седьмой этап и обсуждение итогов экспедиции

26 апреля 2026 г. участники международной экспедиции прибыли из Шанхая в Пекин. Заключительный этап работы начался с посещения буддийского монастыря Юнхэгун — главного буддийского храма китайской столицы. Ознакомительную экскурсию по территории монастыря, его главным объектам и музею провел Жамьян Кедруб — буддийский общественный деятель, доктор буддийской философии. С ним же участники экспедиции обсудили историческую и современную связь китайского и тибетского буддизма с чайной культурой и традициями КНР.

В этот же день в Институте исследований Азиатско-Тихоокеанского региона и глобальной стратегии Китайской академии общественных наук (КАОН) состоялся международный семинар, посвященный «Возрождению Великого чайного пути и созданию экономического коридора Китай-Монголия-Россия» (см. фото 10). В семинаре, организованном специально для участников экспедиции, приняли участие видные ученые и официальные лица из Международного аналитического центра «Один пояс – один путь» КАОН, Института России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН, Центра монголоведения КАОН, Института географии и природных ресурсов Китайской академии наук, Института Великого чайного пути при Хубэйском университете, Ассоциации продвижения китайской культуры и других учреждений. В рамках мероприятия были озвучены четыре научных доклада. Первые два были посвящены развитию экономического коридора Китай – Монголия – Россия в рамках инициативы «Один пояс – один путь», еще два — формированию транснациональной заявки на включение «Великого чайного пути» в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Содержательная дискуссия по итогам каждого из докладов позволила уточнить позиции академических учреждений трех стран по определению современных возможностей и вызовов в реализации рассматриваемых проектов.

На следующий день — 28 апреля 2026 г. — группа посетила Национальный музей КНР в Пекине, ознакомившись с передовыми и выдающимися достижениями, достигнутыми КНР в годы 14-й пятилетки (2021–2025 гг.), в том числе в сфере науки, высоких технологий и различных отраслей промышленности и сельского хозяйства (в роботизации и автоматизации, добыче полезных ископаемых, развитии высокоскоростного железнодорожного и авиационного транспорта, освоении космоса и др.).

Заключительным мероприятием экспедиции в Пекине стал международный научный семинар в Центре монголоведения КАОН, посвященный презентации итогов экспедиции и опыта ИМБТ СО РАН, Института истории и этнологии Академии наук Монголии (далее — ИИЭ АНМ) в изучении истории и культуры ВЧП и экономического коридора Китай – Монголия – Россия. Участников экспедиции приветствовала новый директор Центра монголоведения КАОН Чэнь Чуньсяо. Научный руководитель ИМБТ СО РАН, академик РАН Б. В. Базаров рассказал о ходе и результатах экспедиции, а также представил развернутый доклад об исторических предпосылках формирования российско-китайской границы, начиная с XVII в. и завершая Кяхтинским договором 1727 г., открывшим официальную торговлю между двумя странами. Участник экспедиции — ученый секретарь ИИЭ АНМ Ц. Энхчимэг сделала сообщение об историческом вкладе монголов в развитие торговли и шире — российско-китайских связей, а директор ИМБТ

Фото 8. Участники экспедиции с коллегами из Нанкинского университета
[Photo 8. Expedition members with colleagues from Nanjing University]

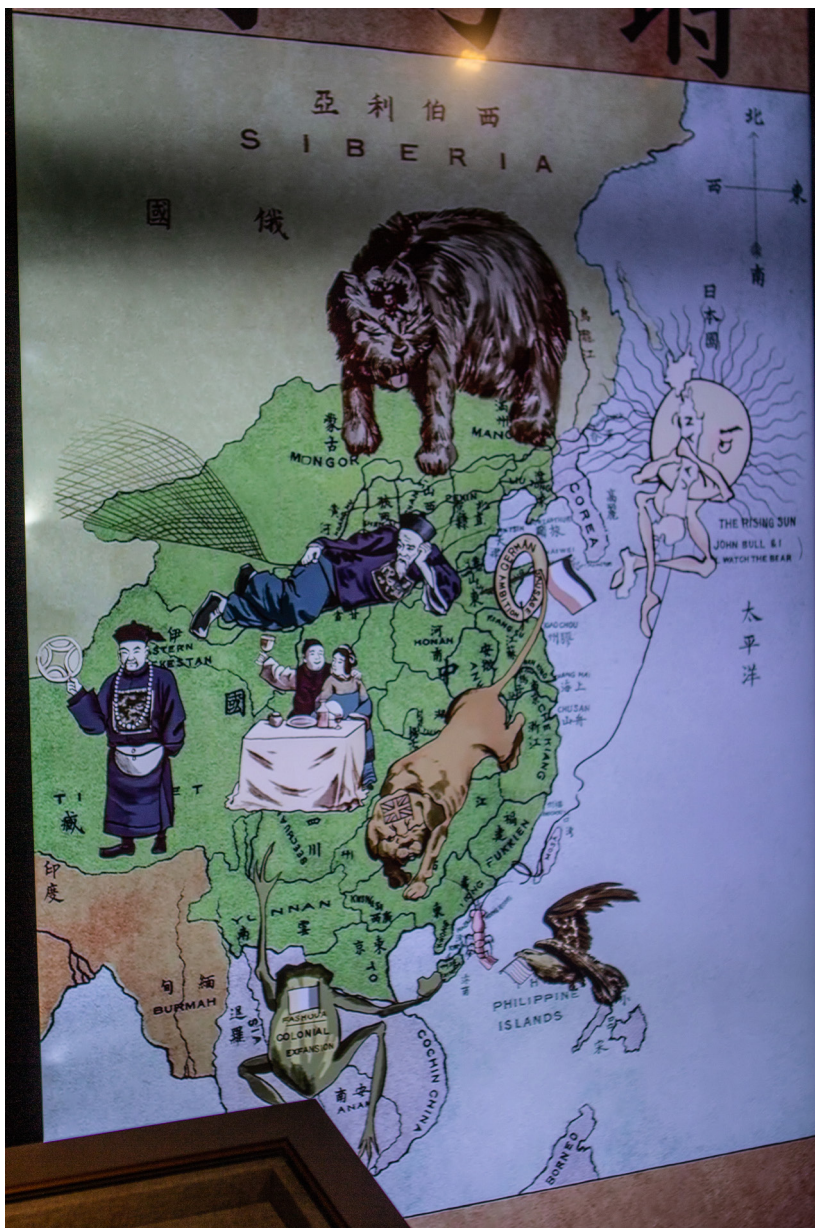

Фото 9. Сатирическая иллюстрация колониального интереса к Китаю со стороны крупнейших империй
[Photo 9. A satirical illustration of a colonial interest to China]

СО РАН Д. Д. Бадараев осветил текущие итоги реализации инициативы по созданию экономического коридора Китай – Монголия – Россия, уделив особое внимание возможностям использования исторического опыта Великого чайного пути в реализации современных проектов межгосударственного взаимодействия. По итогам семинара заместитель директора Центра монголоведения КАОН Ду Шивэй отметил актуальность представленных исследований и подчеркнул важность трехстороннего взаимодействия научных учреждений в их общей работе по изучению наследия Великого чайного пути и экономического коридора. В последующей дискуссии участники экспедиции ознакомились с научными направлениями и публикациями Центра монголоведения КАОН.

29 апреля 2026 г. экспедиционная группа благополучно вернулась в Россию. До конца 2026 г. участникам проекта предстоит выполнить объемную работу по систематизации и анализу собранных материалов, а также представить к изданию серию научных публикаций, раскрывающих основные итоги экспедиции.

9. Заключение

В рамках экспедиции 2026 г. командой проекта были успешно решены основные задачи по изучению истории становления и развития южного отрезка китайского участка ВЧП, уточнению его исторической географии (в особенности исходных его точек и ареалов — южных территорий империи Цин), оценке влияния на ВЧП системы морской торговли. Кроме того, в ходе экспедиции были уточнены масштабы и особенности организации чайной отрасли в современном Китае, содержание государственного подхода к ее развитию, связанное с актуализацией истории и культуры китайского чая, а также с внедрением новых технологий в его производство, продвижение и продажу, выраженные в «Трех чайных аспектах» и инициативе «Один пояс — один путь». В экспедиции 2026 г. был продолжен сбор первичного эмпирического материала, установлены контакты с представителями государственных ассоциаций, связанных с изучением и продвижением ВЧП, коллегами из научного и образовательного сообществ, а также отдельными представителями чайного бизнеса, региональных и местных администраций, позволившие получить актуальные сведения об интересующих нас явлениях и процессах из «первых рук», а также создать основы для последующего взаимодействия.

Отметим, что две проведенные в 2025 г. и 2026 г. в Китае экспедиции несут для России пионерное значение, поскольку до последнего времени отечественные ученые были скованы в возможностях организации полевых исследований в КНР такого масштаба и с подобного рода задачами. Масштабность предстоящей работы такова, что мы можем определить значение прошедших экспедиций лишь как «первый шаг дороги в тысячу ли».

Подчеркнем, что сами экспедиции не только дали большой массив эмпирических данных, которые еще предстоит уточнить с использованием дополнительных источников, но и продемонстрировали высокий интерес академического сообщества КНР к совместной работе по изучению истории взаимоотношений наших стран и современных проектов межгосударственного взаимодействия, будь то реализация инициативы «Один пояс — один путь», осуществление проекта экономического коридора Китай – Монголия – Россия или работа по включению ВЧП в список объектов всемирного наследия и др.

Фото 10. Участники семинара в Институте исследований Азиатско-Тихоокеанского региона и глобальной стратегии КАОН, г. Пекин
[Photo 10. Participants of the seminar at the Institute of Asia-Pacific Studies and Global Strategy of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing]

Источники

Инспекционная 2021 — 习近平在福建考察 (= Инспекционная поездка Си Цзиньпина в Фуцзянь) [электронный ресурс] // Госсовет КНР. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/25/content_5595687.htm (дата обращения: 12.05.2026).

Монгольский 2026 — The Mongolian section of the Great Tea Route (= Монгольский участок Великого чайного пути) [электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/6817/> (дата обращения: 12.05.2026).

Статистический 2026 — 中华人民共和国 2025年国民经济和社会发展统计公报 (= Статистический отчет о социально-экономическом развитии КНР в 2025 г.) // Государственное статистическое управление КНР. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfbjd/202602/t20260228_1962662.html (дата обращения: 12.05.2026).

Литература

Алексахина 2025 — Алексakhина С. Н. О развитии международного туризма в рамках проекта «Великий чайный путь» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. № 2. С. 90–101.

Бадмаев 2017 — Бадмаев А. Г. Общая характеристика основного маршрута и регионов Великого чайного пути // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. № 3(32). С. 63–70.

Базаров и др. 2025 — Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Базаров А. Б., Гомбожапов А. Д., Намжилова В. О., Цыреннов Ч. Ц., Энхчимэг Цэндмаа. От Чайного пути к Монгольскому коридору «Нового Шелкового пути»: полевые результаты междисциплинарной экспедиции Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН в КНР (август 2025 г.) // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 525–545. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-525-545

Sources

Xi Jinping's Inspection Tour to Fujian. In: State Council of the People's Republic of China. Available at: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/25/content_5595687.htm (accessed: 12 May 2026). (In Chin.)

The Mongolian Section of the Great Tea Route. UNESCO. Available at: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/6817/> (accessed: 12 May 2026). (In Eng.)

Statistical Report on the Socio-Economic Development of the People's Republic of China in 2025. In: National Bureau of Statistics of the People's Republic of China. Available at: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfbjd/202602/t20260228_1962662.html (accessed: 12 May 2026). (In Chin.)

References

Aleksakhina S. N. On the Development of International Tourism within the Framework of the Great Tea Road Project. *East Asia: Facts and Analytics*. 2025. No. 2. Pp. 90–101. (In Russ.)

Badmaev A. G. General Characteristics of the Main Route and Regions of the Great Tea Road. *Bulletin of the Altai State Pedagogical University*. 2017. No. 3(32). Pp. 63–70. (In Russ.)

Bazarov B. V., Badaraev D. D., Bazarov A. B., Gombozhapov A. D., Namzhilova V. O., Tsyrenov Ch. Ts., Enkhchimeg Tsendmaa. From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the “New Silk Road”: Field Results of the Interdisciplinary Expedition of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB of the RAS in the PRC (August 2025). *Mongolian Studies (Elisita)*. 2025. Vol. 17. Is. 3. Pp. 525–545. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-525-545

- Борисов и др. 2017 — Борисов Г. О., Дондоков З. Б.-Д., Намжилова В. О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: режим ожидания // ЭКО. 2017. № 5. С. 80–98.
- Борисов G. O., Dondokov Z. B.-D., Namzhilova V. O. China – Mongolia-Russia Economic Corridor: Standby Mode. *ECO*. 2017. No. 5. Pp. 80–98. (In Russ.)
- Ван 2025 — 王公为. “万里茶道” 国际旅游品牌: 共商共建共享机制研究. 北京: 社会科学文献出版社, 2025. 303 頁. (= Ван Г. Международный туристический бренд «Великий чайный путь»: исследование механизма совместных консультаций, совместного строительства и получения общей выгоды. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2025. 303 с.).
- Ван G. “The Great Tea Road” International Tourism Brand: A Study of the Mechanism of Joint Consultations, Joint Construction, and Sharing. Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 2025. 303 p. (In Chin.)
- Дацышен 2023 — Дацышен В. Г. «Великий чайный путь» в работах современных исследователей: продолжение темы // Российское китаеведение. 2023. Т. 5. № 4. С. 130–145. DOI: 10.48647/ICCA.2024.11.14.005
- Datsyshen V. G. “The Great Tea Way” in the Works of Contemporary Researchers: an Extension of the Research Topic. *Russian Sinology*. 2023. Vol. 5. No. 4. Pp. 130–145. (In Russ.) DOI: 10.48647/ICCA.2024.11.14.005
- Дондоков, Намжилова 2022 — Дондоков З. Б.-Д., Намжилова В. О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов // ЭКО. 2022. № 12. С. 52–71. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-12-52-71
- Dondokov Z. B.-D., Namzhilova V. O. The China-Mongolia-Russia Economic Corridor: Building Infrastructure Connectivity in the Face of Global Challenges. *ECO*. 2022. No. 12. Pp. 52–71. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-12-52-71. (In Russ.)
- Косс, Плотникова 2015 — Косс Р. А., Плотникова М. М. Великий чайный путь и формирование локальной идентичности на примере городов Иркутска и Ханькоу // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 3(30). С. 128–134.
- Koss R. A., Plotnikova M. M. The Great Tea Road and the Formation of Local Identity: The Case of Irkutsk and Hankou. *Bulletin of Perm University. Series: History*. 2015. No. 3(30). Pp. 128–134. (In Russ.)
- Лю 2014 — Лю Ц. Чайный путь и русская диаспора в Ханькоу // Русин. 2014. № 3(37). С. 197–204.
- Liu Ts. The Tea Road and the Russian Diaspora in Hankou. *Rusin*. 2014. No. 3(37). Pp. 197–204. (In Russ.)
- Лю 2018 — 刘再起. 湖北与中俄万里茶道. 北京: 人民出版社, 2018. (= Лю Ц. Хубэй и китайско-российский Великий чайный путь. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2018. 220 с.).
- Liu Ts. Hubei and the Sino-Russian Great Tea Road. Beijing: Zhen'min' Chubanshe, 2018. 220 p. (In Chin.)
- Попова 2013 — Попова И. Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймачен // Mongolica. 2013. № 11. С. 28–36.
- Popova I. F. Russian-Chinese Trade in Kyakhta and Maimachen. *Mongolica*. 2013. No. 11. Pp. 28–36. (In Russ.)

- Предварительное 2025 — 世界遗产视角下的万里茶道（中国段）文化遗产资源预研究 / 万里茶道联合申报世界文化遗产办公室，中国建筑设计研究院有限公司建筑历史研究所编著。北京：科学出版社，2025. 275 頁 (= Предварительное исследование ресурсов культурного наследия Чайного пути (китайский участок) с точки зрения всемирного наследия / под ред. Объединенного бюро по подаче заявок на включение Чайного пути в список всемирного культурного наследия и Института истории архитектуры Китайской группы архитектурного проектирования и исследований. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2025. 275 с.).
- Lee 2014 — *Lee Ch. From Kiachta to Vladivostok: Russian Merchants and the Tea Trade // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2014. Vol. 3. № 2. Pp. 195–218. DOI: 10.1353/reg.2014.0017
- Preliminary Study of the Cultural Heritage Resources of the Tea Road (Chinese Section) from a World Heritage Perspective. Joint Office for Applications for the Inclusion of the Tea Road in the World Cultural Heritage List and the Institute of Architectural History of the Chinese Architectural Design and Research Group (ed.). Beijing: Kexiue Chubanshe, 2025. 275 p. (In Chin.)
- Lee Ch. From Kiachta to Vladivostok: Russian Merchants and the Tea Trade in Region: *Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2014. Vol. 3. No. 2. Pp. 195–218. DOI: 10.1353/reg.2014.0017 (In Eng.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2026. Т. 18. № 1

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 01.04.2026. Формат 70х108/¹/₁₆.
Усл. печ. л. 19.08. Тираж 100 экз. Заказ 08-26.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8